

 ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 47 НОЯБРЬ 1979

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 47 (2732)

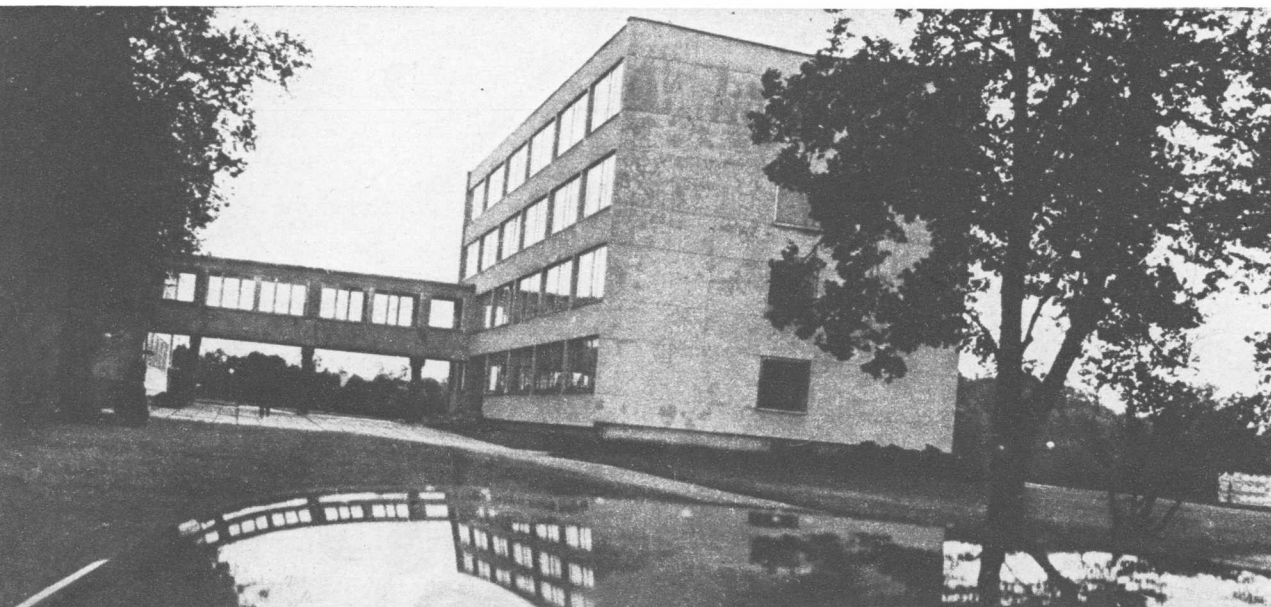
17 НОЯБРЯ 1979

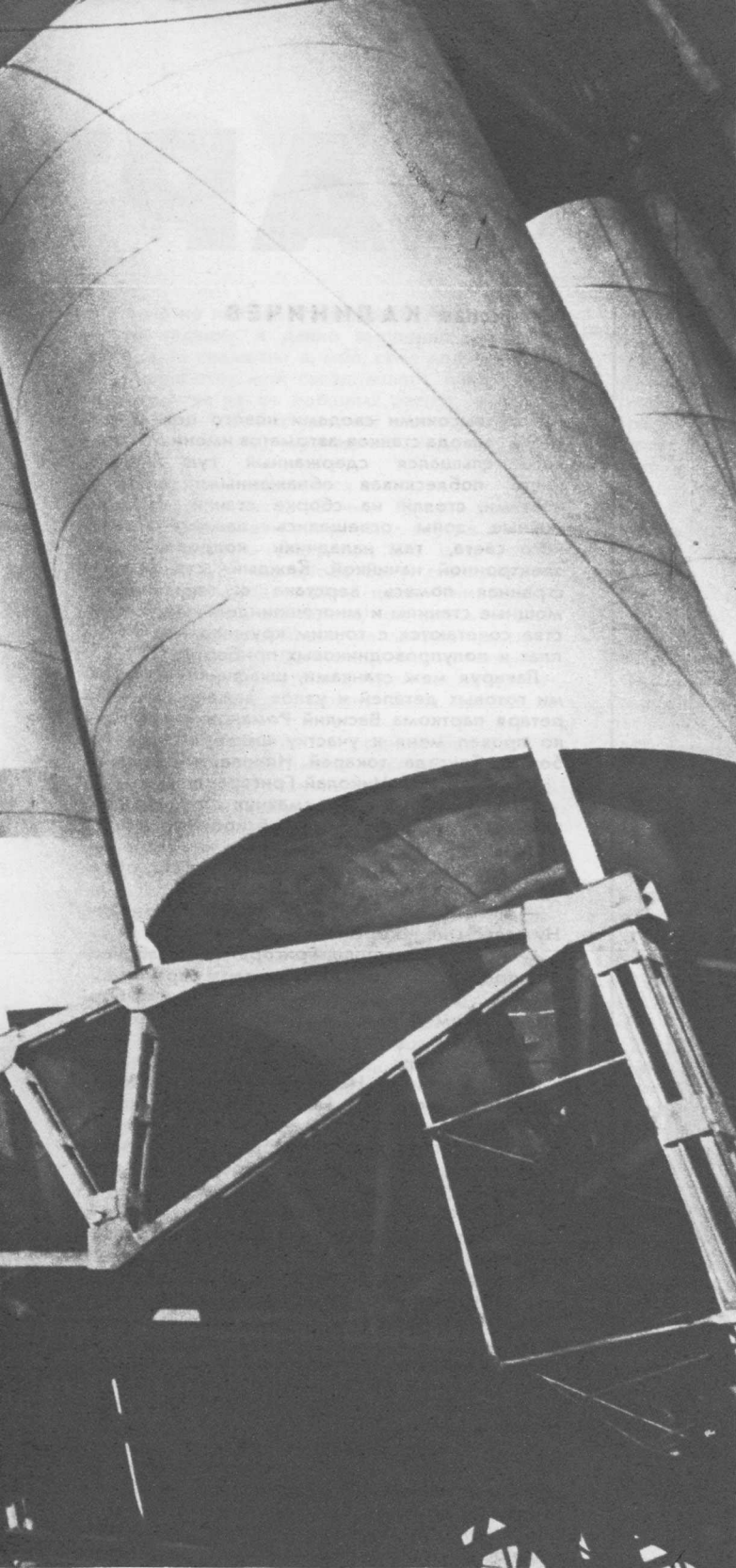
© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

Пункт подготовки семян в колхозе имени Ленина.

ТАЛСЫ ПРЕДЛАГАЮТ

Новая площадь в Талсах. Правление районного аграрно-промышленного объединения.

МОДЕЛЬ

Оранжерея колхоза «Драудзиба» — детище старого цветовода Валдмира Берзиньша.

Член-корреспондент Академии наук Латвийской ССР Арнис Калныньш.

1

ЛЮДИ, приезжающие в Талсы за опытом, с места в карьер спрашивают: «Можете ли вы оказать помощь, чтобы и нам поскорее внедрить новшество?» Такова жажда нового в сельском хозяйстве. И это хорошо. Плохо другое: все еще не изжито стремление заполнить «рецепт», нимало не заботясь о беспристрастном социально-экономическом анализе сложившейся в том или ином районе ситуации.

Но прежде чем рассказать, где находятся Талсы и чем знаменательна тамошняя осень, необходимо некоторое отступление. Люди молодые возражают против того, чтобы их называли «начинающими». То ли слово кажется обидным, то ли проявляется желание самоутвердиться. А слово-то хорошее, не обидное; человек, относящийся к делу творчески, по сути своей, начинающий — он каждый раз, как только приступает к исполнению очередного замысла, начинает и жизнь свою и самого себя как бы сызнова. Ищущие всегда начинающие. Суждения эти пришли в голову там, в Талсах, маленьком латвийском городке, где каждый день одарял знакомством с людьми, заметно не удовлетворенными достигнутым. По-моему, именно чувство неудовлетво-

Николай БЫКОВ,
фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

См. стр. 18—20.

ПАРТ

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Под высокими сводами нового цеха Киевского завода станков-автоматов имени М. Горького слышался сдержанный гул. Маслянисто поблескивая обнаженными внутренностями, стояли на сборке станки, их монтажные зоны освещались лампами дневного света, там наладчики колдовали над электронной начинкой. Каждый станок как странная помесь верстака с телевизором: мощные станины и многошпиндельные устройства сочетаются с тонким кружевом печатных плат и полупроводниковых приборов.

Лавируя меж станками, шкафчиками, горками готовых деталей и узлов, заместитель секретаря парткома Василий Романович Кузьменко провел меня к участку шестерен, где работает бригада токарей Николая Антоненко.

— Мы к тебе, Николай Григорьевич.

Он выключил станок, смахнул стружку и повернулся, комкая в руках обтирочные концы. Подтянутый, напряженный, глаза как море зимой. Узнав о цели моего визита, сказал, обращаясь к Кузьменко:

— Не ко времени это, Василий Романович. Ну совсем не ко времени!

— А что произошло, Григорьич? — озабоченно спросил заместитель секретаря парткома.

— Та... Вчера ж состоялось отчетно-выборное. Цехком избрали, а председателя еще нет. Договорились теперь собраться завтра. Весь день тут меж собой: ду-ду, ду-ду — но так и не решили. Наседают на меня. Чтоб я председательствовал. Но вы ведь понимаете, Василий Романович, что это невозможно... Я же партгрупорг. Хоть разорвись! — с силой комкая обтирочные концы, досадовал Антоненко.

— Ладно, — сказал Кузьменко, — я постараюсь уладить это, а вы пока поговорите с корреспондентом.

Антоненко спрятал, наконец, тряпицы в карман своего синего халата, окинул меня тоскливым взглядом и снова повернулся к Кузьменко.

— Чего вам ходить — нам самим надо решать и договариваться. А в прессе можно рассказать о ком-то другом. Сколько хороших людей в цехе...

Но мне уже не хотелось кого-то другого. Как ни странно, но эта несговорчивость Николая Григорьевича — его ершистость, что ли? — вызывала симпатию, желание узнать его лучше. В нем чувствовалась крепкая самостоятельность, умение отстаивать свои принципы и убеждения. И, как понял я из дальнейших разговоров, он был прекрасно осведомлен о делах цеха, знал людей, их характеры и настроения. Здесь, у станка, за четверть часа до смены он был один. Но меня не покидало ощущение, что за его спиной стоят товарищи, единомышленники, готовые поддержать своего вожака. Их незримое присутствие придавало его словам весомость, значительность.

В тот день ему действительно было не до разговоров со мною. А на следующий день намечалось заседание цехового комитета профсоюза, чтобы избрать, наконец, председателя. А затем шли два выходных, которые он давно обещал провести с семьей. А затем... В общем, все было расписано до вторника, до вечера, когда он собирался поехать в Москву.

Но все же узнал я его неплохо. Правда, большую часть сведений о нем дал мне не он сам, а люди, которые много лет знают его, работают с ним.

Встретились мы с Николаем Григорьевичем во вторник. До поезда, которым он уезжал в Москву, оставалось несколько часов.

— Вы и меня поймите, — сказал Антоненко, — не мог я раньше. Решался такой важный для цеха вопрос. А в рабочее время уходить

ДЛЯ БЛАГА

СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

12 ноября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылся X съезд уполномоченных потребительской кооперации СССР.

Его участники тепло встретили товарищей А. П. Кириленко, И. В. Капитонова, М. С. Горбачева. В президиуме также — председатель Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. Ф. Сизов, заместители Председателя Совета Министров СССР Т. Я. Киселев, З. Н. Нурiev, ответственные работники ЦК КПСС, министры СССР, передовики потребительской кооперации и сельского хозяйства.

Собравшиеся продолжительными аплодисментами встретили приветствие Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР X съезду уполномоченных потребительской кооперации СССР. Текст приветствия огласил секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

С отчетным докладом правления Центросоюза выступил его председатель А. А. Смирнов.

Фото И. Тункеля

ГРУППОРГ

от станка не люблю. В принципе. Личное пятилетнее задание я давно выполнил, но ведь бригаде не скажешь: я, мол, свое дело сделал. Да и заработок мой сегодняшний, прямо скажем, зависит не от прошлых заслуг, а от того, сколько готовых деталей мы все сдадим за смену. У нас бригадный подряд. Правильно?

— Конечно,— согласился я.

Одна особенность. О чем бы ни говорил Николай Григорьевич, при этом всегда как бы присутствуют его товарищи, его цех, завод. Получается так, что вроде бы и его семья — своего рода продолжение цеха. Или наоборот... Токарному мастерству он здесь учился у своего старшего брата, на заводе трудятся его сестра и жена. Да и сыну своему Антоненко посоветовал поступить в такой институт, чтобы, получив диплом, можно было прийти на завод.

— Приехал я сюда из родной Песковки — это недалеко от Киева,— вспоминает он.— Отец мой там на стекольном заводе работал. Окончил тогда семь классов и решил — хватит у отца на шею сидеть. У него, кроме меня и Александра, который тогда уже был токарем, еще четверо младших оставалось. Поработал я три года — призвали в армию. И там впервые почувствовал, как много дал мне завод. По возрасту я был такой же, как и другие солдаты, но в ремонтной роте — служил-то в танковых войсках — с первого дня считался полноценным специалистом.

В 1959 году вернулся Антоненко на свой завод. Николай Григорьевич вообще отличается постоянством: в суждениях, симпатиях — во всем. У одного из того же станка проработал 17 лет. И не всегда ему на пользу такая непрерывность. Вернувшись из армии, например, он посчитал, что семилетки вполне достаточно для того, чтобы стать хорошим мастером, и для жизни вообще. Никакие уговоры не могли заставить его учиться в вечерней школе дальше.

Но вот началось движение за коммунистический труд. Создали комсомольско-молодежный коллектив токарей и в их цехе. Когда решали, кому быть бригадиром, в выборе никто не сомневался — Николаю Антоненко. Дело было новое. Большая ответственность легла на плечи парня. Вот тут-то он и почувствовал, что грамоты у него маловато. Да и в борьбе за звание бригады коммунистического труда пункт об учебе стоял не на последнем месте.

Пошел в восьмой класс. С первых дней понял, как отстал и сколь поверхностными были его знания. Но такой уж характер: если решил — идет до конца. Он не пропустил ни одного урока. В первые месяцы еще «плавал», а потом не позволял себе получать меньше четверки.

А окончив восьмой, подумал: «Вот получу аттестат и... сравняюсь с мальчишками, которые только выбирают дорогу в жизнь. Стоит ли терять на это время, если за пять лет смогу окончить техникум?» И поступил в машиностроительный.

Николай Григорьевич на решения не скор. Можно сказать, неподатлив, как металл, с которым работает. Но если уж взялся за что-то, не отступится, будь то работа, общественная нагрузка или чужая судьба, в которой принял участие.

Звонит ему как-то председатель завкома: зайди, говорит, посоветоваться с тобой хочу. Сидит у него девчонка — хнычет. Приехала в Киев, к сестре, на работу решила устроиться, но нигде не берут: нет еще семнадцати лет. Возвращаться ей некуда. Так уж сложились обстоятельства.

— Надо что-то решать с Наташей,— сказал председатель завкома.

— Надо,— согласился Антоненко.

Николай Григорьевич в заводском комитете профсоюза отвечает за работу с подростками и молодежью. В общем,

написали нужную бумагу в отдел кадров, поставили свои подписи, и поступила Наташа в цеховую инструменталку. Девчонка оказалась бойкой, старательной. Но у Николая Григорьевича беспокойно было на душе. Сестра Наташи работает дворником, занимает служебную комнату: там и девчонка ютится, а по сути нет у нее пристанища. В большом же городе соблазнов всяких немало. Вот и пришел Антоненко к начальнику отдела кадров с просьбой:

— Нужно устроить Наташу в заводское общежитие.

— Нет мест,— ответил тот.

— Потому я к вам и пришел.

В общем, необходимое обещание Николай Григорьевич получил.

Но, как говорят на Украине, обещал пан тулуп — уже само его слово теплое. Через две недели пошел Антоненко еще раз в отдел кадров, потом — еще.

— Вы же меня знаете, не отступлюсь.

Короче говоря, устроил он Наташу в общежитие, прижилась она на заводе, здесь же потом и замуж вышла.

Так же внимательно относится он к своим ученикам. У Николая Григорьевича их было не так уж и много — не больше двадцати. Такой мастер, как он, мог бы иметь и больше. Но не всем впору высокая преданность делу, которой он требует от подопечных. Слабого он готов поддержать, неумелого научить, но вот лжи и халтуры не понимает и не принимает.

Зато если человек рвется к делу, хочет чему-то научиться, Антоненко ему не только мастерство — душу готов отдать. Привели к нему однажды паренька, Сашу Швецову, — только что демобилизовался из армии. А теперь решил стать токарем. Человеком он оказался веселым, легко сходился с людьми, быстро увлекался чем-то и так же быстро остывал. В общем, был прямой противоположностью своего учителя. Но Николай Григорьевич рассмотрел в парне любовь к делу, щедрую отдачу, искренность.

Прошло время, и Швецов стал работать самостоятельно, станки их стояли рядом, и Николай Григорьевич ревниво следил за ростом Сашинего мастерства. Тот сделался отличным токарем, вошел, как говорят, в кадровый состав завода.

А в прошлом году в цехе стали внедрять единый бригадный наряд. Тут уж станочник не скажет: я, мол, свое дело сделал, а остальное меня не касается. Лодырь и прогульщик попадают прежде всего под прицел тех, с кем рядом работают. Всю смену члены бригады на виду друг у друга, у них общее задание и общий на всех заработок. А сообща и силы множатся.

В конце месяца экономисты подсчитают, что бригада заработала, скажем, тысячу рублей. А уж сколько из этой тысячи положено каждому — коллектив решает сам. Решают, конечно, сообща, но первое слово — за бригадиром. А практически оно, как правило, и последнее. Наверное, не стоит объяснять, сколь авторитетной должна быть фигура бригадира. Да и при подборе людей в коллектив надо учитывать многие тонкости.

Надо сказать, на киевских предприятиях бригадный наряд вообще внедряется довольно широко.

Николай Григорьевич Антоненко, которому предложили сформировать такую бригаду, определил ее примерный состав и зашел к начальнику цеха со списком. Тот перечитал фамилии не спеша, как бы присматриваясь к каждому, кто за ними стоял, и удивленно спросил:

— А где же Швецов? Ведь отличный токарь, ваш ученик, да и... уважают его рабочие.

— В том-то и дело,— ответил Антоненко,— я бы охотно взял Сашу к себе, но он достаточно вырос уже, чтобы самому руководить бригадой. Если серьезно подходить к внедрению

Н. Г. Антоненко и член его бригады Федор Баклан.

Фото А. Афанасьева

бригадного наряда, на кого нам и опереться, как не на Швецова.

— Вы правы,— согласился начальник цеха.

Но прошел месяц, другой, в бригаде Антоненко, перешедшей на единый наряд, повысилась производительность труда, а Швецов продолжал работать рядом, но вне бригады, по индивидуальному наряду. Николаю Григорьевичу даже неловко было, ведь не объяснишь, что, мол, так и так, я тебя в бригады прочил, а потому ты вообще сам по себе остался. Конечно, не поздно было и взять Швецова к себе. Другой, возможно, так и поступил бы. Но Антоненко никогда не был уступчивым, а тем более отступчивым. Он очень серьезно поговорил с кем следует, и в цехе появился еще один коллектив, работающий по бригадному наряду.

Прямота, принципиальность у Николая Григорьевича — во всем. Он может выступить на собрании и смутить благодушную настроенность предыдущих ораторов, свернуть разговор с общеизвестных достижений на менее известные недостатки. Но за это его и любят. Коммунисты Киева посылали Антоненко делегатом на XXV съезд КПСС, а совсем недавно — уже в девятый раз подряд — он избран партгрупоргом на своем участке. Это совсем непростое дело — быть вожаком коммунистов...

— А зачем вы нынче собрались в Москву? — спросил я Николая Григорьевича.

Он вдруг совсем неожиданно разудалился.

— Есть там у меня друг на заводе «Красный пролетарий». Тоже токарь — Владимир Дмитриевич Чернышов. Мы семьями дружим. И жены и дети наши хорошо знакомы... Тут давняя история. Еще перед войной участвовали москвичи в строительстве нашего завода. А после войны краснопролетарцы помогали нам восстанавливать разрушенные цеха, присылали своих специалистов, оборудование. В пятьдесят четвертом году, когда праздновалось трехсотлетие воссоединения Украины с Россией, коллективы «Красного пролетария» и завода имени Горького заключили договор на социалистическое соревнование. Соревнуются отдельные цеха, участки. А моя бригада вот уже девять лет соревнуется с бригадой Чернышова.

Ну, а дальше — больше,— продолжал Антоненко.— Мы в завкоме приняли решение: выдавать краснопролетарцам путевки на наши базы отдыха, как своим рабочим, на льготных условиях. У нас же на Днепре — домики, приволье, рыбалка... И все это за двадцать рублей в месяц. Вот там и наши семьи познакомились: Чернышов отдыхал с женой и детьми, и я тоже. Теперь частенько навещаем друг друга.

— Ну а все-таки, зачем вы сейчас туда едете? — спросил я.

— Вот — читайте. Чтобы все было ясно, мою жену зовут Лена, а Лида — это дочка Владимира Дмитриевича.

И подал телеграмму, в которой говорилось: «Дядя Коля и тетя Лена, я выхожу замуж — приезжайте на свадьбу. Лида».

Я пожелал ему счастливого пути.

Киев.

Радость большой победы. На митинге в Баку.

Тарлан Мусаева — механизатор, депутат Верховного Совета СССР.

Бардинский хлопкоочистительный завод.

Т Р У Д И ПЕСНЯ

Ю. КОЗЛОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

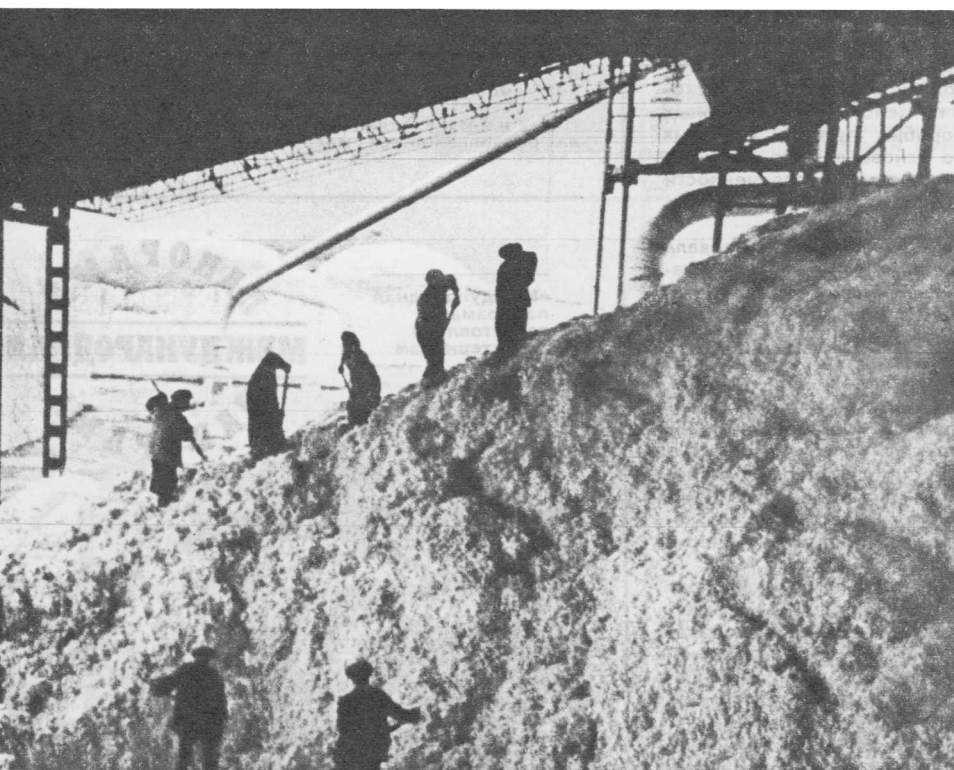
На азербайджанской земле двойной праздник. За несколько дней до 62-й годовщины Великого Октября земледельцы республики рапортовали Родине: выполнены высокие социалистические обязательства. Собрано и заготовлено рекордное количество даров полей — 740 тысяч тонн хлопка, 970 тысяч тонн винограда, а также зерна, овощей, бахчевых культур, картофеля, чайного листа и коконов тутового шелкопряда. С приветственным письмом к труженикам Азербайджана обратился товарищ Л. И. Брежнев. «Доброй традицией работников сельского хозяйства республики, — говорилось в письме, — стало ежегодное выполнение и перевыполнение социалистических обязательств, что позволило по зерну, овощам и плодам за четыре года выполнить пятилетние планы. Создан хороший задел для досрочного завершения пятилетки и по другим продуктам земледелия и животноводства».

Вся страна поздравляет Азербайджан с большой трудовой победой.

Наш репортаж — из недавних «горячих» точек республики, где в нелегких погодных условиях земледельцы вырастили и убрали рекордные урожаи.

— Брала повышенные обязательства — собрать сто десять тысяч тонн винограда, а взяли сто тридцать шесть тысяч! — говорит первый секретарь Шемаханского райкома партии Фейруз Мустафев. — И что примечательно, прирост достигнут не за счет увеличения площади, а за счет отдачи с каждого гектара, за счет комплексного подхода к борьбе за урожай... И — победа! Очень трудно выделить кого-то из передовиков. Выбирайте любое хозяйство. ...И вот мы в известном на всю страну виноградарском совхозе имени Ленина. Здесь выращивают превосходный виноград «Матраса». Пять сортов вина делают из него. Пятнадцать золотых и серебряных медалей завоевало это вино на международных выставках. Последнюю — большую, золотую — в этом году в Загребе.

Комплексный подход к росту урожая, о котором говорил Мустафев, виден в хозяйстве на каждом шагу. Вот искусственный водоем для орошения, а всего таких рукотворных озер в районе один-

Последние солнечные гроздья.

надцать, и большинство из них создано недавно. Или водовод. Благодаря ему летом в пятидесятиградусную жару спасли от засухи четыре с половиной тысячи гектаров виноградинов.

— Пятьдесят центнеров с гектара у нас хорошим урожаем считали, а тут вдруг говорят: вдвое больше можно взять! — рассказывает директор совхоза Надыр Мамедов. — Не все сразу поверили. Ну, а потом за живое взяло: неужели землю свою не знаем? Рекогносцировочный урожай — это, конечно, хорошо. Но главное, думается, в том, что люди по-новому стали относиться к земле. С душой, с любовью. Поняли: не жалей труда, земля отплатит сторицей...

...Из Шемахи в Барду путь неблизкий. Живописный Ахсунинский перевал остается позади — деревья на склонах, заросли ежевики, мокрые от дождя.

В Барду приехали в воскресенье, в полдень. Улицы полны людей. Пронеслись свадебные караваны

из «Жигулей»: пять свадеб насчитали, не меньше.

— Люди хорошо поработали, — сказал первый секретарь Бардинского райкома партии Рустам Касумович Сафаралиев, — теперь можно и отдохнуть.

Сафаралиев — человек в Азербайджане известный. Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов. Недавно ему исполнилось семьдесят лет, однако его памяти, умению разбираться в сложной ситуации, повести за собой людей позавидуют многие молодые руководители. Не говоря уж о его огромном, почти полувековом опыте работы. Дважды его направляли в отстающие районы, и он выводил их в передовые. Взял, например, ту же Барду: в 1973 году здесь собрали всего 20 тысяч тонн хлопка, а в нынешнем — свыше 85 тысяч! Такого большого хлопка район не знал.

Запомнился механизатор Джемал Балагиев, собравший за сезон с плантации колхоза «Москва» 190 тонн хлопка. Никан нельзя было предположить, что этот

стройный моложавый человек уже... дедушка!

...В столице республики дождь. С Каспийского моря дует ветер. Однако во Дворце имени В. И. Ленина, где проходит митинг представителей трудящихся республики, кажется, светит солнце — так много улыбок, так сверкают ордена. Успех по праву разделяет с земледельцами весь Азербайджан.

— О чем мы пишем? — сказал мне народный поэт Азербайджана Сулейман Рустам. — О людях, о земле. Многие писатели, поэты, композиторы Азербайджана кровно связаны с делами и заботами тружеников сельского хозяйства. Сегодня буду читать новое стихотворение, посвященное героям страды. «Что говорит мое сердце» — так можно перевести название. Много раз уже выступал, а все равно не могу сдержать волнения...

У юной Тарлан Мусаевой, механизатора из колхоза «Коммунизм», Бардинского района, — о ней сложили песню поэт Нариман Гасан-заде и композитор Эмин

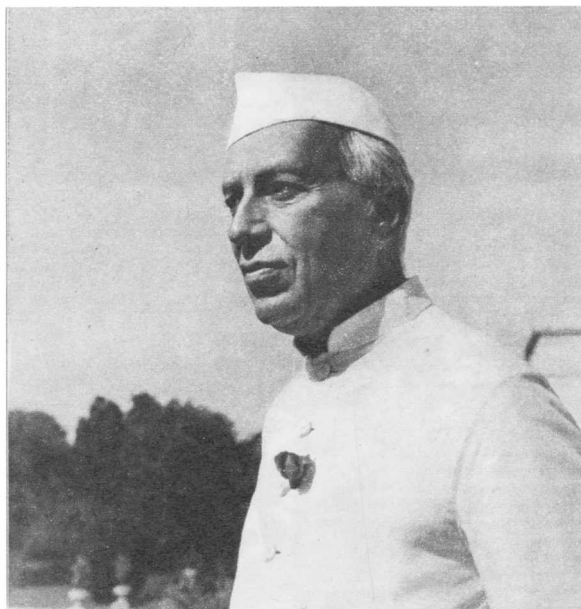
Сабит-оглы, — я спросил, как она относится к тому, что о ней поют песню.

— Не отношу ее на свой счет, — засмеялась Тарлан, — знаю сто девушек, чьи имена можно поставить в песню вместо моего. Так что не про меня одну песня. А если серьезно... — Она задумалась. — Людям дорог наш труд. Останется песня, значит, и труд наш останется в памяти народной. А более дорогой награды быть не может!

На митинге выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджана тов. Г. А. Алиев. Он зачитал собравшимся приветствие Леонида Ильича Брежнева, поздравил тружеников сельского хозяйства республики с большой победой, наметил новые рубежи. Участники митинга с воодушевлением приняли текст письма Центральному Комитету КПСС, товарищу Леониду Ильичу Брежневу.

Баку — Шемаха — Барда.

ВЕЛИКИЙ СЫН ВЕЛИКОГО НАРОДА

Четырнадцатого ноября индийский народ отметил девяностолетие со дня рождения своего великого сына, стойкого борца за независимость страны и за всеобщий мир — Джавахарлала Неру. Вместе с Индией эту дату отмечают и все друзья великой страны, которые высоко чтут память этого замечательного человека.

С именем Неру связан большой и очень ответственный период в жизни индийского народа. Напряженные дни становления молодого государства после ухода колонизаторов, мучительные раздумья о путях развития страны, определение ее внешней и внутренней политики — на плечи Неру легла огромная ответственность за судьбу многомиллионного народа. Он находился семнадцать лет у руля государственного правления — с момента провозглашения независимости в 1947 году до своей кончины в 1964-м. Популярность и авторитет Неру в стране были настолько велики, что даже его самые откровенные противники не рисковали выступать против него открыто, ибо такие выступления могли бы обернуться против них самих.

Неру умел говорить с народом. Когда он выступал с трибуны на площади Рамлила Гранд в Дели, заполненной людьми, стояла напряженная тишина. Его выступления в парламенте привлекали всегда всеобщее внимание. Его пресс-конференции блистали умом, находчивостью, юмором. Мне запомнилась одна из его последних пресс-конференций. Он выглядел несколько усталым в своей белой конгрессистской шапочке и сером сюртуке, но глаза были зоркими и внимательными. Через пять дней его не стало. Но осталось все, что было им сделано.

Неру не раз говорил о том влиянии, которое оказал на него марксизм и те огромные перемены, которые произошли в современном мире под влиянием Великой Октябрьской революции. «Советская революция», — писал он в своей книге «Открытие Индии», — «намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

В 1947 году он поднял над стенами древнего Красного форта в столице трехцветный флаг независимой Индии. Это был итог многолетней трудной борьбы за избавление от колониального гнета. Но не менее трудное время ожидало впереди. Неру приходит к мысли о том, что нельзя обеспечить возрождение государства на путях капиталистического строя, который уже изжил сам себя. Он обращается все больше и больше к идеям социализма. В 1955 году на съезде партии Индийский национальный конгресс в Авади по его предложению принимается программа построения в Индии «общества социалистического образца». Конечно, он не пришел к научному марксистско-ленинскому пониманию социализма. Но именно влиянием этих идей объясняются многие прогрессивные преобра-

зования в стране, происшедшие после провозглашения независимости Индии.

«Курс Неру» нашел отражение в целом ряде практических преобразований в стране. Как известно, в Индии создан крупный государственный сектор экономики, который играет сейчас важную роль в развитии страны. При Неру были заложены основы экономического планирования, и при его непосредственном участии разрабатывались первые три пятилетних плана республики. «Курс Неру» исходил из необходимости целого ряда аграрных преобразований, борьбы против кастовых предрассудков. В его основе лежало стремление к укреплению единства и сплоченности этой многонациональной и многоликой страны.

Всеобщее признание и уважение завоевала Индия под руководством Неру на международной арене. Неру был непримиримым противником колониализма, расизма и выступал за свободу народов. В своей книге «Автобиография» он писал: «Говорят, что в наше время мир неделим. Так же неделима и свобода, и мир не может долгое время оставаться свободным в одной части и поработленным в другой. Вызов, брошенный фашизмом и нацизмом, был, по существу, вызовом империализма... Для торжества свободы во всем мире недостаточно уничтожить фашизм и нацизм, надо полностью ликвидировать империализм».

Основоположнику независимого индийского государства Джавахарлалу Неру принадлежит большая роль в укреплении дружбы и сотрудничества в области экономического и культурного развития между Индией и Советским Союзом. Неру неоднократно бывал в Советском Союзе, путешествовал по нашей стране, знакомился с жизнью советских людей. Он выступал за тщательное изучение и использование советского опыта экономического и культурного строительства.

Советско-индийское сотрудничество воплотилось сейчас в целый ряд крупных промышленных и энергетических объектов, возникших на территории Индии за последние десятилетия. Бхилайский металлургический комбинат, металлургический завод в Бокаро, завод тяжелого машиностроения в Ранчи, государственная фармацевтическая корпорация — все это монументальные и вечные памятники индо-советскому сотрудничеству, основы которого были заложены при Неру.

Конечно, далеко не все, что хотел сделать Неру, было претворено в жизнь. Перед страной все еще стоят большие сложные проблемы, связанные с развитием экономики, культуры, с повышением жизненного уровня. И, отмечая вместе со всем индийским народом девяностую годовщину со дня рождения великого сына Индии Джавахарлала Неру, советские люди желают индийскому народу новых больших успехов в строительстве процветающего, свободного, независимого государства.

Юрий ПОПОВ

ФРГ

РАСТЕТ «КОРИЧНЕВАЯ» УГРОЗА

В США, Англии, ФРГ и некоторых других странах Запада наблюдается опасное оживление неонацистских элементов.

Реакционная пресса на все лады воспекает «героический» подвиг вермахта и гестапо, сознательно раздувая челоноконевнистические идеи. Все больший размах приобретает продажная оборотистами дельцами торговля всякого рода фашистскими регалиями, а также литературой, воспевающей коричневую чуму. Как грибы растут на Западе различные ультра-реакционные фашиствующие группировки и целые партии, такие, как «национальный фронт» на Британских островах, «американская партия белых» в США и другие. Неонацисты открыто проводят свои шествия и собрания, ведут преступную пропаганду ненависти и насилия.

Примечательно, что официальные власти Вашингтона и Лондона, Бонна и Рима, других западных столиц сквозь пальцы смотрят на выходки распоясавшихся молодчиков, не предпринимая никаких мер для обуздания неонацистской деятельности. Напротив, они часто становятся на сторону современных последних бесноватого фюрера.

Так, в западногерманском городе Вейнгейме с разрешения обер-бургомистра неонацистские молодчики из организации НДП «молодые национал-демократы» проводили свой съезд. Жители города, вышедшие на митинг, выразили гневное возмущение сборищем гитлеровских последышей, чьи наглые демонстрации усиленно охранялись полицией. Теми же блюстителями «порядка» не было предпринято никаких мер для защиты протестовавших антифашистов, когда на них напали и стали зверски избивать неонацистские «штурмовики».

На снимке: тяжело раненая — жертва разгрома распоясавшихся молодчиков.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС и журнала «Ньюсуик».

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

ДЕРЗАНИЕ

Н. АНДРЕЕВА

Илья Глазунов... Острое ощущение современности, сиюминутности даже и одновременно глубокое проникновение в древность, в национальные истоки русской истории, культуры. Сочетание того и другого и делает творческую манеру художника оригинальной. Сплав иконописной тишины с взрывчатой динамикой сегодняшнего дня. Это обнаруживается в творчестве художника.

Сближение казалось бы полярного — вот что прежде всего обращает внимание. С одной стороны, привязанность к русской старине, с ее углубленной раздумчивостью, которая всегда так нужна людям. Знать, понимать, любить древность. Глазунов поставил себе такую задачу и цели своей достиг. Но, с другой стороны, мобильность, общительность и, можно сказать, воинственность — как он спорит и как отстаивает свою точку зрения! — все это говорит о натуре, жадной до всего нового, обостренно чуткой, нервной, деятельной. Он много путешествует, и маршруты его поездок значимы сами по себе: Вьетнам, Чили, Лаос, гигантские стройки нашей страны — БАМ, Нурекская ГЭС...

Первая выставка работ Глазунова состоялась в 1957 году. Прошло больше двадцати лет, но споры вокруг его имени не стихают. Мнения разноречивы, но высказываются с большим темпераментом — как против, так и за.

Судьба Глазунова — ключ для понимания его творчества очень важный. Ребенком он узнал предел боли, край бездны, беды: в блокадном Ленинграде на его глазах погибли все близкие. Он пишет с пронзительной правдивостью о страшной, мучительной смерти каждого из них. Такая правдивость дается с кровью. Ничто не забыто, а это значит — до сих пор болит. Из блокадного Ленинграда через Ладогу — Дорогу жизни — Глазунова подростком вывели в Новгородскую область, в деревню Гребло. И жизнь в крестьянском доме, существующем по вековому укладу, стала еще одним толчком, этапом в становлении художника. Отрочество — оно оказалось не городским, а деревенским. «Какая хрупкая нежная прелесть в северной русской природе! — вспоминает художник ту пору. — Какой тихой, невыразимой музыки полны всплески лесных озер, шуршание камыша, молчание белых камней... Чахлые нивы, шумящие на ветру березы и осины... Приложи ухо к земле, и она взволнованно расскажет о былинных вековых тайнах, сокрытых в ней, поведаст о прошедших поколениях людей, спящих в земле под весенней буйной травой, под белоствольными осинами, горящими на ветру зеленым огнем... Жил он в доме русской крестьянки Марфы Скородумовой, ее муж погиб в самом начале войны. В школу надо было ходить за километры, путь пролегал через заснеженное озеро, испещренное узорчатыми следами зверюшек, птиц, а умение дышать, спасаясь от ветра, сквозь шарф, умение идти и идти, проваливаясь в снег по колено, — это не только воспитало физическую выносливость, но и определенный характер. Картина «Зима», где старуха и мальчик, укутанные до самых глаз, бредут по бескрайнему полю — она как раз о выносливости души. Слаб, мал, но идти надо. Ты это понял — ты дойдешь».

Возвратившись в Ленинград, четырнадцатилетний Глазунов поступил в среднюю художественную школу. А в 1951 году он становится студентом Института имени И. Е. Репина при Академии художеств СССР. Ему не надо было объяснять, что искусство одними эмоциями не делается; со студенческих лет он как заповедь воспринял слова Врубеля и сейчас часто вспоминает их: «Вдохновение — порыв страстных неопределенных желаний, есть душевное состояние, доступное всем, особенно в молодые годы; у артиста оно, правда, несколько специализируется, направляясь на желание что-нибудь воссоздать, но все-таки остается только формой, выполнять которую приходится не дрожащими руками истерика, а спокойными ремесленника».

И вот успех: в 1956 году на международном конкурсе в Праге работа студента Глазунова получила первую премию. В 1957 году в Москве в ЦДРИ открылась его персональная выставка. Там была показана серия картин, посвященных современному городу.

«Вечерний город». Рано стемнело, окна домов и уличные фонари зажглись, роняют блики, тротуар скользок, зябко, люди спешат, не поднимая друг на друга глаз. Так все привычно, но эта привычность вдруг обретает тайну. «Телефонные будки». Глухая стена дома, похо-

жего на крепость, с одним светящимся в верхнем углу окном, с торчащими беспорядочно антеннами, а внизу две телефонные будки. И все. Всмотревшись, правда, замечаешь силуэт бегущего по тротуару человека и два деревца с облетевшей листвой. Воздух сырой, мглистый, и пусто, голо, скудно; но само желание написать, запечатлеть такую вот обыденную невзрачность, ничем не приукрашивая ее, уже говорит об особом отношении, особом видении — говорит о любви художника, любви затаенной, сдержанной, к городу, в котором он живет.

Ночные улицы, проулки, дворы с занесенными снегом спортивными площадками — мы все это видели, все это перед нами мелькало. Это наш мир, и мы его узнаем в работах художника Глазунова. Но узнаем растревоженные. Если внимательно взглянуть, заметишь на лавочке две тени, сплетенные в прощальном поцелуе, или остановившихся на мосту двух людей, спиной друг к другу, но как по-разному воспринимают они свою ссору. Заметишь, как в проходном дворе, дворе-колодце, двое не могут разомкнуть объятий, не могут оторваться и в разные стороны уйти — последний миг, пока они вместе. В любви глазуновских героев полное доверие, раскрытие другому себя, и от этого даже страшно: все отдаю, больше ничего не осталось. Глазуновские двое целомудренны, юны. Но в любви они взрослеют: лицо девушки, глядящей голову юноши, склоненную у нее на груди, счастливое и одновременно грустное, выражает то знание, которое только любящим и доступно. В этом лице обнаруживается еще одно качество Глазунова: его способности портретиста. Портреты современников объединяются в особую серию. Модели Глазунова отличались обостренными личностным началом.

«Творчество, — писал Достоевский, — основное начало каждого искусства, есть цельное, органическое свойство человеческой природы и имеет право существовать и развиваться уже потому одному, что оно есть необходимая принадлежность человеческого духа. Оно так же законно в человеке, как ум, как все нравственные свойства человека и, пожалуй, как две руки, как две ноги, как желудок. Оно неотделимо от человека и составляет с ним одно целое». Глазунову-портретисту свойственно именно такое понимание модели — ощущение человека как личности с безусловным творческим потенциалом. И кого бы он ни писал: сварщиков, бульдозеристов с БАМа, знаменитых писателей, кинозвезд, деревенских старух, государственных деятелей — позиция его неизменна.

«Мир Достоевского» — так назван Глазуновым еще один цикл работ. И это не просто иллюстрации — это свое понимание идей писателя, «жестокости таланта», его героев, может быть, кому-то кажущихся ущербными, но существующих — уж тут никто отрицать не станет — в атмосфере, чрезвычайно духовно насыщенной. Художник родился и вырос в городе, описанном Достоевским — одним из самых «петербургских» писателей прошлого века. Глазунов называет Достоевского своим любимым писателем. И выбор такой не случаен. Он продиктован не только особенностями вкуса, а судьбой, биографией самого художника. В «Неточке Незвановой» — отголоски собственного блокадного детства. Этот маленький, но по-взрослому сурово сжатый рот. Лоб многодумный, многопечальный. Глаза, цепко вглядывающиеся в опасности, подстерегающие на пути. Ребенок с украденным детством, вынужденный рано повзрослеть.

Масштабность явлений, контрастность света и тьмы, движение громадных сил, затягивающих человеческие судьбы, как пушинки, это стало предметом исследования в творчестве художника. Три цикла — городской, портреты современников, мир Достоевского — ни один из них он не считает законченным. Работа ведется и сейчас. Но существует еще одна тема в искусстве живописца, ей он придает наибольшее значение — «Вечная Россия».

Глазунов переехал из Ленинграда в Москву, и Москва ошеломила. Он тут же вспомнил слова Васнецова: «Когда я приехал в Москву, то почувствовал, что приехал домой и больше ехать уже некуда — Кремль, Василий Блаженный заставляли меня чуть не плакать, до такой степени все это веяло на душу родным, незабвенным...»

Теперь мы все как-то прозрели и оказались способными оценить красоту церквей и в иконах видим изумительную живопись, а не только предметы религиозного культа. Но ведь каких-то два десятка лет назад за это прозрение пришлось бороться. И художник Глазунов был одним из самых ярких, темпераментных борцов.

Он многое взял на себя. Умение рисковать — это тоже свойство таланта. Гете говорил: «В каждом художнике заложен зародыш дерзновения, без которого талант немыслим». Тема Родины, России в творчестве Глазунова началась именно с дерзновенного поиска. С дерзновенного открытия того, что успели забыть. Живописец ступил на новый путь, который он потом назвал «Дорога к тебе». К России. К Родине.

Историю, искусство Древней Руси художник впитывал в себя, и новый пласт органично соединился в его творчестве с острым современным видением, с нервом человека городского, пережившего боль, тре-

И. Глазунов. Род. 1930. ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ.

И. Глазунов. ПЕЙЗАЖ. ПОЛЕ КУЛИКОВО.

ГОНЕЦ.

МЕЧ И ЩИТ РОДИНЫ

воги нашей эпохи,—именно в таком синтезе и родился тот самый цикл его работ «Русская старина».

«Русская красавица». У нее черты нашей современницы, и подбородок с ямочкой своенравен, а жемчужный кокошник повторяет изукрашенный продолговатым неровным речным жемчугом оклад старинных икон. А рамой портрету служит резной оконный наличник — ничего подобного у нас тогда еще никто не делал.

Глазунов по-своему воспринял приемы древнего искусства, сочетая темперную живопись с чеканкой, инкрустацией, коллажем. Так, например, в картине «Борис Годунов» использована фольга, и она создает красно-пылающий фон с отблесками зарева, пожара. Настоящие березки прибиты к картине «Легенда о царевице Димитрии», настоящая игрушка — расписная лошадка, и одеяние царевицы — кусок старинной парчи. Художник не скрывает источников, им использованных. Напротив, многое в его работах рассчитано как раз на наше узнавание. Картина «Юность Андрея Рублева» ассоциируется со знаменитой рублевской «Троицей». Тот же наклон головы, скорбно-мечтательный, и в фоне отголосок той небесной лазури, что составляет неповторимый колорит «Троицы». Образ Рублева подводит к другому историческому лицу, Сергию Радонежскому. В изумительной гармонии рублевской живописи выражена идея мира, согласия, к которым призывал Сергей.

«Сергий Радонежский». Лоб мудреца и тревожные глаза воина мы видим на фоне хрупких стволов берез, окутанных тьмой, и кровавая луна над его головой говорит об опасности, стерегущей Отчизну. Известно участие Сергия в подготовке Куликовской битвы. Первым значительным эпизодом поэтического произведения древности «Задонщина» является как раз поездка Дмитрия Донского в монастырь к Сергию Радонежскому, где в одном из соборов — Троицком — писал Рублев. Возникновение таких героических образов древности, как князь Игорь, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, в творчестве живописца обоснованно. Великая Отечественная война вызвала в народе новый подъем национального самосознания. Как тогда смотрели фильм «Александр Невский»? Возник огромный интерес к героическому прошлому Родины, он помогал выстоять, победить, что, безусловно, наложило отпечаток в сознании юноши Глазунова и проявилось спустя годы в его искусстве. Триста лет иноземного ига и освобождение от него — эти факты можно считать краеугольными в понимании истории России, ее героической судьбы, и память о том давнем времени должна пылать в сердцах современных людей, так как многое они объясняют и многому учат сегодня. «Штурм града», «Два князя» — в этих картинах, как набат, звучит призыв ко всем, живущим сейчас. Князь — отец, одетый в воинские доспехи, указывает маленькому сыну, будущему воину, на пылающий в отдалении русский град. Там беда, война, и она придвигается все ближе. Тревожно небо в клубящихся грозных облаках, и в сизом отсвете его — удушливый дым пожарищ. У всех одно небо над головой. Может показаться, твой дом далеко, но небо всех объединяет, сближает, заставляет понять: опасность, беда для всех едины, это — общее.

В 1967 году как корреспондент газеты «Комсомольская правда» Глазунов едет во Вьетнам. Можно сказать, это было боевое задание. Вьетнам сражался, рвались бомбы, народ жил одним желанием — выстоять, победить. «На боевом посту» — одна из лучших работ цикла, названного художником «Дни и ночи Вьетнама». На фоне графических конструкций современного комбината фигурка девушки-воина. Она смотрит в небо, откуда в любой момент могут появиться американские самолеты. Хрупка, изящна, с точеным лицом — такие лица можно увидеть в старинной живописи по шелку. Но эта девушка — солдат, боец. Восток, традиционно воспринимавшийся в ленивой неге, варварской красочности, Глазуновым раскрыт с графической четкостью, строгостью черно-белого рисунка и в такой динамической насыщенности, точно на взрывной волне. «Пробудившийся восток» — назвал он одну из работ, и это название символично. Мимо разрушенной древней пагоды, мимо статуи Будды с отбитой снарядом рукой, чей лик непроницаем, как устрашающе-мстительная маска, движется поток ополченцев, машин, орудий; и неистощимы пробудившиеся в народе силы. Эти работы Глазунова документальны по своей точности, но боевая обстановка, в которой они создавались, не помешала художнику подняться от хроникальности фактов до художественного их обобщения. Во Вьетнаме, а затем в Лаосе художнику открылась вековая культура Востока: «Пагода на одном столбе», «Праздник воды» раскрывают готовность русского художника понять и восхититься совсем иной национальной культурой, ощутить ее поэзию.

Польша, Италия, Франция, Вьетнам, Лаос, Чили. Созданные в этих поездках работы говорят о цепкой наблюдательности, отточенности глаза, позволяющих даже в походных, так сказать, условиях запечатлеть главное, угадать в лице, выхваченном из толпы, национальный, народный характер.

Портрет всегда был, есть и будет важнейшим документом человеческого духа. Мы всматриваемся в лица людей, живших в минувшие столетия, и стараемся понять то время, ту эпоху, представляем судьбы, и тайна ушедшей жизни нас завораживает: даже ее не разгадав, мы чувствуем себя обогащенными. В этом искусство портретной живописи. Живописи реалистической, традиции которой продолжает художник Глазунов.

Он говорит: «Нет певца без голоса, а для художника голос — его мастерство». Это убеждение мастера и позиция педагога. Недавно Илья Сергеевич Глазунов стал руководителем портретной мастерской в институте имени В. И. Сурикова. Педагогической своей деятельностью он придает большое значение и старается уделять внимание не только профессиональной подготовке, овладению навыками ремесла, но и духовному развитию учащихся, формированию в каждом из них собственного духовного мира.

Без жгучего интереса, активного отношения к жизни, к обществу художника быть не может — так считает народный художник РСФСР Илья Глазунов. И эта позиция воплощается в его творчестве, находящемся сейчас в поре расцвета.

Победоносное контрнаступление советских войск в Сталинградской битве началось 19 ноября 1942 года мощными залпами многих тысяч орудий, минометов и реактивных установок. Теперь ежегодно 19 ноября вся страна отмечает День ракетных войск и артиллерии. Это — свидетельство всенародного признания важности ратного труда воинов — ракетчиков и артиллеристов, а также конструкторов, инженеров, рабочих, создающих грозное оружие.

Советская артиллерия и ракетные войска прошли большой и доблестный путь, сыграли огромную роль в разгроме фашистской Германии. Они были главной огневой и ударной силой как в обороне, так и в наступлении наших войск. И мощь их из года в год возрастала. Так, в операциях 1941—1942 годов участвовало от 7 до 12 тысяч орудий и минометов, в 1943—1945 годах — 20—35 тысяч, а в Берлинской операции около 42 тысяч орудий, минометов и реактивных установок вели огонь по противнику.

Время не стирает величие подвига, совершенного артиллеристами при защите Отчизны. Свыше одного миллиона шестисот тысяч из них награждены орденами и медалями, а тысяче восьмистам присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенные годы качественно изменилась ствольная и реактивная артиллерия. Увеличи-

лась ее огневая мощь, дальность, скорость и точность стрельбы. Разработка реактивной техники началась у нас в 1920 году в газодинамической лаборатории, а потом в начале тридцатых годов продолжена Московской группой изучения реактивного движения. Были созданы реактивные пороховые снаряды, которые применялись в воздушных боях на Халхин-Голе. К началу Отечественной войны в Советской Армии были приняты на вооружение боевые машины М-13, родилась прославленная «катюша».

После войны советские конструкторы продолжали совершенствовать ракетное оружие, и в скором шестом году была сформирована первая ракетная часть. В следующем году был произведен первый пуск управляемой баллистической ракеты дальнего действия, а через несколько лет уже имелось несколько частей, вооруженных такими ракетами.

В 1957 году в СССР успешно испытали первую в мире межконтинентальную многоступенчатую баллистическую ракету. А в январе шестидесятого года было объявлено о создании нового вида Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения.

Эти войска и в мирное время выполняют боевую задачу государственной важности — несут боевое дежурство по охране безопасности Отечества. Ныне ракетным оружием оснащены и другие виды Вооруженных Сил СССР.

В Р А Ж Д А

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

* * *

О предстоящем приезде своего брата, о котором тот написал еще в январе, Катя как-то и забыла, объявление в Романовке Степана Тихомилова напрочь выбило это из головы, весь день девятого марта так кругом и прошел. Петрован до вечера ковырялся в своей кузне, Катя, как ушла от нее Лидия, опять бесцельно ходила по комнатам, все у нее из рук валилось, кое-как приготовила мужу и детям ужин.

Ужинали молча, дети тоже сидели за столом притихшие, даже трехлетний Данилка не хныкал, будто понимал, что матери с отцом сейчас не до него.

Когда Катя убирала со стола, а Петрован молча курил на своем обычном месте у порога, она проговорила:

— Ты-то, Петрован, не майся, я же сказала тебе.

— Да я не об себе маюсь. Тебе как вот все объяснить ему будет?

— Марунька ему все обрисовала. Она прибегала утром... Он что, на деревне не объяснялся?

— Не показывался. Марунька запершись с ним сидит. Бабенки злословят.

— Дуры если, так пущай.

Десятого марта Петрован пошел на работу поздно, солнце уже высоко играло над холмами. Минуты через две-три, как он вышел, послышался на улице какой-то шум и говор, Катя глянула в окно, увидела бегущую по направлению к ее дому Василиху. Еще увидела из окна, как из двух или трех домов выскочили раздетые, в одних кофточках бабенки и стали удивленно глядеть туда же, куда бежала Василиха. А тут и в сенях послышался топот множества ног, рванулась дверь в кухню, из сеней ввалился Петрован, обрадованно прокричал:

— Катя! Катерина! Да ты погляди, погляди... Вот!

Он, полуобернувшись, обеими руками показал на распахнутую дверь. Через порог переступил, нагнув голову, широкоплечий парень с большим, сверкающим металлическими уголками чемоданом. Войдя, он поставил чемодан на пол, разогнулся. По одежде он походил на какого-то высокого начальника — на нем было новое драповое пальто с серым каракулевым воротником, из такого же меха шапка, белые дорожные бурки, шея замотана шерстяным, тонкой выделки шарфом. Большими смеющимися глазами, в которых стояли слезы, он несколько мгновений глядел на Катю, затем потянул руку к шапке, сдернул ее. И прежде чем она сообразила, что это ведь Мишу, родимый брат ее, он с возгласом «Катя!» шагнул к ней, схватил за плечи, прижал к себе и затем, скользя руками по ее телу, опал перед ней на колени.

В кухне у дверей уже толпились с полдюжины баб, кто-то из них догадался и

подставил пошатнувшейся Кате табуретку, она опустилась на нее, принялась мять у себя на коленях голову брата и, обливая ее теплыми слезами, все повторяла одно и то же: «Мишенька! Мишенька! Мишенька...» А Михаил ничего больше не говорил, только вздрагивала под новым драповым пальто его широкая спина. Бабенки глядели на эту спину и всхлипывали, а в кухню вваливались все новые и новые люди. Когда она была забита до отказа, Катя будто опомнилась, поднялась с табурета и подняла Михаила.

— Да что же это мы все плачем-то? Теперь радоваться надо. Бабы, помогите ж мне... на стол чего приготовить. Печь вот заново затоплять надо...

И она припала головой к груди брата.

— Какая счас тебе печь? — закричала Василиха. — Мы сами всего нанесем. Ну-к, бабы, давайте по домам да тащите у кого чего... Да не сразу, а через часок-другой. Пусть Катерина-то с братом повстречаются да наговорятся. Давайте, давайте...

И она принялась выталкивать всех в сенцы.

* * *

Теперь Степан Тихомилов начисто вылетел у Кати из головы, она глядела и не могла наглядеться на брата. Тот, изменившийся до неузнаваемости, превратившийся даже не в парня, а в крепкого, заматеревшего мужика, был все еще немного чужим и незнакомым, хотя она по каждому его жесту, по голосу, по его спокойным и рассудительным словам узнавала прежнего Мишу.

Когда все из кухни вывалились, остались там они втроем — она, Михаил, да Петрован. Катя беспокойно и растерянно подумала: а как вот теперь он с Петрованом сойдется? Обо всем, конечно, Катя Михаилу писала в письмах, и он одобрял ее замужество, да ведь письма одно, а как теперь на деле-то получится, как примет его Михаил, все-таки Петрован-то инвалид. А Михаил будто мысли ее прочитал. Еще и не вышли все из кухни, он подошел к Макееву, первым обнял его со словами:

— Спасибо тебе, дядя Петрован, мое большущее... что в самый тяжкий час ты Катю под крыло взял... человека в ней увидел.

Беспокоилась Катя, как Михаил и Фроську примет, наполовину пилюгинскую. Пока колготились на кухне люди, дети молчком сидели в своей комнате, и Катя краем уха слышала, как старшая ее дочь присмирела там младших. Но и тут все вышло лучше, некуда. Обернувшись от расчувствовавшегося Петрована, Михаил спросил:

— Это, слышу, Фрося там, что ли, младших-то наставляет?

— Да кто же еще, — кивнула Катя.

— Ну-к, покажите мне сперва мою старшую племянницу.

Катя вывела Фросю со словами:

— Вот, Фросенька... Это твой родной дядя. Ну, что ты, глупенькая?

Девочка, все-таки растерянная, молчала.

— Ну, здравствуй, Фрося. Вон ты какая уж большая да красивая. Сколько ж тебе годков-то?

— Восьмой. В школу нынче пойду, — ответила она.

— Восьмой-ой! Помощница матери с отцом выросла.

— Да уж и не знаем, как бы мы без нее, — сказал Петрован.

— Ну, а коль такая послушница да помощница — глянь-ка, чего я тебе привез.

Михаил, щелкнув замками, открыл чемодан, плотно набитый всякой всячиной, вынул шелковое цветастое платье, косынку, блестящие ботиночки и яркую коробку шоколадных конфет.

— Вот, гостинец тебе. На-ко, Фросенька.

Девочка взглянула на отца, который грел у печки заслонкой, потом на мать.

— Возьми, доченька.

Только после этого она взяла подарки, прижав их к себе, побежала из кухни в комнату. На пороге обернулась с лучистой улыбкой:

— Спасибо...

— Ну, теперь других давайте моих племянников.

Михаил щедро одарил всех — Марийке с Данилом привез ворох всякой одежды и игрушек, Кате подал невиданной красоты шаль с кистями, а Петровану плотного синего бостона костюм.

— Миша, Миша... — только и выговорила Катя сквозь наворачивающиеся слезы, жалобно и беспомощно. — Да ты чего же... Зачем столько... Это какие деньги надо!

— Я ж там работал, Катя, а не баклуши бил. Тюрьма-то — она только для преступников. А вот тебе мой самый главный подарок.

И он протянул ей небольшую синюю коробочку.

Катя понимала, что там какая-то драгоценность, невольно ступила назад.

— От ты, как Фрося будто. Так то ребенок. Держи.

Катя подрагивающими пальцами раскрыла коробочку и осела на стул: на бархате лежали большие, крученого золота серьги с искрящимися камнями.

— Это ж... они ж... алмазные! — выдохнула она с неподдельным испугом.

— Да сказали в магазине, что будто бриллиантовые, — улыбнулся Михаил.

— Да у меня ж... и дырок в ушах нету.

— Теперь проколоть придется.

Оставив коробку с украшениями на столе, Катя поднялась и, как пьяная, опять упала на плечи брата, глухо зарыдала, затряслась. Михаил, как недавно сама Катя, широкой и сильной ладонью мям ее волосы и говорил:

— Все беды наши, Катя, кончились. Кончились! Теперь жить будем.

* * *

...Через час в дом к Макеевым набился чуть не весь колхоз. Петрован только лишь растопил печь, но приготовить они с Катей ничего не успели, да в этом не было и надобности, люди натащили всего сами — и солений, и жареный, и спиртного, Михаила встречали так, будто он и не из заключения вовсе пришел, а взял да объявился тут знаменитой знаменитостью. И Катя и Петрован от такой человеческой щедрости поначалу были ошеломлены и растеряны, ведь как ни крути, срок отбывал он все-таки за убийство человека, только сам Михаил все принимал как должное, и он же сказал сестре:

— Они ж не за меня, Катя, а за тебя радуются.

— Ох, не знаю, Миша, я, ничего-то я не понимаю! — вскрикнула она. — Все, все на свете почему-то переворачивается.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—46.

— А все, кроме человеческого понятия. Это сказала Лидия Пилюгина. Михаил обернулся к ней и подтвердил:

— Правильно.

Лидия Пилюгина пришла к Макеевым в гости первой, она понимала, что ей надо было прийти вперед других, принесла бутылку водки, кусок розового сала и миску красных соленых помидоров, сказала:

— Вот, Михаил... Примешь ли? — И тут же, глядя ему прямо в глаза, поставила условие: — Только чтоб от всего сердца. Да об Артемии... обо всем прежнем нам с тобой никогда не говорить.

Михаил какое-то время помедлил. Лидия добавила:

— Мы вон с Катериной давно порешили — не было ничего промеж нас с нею прежнего, да и все.

— Приму, тетка Лида, — сказал Михаил, не отворачивая глаз.

— Тогда, Катерина, подай-ка нам стаканчики...

Эта выпитая Михаилом стопка была едва ли не последней, чокался он потом со всеми, чуть пригубливал и говорил:

— Спасибо большое за привет... За Катю вам всем спасибо.

— Да что говорить-то! — воскликнула на это Легостаиха. — Это бабам надо Катерине в ноги кланяться. На каждую у ней души да тепла в такое лихое время хватило. А тебя с возвращением. Если честно сказать, а боле ничего и не говорить, так жалели и ждали мы тебя, Михаил.

И Легостаиха, сильно сдавшая и поставившая за последние годы, выпила целую рюмку.

Раздвижной стол, поставленный в горнице, всех не вмещал, часть людей толпилась вокруг него, стояла у стен, а в кухню входили все новые гости. Катя и Петрован метались к каждому, подносили питье и угощение, и каждый говорил им:

— С праздником вас! С возвращением Михаила! С радостью большой!

А откуда Михаил возвратился и по какой причине столько лет отсутствовал — об этом никто ни одним неловким словом даже и не обмолвился.

Наконец Петрован усадил жену за стол рядом с Михаилом. «Ладно, ладно, с остальными, да кто еще подойдет, я сам покручусь, а ты пристала, поспрашивай-ка с братом!» — сказал он ей. Пьяный веселый говор поднимался все выше и выше, послышались уже и песни было, и вдруг все смолкло, сперва на кухне, а потом в комнате: через порог шагнул Степан Тихомиров.

Катя невольно поднялась, а Михаил, державший на коленях трехлетнего Данилку, лишь передал его сидящей рядом с ним Лидии — та с готовностью протянула к ребенку руки — да изумленно поглядел на сестру.

— Мишенька... Я не успела тебе сказать... — промолвила она.

В дверях комнаты застыл Петрован, а за ним стояла, разматывая платок, Мария.

— Что ж... здравствуйте, — в полной тишине хмуро произнес Степан.

— Ты ж, Катя, писала... что похоронная... — проговорил Михаил, ничего не понимая.

— Он вчера... ой, позавчера еще приехал.

— Да как же?! Откуда?

— А с того света, — оглядывая горницу, усмехнулся Степан. Он был сейчас чисто выбрит, в свежей рубашке, в поношенном, но хорошо отглаженном пиджаке.

— Был на том, теперь на этом. Ну-к, пусти меня, Петрован, — энергично проговорила из кухни Мария и, войдя в комнату, распорядилась: — Принимай, Катерина, гостя. И всем нечего воздух ртом ловить. Вопросы да расспросы потом, а сейчас гулять надо. Ну, здравствуй, Михаил Данилыч. Меня-то помнишь ты, тетку Маруньку?

— Да помню.

— А ты — экий парнина вымахал! Это ж сколько тебе годков теперь?

— Двадцать два вроде.

— Вроде Володи, а зовут Михаил. Ну-к, где наши места, потеснитесь. Садись, садись, Степан, нечего хмуры-то разводить, вот сюда, меж Михаилом да Лидией садись.

Бывали целый ворох слов, Мария будто заткнула ими ту дыру, откуда пролилась тишина, снова закачался, возникая, говорок.

Михаил налил Степану, втиснутому Марией меж ним и Лидией, водки, сказал:

— И вправду, будет время теперь все друг о дружке расспросить. С возвращением тебя, дядя Степан.

— Что ж, и тебя...

— Лидия, там вон холодца положи, помидорчиков... — протянула Катя чистую тарелку Пилюгиной. Та, придерживая одной рукой ребенка, другой ловко наложила закуску, поставила перед Степаном.

— Вот я застольное слово скажу, —

подняла граненый стакан Мария. — Жизнь, вон она, как кипятки, кого не обжигает! Да только от брызгов этих кто свалится, тот и сварится...

— Это она про меня... — усмехнулся Степан.

— И про тебя покуда! — воскликнула Мария. — Я с тебя вчерась весь день да седни все утро вареные-то лохмотья скобила.

— До живого-то мяса добралась? — спросил кто-то со смехом.

— Доберуся! — пообещала Мария. — Так я чего говорю? Хотя вы, понятно, и пили за них, да еще разок за Катерину и Михаила, которые вот все же нашли в себе силы и в кипятки с головой не свалились.

— Так, Маруня! Вы ведь и поддерживали. И ты вот тоже сколько меня... — пода-ла голос Катя.

— А как же без того? — согласилась Марунька. — Мы ж люди, а не звери какие, что поедом едят друг дружку. Ну, давайте,

И она лихо опрокинула стакан.

Выпил и Степан, а закусывать из тарелки, куда наложила закуску Лидия, не стал, даже чуть отодвинул ее, ковырнул вилкой в чашке с капустой.

Лицо Лидии, загоревшееся при появлении Степана, теперь вовсе потемнело, она наклонилась к Данилке, подрагивающей рукой стала оправлять его рубашонку, хотя она была в порядке.

Все это — и поведение Степана и состояние Лидии — не укрылось от Михаила. Он в отодвинутую Тихомиловым тарелку положил ложку капусты и поставил ее снова перед Степаном. Тот медленно повернул тяжелую голову, глубоко ввалившимися глазами поглядел на Михаила.

— Ты в колонии, должно быть, в передовых ходил?

Михаил усмехнулся.

— Да как тебе сказать, Степан Кузьмич... Амнистия мне никакой не вышло. А в общем-то был там не на последнем счету.

На Степана с Михаилом никто теперь, кроме, может быть, Кати да Петрована, особого и внимания не обращал, снова плавал в горнице беспорядочный галдеж, становясь все гуще. А потом опять резко пошел на убыль. И по мере того, как хмельной шум оседал, все отчетливее слышался в кухне, приближаясь, деревянный стук костыля.

Сгорбленная Федотья с седыми сосульками выпавших из-под платка волос обозначилась в пустом проеме дверей уже в полной тишине. Она перешагнула через невысокий порожек, оперлась по обыкновению на костыль обеими руками, некоторое время оглядывала людей, часто и бес- сильно дышала. Неживые ее глаза, затян- нутые мокрой пленкой, ничего не выража- ли — ни злости, ни презрения. Даже по Михаилу и Степану она скользнула взгля- дом пустым и мертвым, будто и не узнала ни того, ни другого.

Глаза ее ожили, вспыхнуло в мокрой их глубине холодное и неукротимое бешен- ство, когда она увидела, что Лидия держит на руках сына Кати Макеевой. Старуха пе- рестала даже дышать, будто дряблое ее горло сдавило невидимой петлей. Она вски- нула свой костыль, указывая на Лидию, прокричала:

— Дьяволища!

И, качнувшись, опустила костыль, опять повисла на нем.

Катя резко поднялась, и старуха, где только и силы у нее нашлись, еще резче повернулась к ней, опять вскинула свой костыль.

— С-сатана!

И опять со стуком опустила палку.

— Уходи-ка ты от нас, Федотья, — про- говорила было Катя, но старуха в третий раз подняла свой костыль.

— Вот, вот... — Старуха указала кость- лем в сторону Михаила и Степана. — Бесы пришли! А сатана давно тут живет! — Пи- люгина снова ткнула костылем воздух по направлению к Кате. — Чертенят напло- дила!

Так и не опуская костыля, прочертив им в воздухе, уставила его на Лидию и теперь уже не захрипела, а, расходя последнюю ярость, выплескивая ее до дна, завизжала:

— А тебя, дьяволицу, в кумовнях про- звали! В кумовнях... А ты и рада, про- клятая...

Прокричав это, старуха пошатнулась. И упала бы, наверное, и никто, пожалуй, не поддержал бы ее, да стрелой влетела Софья, молодая, проворная, красивая, в белом кашемировом платке с красными цветками, один конец которого был обвязан вокруг шеи, а другой лежал на спине.

— Бабушка, бабушка! Кто же тебе велел сюда? Пойдем-ка домой. Пойдем...

Она подхватила старуху, повернула ее к выходу.

Федотья, израсходовавшая все силы, не сопротивляясь, покорно повернулась гор- батой спиной к людям. Софья, поддержи- вая ее за руку, повела.

За порогом уже она обернулась, блесну-

ла в улыбке своими большими, грустными и будто виноватыми глазами.

— С приездом, Михаил, тебя...

И они со старухой скрылись.

Михаил сидел, ошеломленный. Да и остальные не сразу пришли в себя. Софья ворвалась, как молния, осветила горницу ярким светом и исчезла, оставив людей будто опять в каком-то полумраке.

— Да что ж вы, гости дорогие... — опом- нился раньше всех Петрован. — Давайте-ка, и я скажу... Катерина, ну-к разлей людям от нашей радости.

Все зашевелились, задвигались, возвра- щаясь к прежнему состоянию, а Михаил все смотрел в распахнутый проем дверей, в котором никого теперь не было.

— Да это... кто такая была? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Сонька это, дочка моя, — ответила ему Лидия.

* * *

На другое же утро после своего возвра- щения Михаил встал до солнца, не дожидаясь завтрака, обошел всю деревню, под- нялся до кладбища, постоял возле него, поскольку к могилам пройти было невоз- можно, они были завалены глухими еще метровыми снегами, а возвращаясь, увидел бегущую на работу Софью Пилюгину, по- вернул, не раздумывая, за ней.

— Ой! — воскликнула она, когда Ми- хаил вошел, нагнувшись в дверях, в бре- венчатый телятник. В руках у нее было по ведру, она, растерянная, так и застыла с ними посреди небольшого помещения с печ- кой и крохотным окном, румянец на белых щеках, натертый утренняя морозцем, стал разливаться по всему лицу. — Чего тебе?

— Поздороваться зашел, — улыбнулся Михаил. — Или нельзя?

— Да можно... что ж.

— Тогда и доброе утро, Соня.

— Ага, — кивнула она, все более сму- щаясь. — Доброе... А я вот на ферму за обратом. Телят своих понть.

— Давай, я помогу тебе принести.

И он хотел было взять у нее ведра.

— Еще чего... — Она поставила на ска- мейку, приткнутую к стене, оба ведра, от- вернулась и стала глядеть в оконце.

Так они постояли некоторое время — Софья у окошка, а Михаил у дверей. Он глядел на нее, она чувствовала это, лицо и шея ее полыхали.

— Вон ты какая выросла, — промолвил потом он.

— Какая еще?

— А красивая...

Слово это будто ударило ее больно, она повернулась, хлестанула его жгучими гла- зами, торопливо схватила ведра и шагнула к двери.

Она шагнула, а он не двинулся с места.

— Чего ты? Вон люди-то... — кивнула она за окно. — Пусты давай.

— А ты боишься, что ли, людей?

— Ничего я не боюсь! Уходи ты...

— Ухожу. А вечером я опять приду сюда.

И он шагнул за порог.

Когда Михаил не спеша спускался по протоптанной в снегу узкой тропке к дере- венской улице, Софья молча смотрела вслед ему сквозь оконное стекло. Огром- ные глаза ее, растерянные, напуганные, по- блескивали влагой.

А Михаил домой не пошел, свернул к дому Марии. У крыльца он обколотил свои бурки, хотя снега на них почти и не было, решительно толкнул дверь.

Степан хмуро сидел за столом и будто нехотя пил чай, сама Мария с черными полукружьями внизу глаз, но аккуратно прибранная, в тугом ситцевом платье, в чи- стом льняном фартуке, тонкая и стройная, как девчонка, сажала в печь деревянной лопатой калачи. Увидев входящего Михаи- ла, она проворно разогнулась, кинула не- вольный взгляд на кровать, будто опасаясь, тщательно ли она застелена, смахнула с ро- зовых, нагретых печным жаром щек ка- пельки пота.

— Милости просим, милости просим... Раздевайся. Завтракал, нет? Давай-ка вот...

— Здравствуйте. А что ж, давай, тетя Маруся, чайку покрепче.

На приветствие Степан не ответил, но Михаил на это будто и внимания не обра- тил, разделся и сел к столу.

— По деревне прошелся... На телятник завернул. Пилюгина-то Сонька какая девка выросла! Это ж сколько ей, а?

— Семнадцать уж вроде, — сказала Ма- рия. — Невеста.

— Да это я и сам сообразил. Только что-то она мне другой показалась, чем вче- ра. Напуганная какая-то.

— А это, понимай, Федотья всю ночь ее тобой страдала, — усмехнулась Мария.

— А-а, — нахмурился Михаил, но тут же и улыбнулся. — А я к тебе, дядя Сте- пан, поговорить. Вчера-то не до того было.

— Скорый ты, гляжу, на все, — сухо промолвил Тихомилов.

— Так сколько мы с тобой, дядя Степан, время-то потеряли.

— О чем же ты говорить со мной на- мерился?

— Да вообще. Об жизни.

— А поговори, Михаил, поговори, — вмешалась Мария. — А то он уходит с Романовки намылился.

— Вон как! А куда?

— Белый свет большой, — тем же хо- лодным голосом сказал Тихомилов.

— Свет-то он большой, да везде дорож- ки круты.

— Да ты, гляжу, воспитывать меня явился! — И Степан звякнул чашкой, ре- зко отодвинув ее от себя.

На целую вечность, кажется, установи- лась в небольшой избе тишина, неловкая, гнетущая всех троих. Степан сидел, сгор- бившись еще более, Мария застыла у печи с заслонкой в руках, Михаил смотрел в чашку с чаем. Потом поднял голову, с го- ловы до ног оглядел зачем-то не ко време- ни аккуратно приодевшуюся Марию, про- говорил:

— Ты б, тетя Маруся, оставила нас од- них маленько...

— И правда, торчу тут душой! — встре- пенулась она, глянула в окошко. — Вон уж Катерина в контору пошла. И мне ж надо... Она закрыла печь заслонкой, сдернула фартук, метнулась к вешалке.

— Поговорите. А я потом прибегу ка- лачи вынуть...

И стукнула дверью.

Убегая, Мария на ходу все же поправи- ла на кровати краешек одеяла, хотя в этом не было никакой надобности. Михаил сде- лал вид, что не заметил ее торопливого движения, а Тихомилов понял это, чуть скривил уголки губ.

— Не воспитывать, дядя Степан, я при- шел тебя, — помолчав, сказал Михаил. — Ты вдвое старше меня... С Катей я сегодня чуть не до света вот проговорил. Легко, думаешь, ей?

Степан Тихомилов шевельнулся. Но ска- зать ничего не сказал.

— Вот то-то и оно, дядя Степан. Я мальцом был, а помню, как она тебя жда- ла... Как всякое твое письмо с фронта при себе носила, теплом своим нагревала. А тут посыпалось на нее, как свинцовые камни с неба.

Степан теперь легонько и осторожно вздохнул, будто остерегаясь чего-то, и опять промолчал.

— Речушка вон наша Романовка ма- ленькая, овечка перебредет. А сколь в ней воды утекло. Иную прошлую горсть воды и вернуть бы, да как? Далеко она, неиз- вестно и где.

— Умом-то я все это понимаю, Ми- хаил, — хрипловато выдавил наконец из себя Тихомилов.

— А уезжать тебе отсюда, дядя Степан, все ж таки не надо. Ну, куда от родных-то этих холмов да степей? Мне вот они, так во сне снились все.

Степан Тихомилов, исхудавший и уста- лый, поднялся, прошелся по комнате, оста- новился и стал глядеть на Михаила. Глядел долго, будто не узнавая, а сказал так:

— На отца своего ты сильно чем-то похож.

Снова сел и пододвинул к себе чашку с чаем, долго позвякивал в ней ложечкой.

— Тяжко мне тут будет. Да и Кате с Петрованом... сам говоришь...

— Это первое время. А там все обкатается... Да и коли хочешь, так Катя-то с мужем сами и просили меня: пусть, мол, остается тут Степан, в колхозе своем...

— Сами?! Просили? — не поверил Тихомилов.

— Вру я, что ли?

На стенке тикали часы-ходики, звук маятника громко раскатывался по комнате, причиняя, кажется, нестерпимую боль Тихомилову.

— Пока обкатается-то, сколько живого мяса сотрется, — сказал он.

— Не без этого, конечно, — согласился Михаил. — Только и о том подумай, дядя Степан, есть у тебя и сын. Да и сам-то еще молодой. Чего тебе, всего-то и сорок.

— Ну, это уж тебе жениться...

— Да как знать — кто наперед. — И Михаил поглядел не на кровать, а в сторону печки, где недавно стояла Мария. — Снега вон еще холодные сейчас, а как зажурчат...

Тихомилов бросил взгляд туда же, и они, кажется, без слов поняли друг друга.

— Веселый ты человек, Михаил, — покачал головой Тихомилов, и впервые его губы тронула неясная и невеселая улыбка.

— Потому что горя натерпелся, дядя Степан. А похлебаешь его, так и узнаешь, как жить-то надо. Ну, давай, что ли, чай допьем...

...Где-то через час Михаил зашел в колхозную контору. В председательском кабинете толклись несколько женщин и Василий Васильевич Васильев, о чем-то спорили с Катей. При появлении Михаила все враз умолкли и гурьбой пошли к дверям.

— А калачи-то твои, тетя Марунь, — сказал Михаил.

— Ой! — воскликнула счетоводиха и, оставив на столе свои бумаги, тоже выскочила.

— Ну что ж, Катя... Пожалуй что, я и готов под твоё начало встать.

— Миша! Да отдохни недельку-другую!

— Не усталый я, Катя.

— Надо ж хоть подумать, к какому делу тебя.

— Да к любому. И столярничать и плотничать я там научился. И кирпичные дома могу класть, штукатурить, малярничать. Автомобильную премудрость всякую освоил, шофером работал полтора года...

В окна лилось утреннее мартовское солнце, по-зимнему еще жидковатое, но по-весеннему щедрое и веселое. Катя, ничего не говоря, долго смотрела на брата, в ее глазах, немного запавших от двух бессонных ночей, стояла усталая грусть.

— Со Степаном-то говорил?

— Ага, заходил к нему. — Михаил взял стул, поставил к окну, присел и, повернув голову к окну, некоторое время глядел на искрящиеся под утренним солнцем снега. Потом проговорил: — Сойдется он, я думаю, с тетя Маруней-то.

— Миша?! — невольно воскликнула Катя.

— А что? — оторвался от окна Михаил. — По моему, Катя, они этой ночью... и ночевали под одним одеялом.

Внешне на эти слова Катя никак не отреагировала. Может быть, лишь грусть в ее глазах стала чуть погуще, но она, опустив ресницы, прикрыла ими глаза.

Михаил снова глядел на белые искристые снега за окном, слушал, как орут под карнизом юркие воробьи в предчувствии семейных своих забот.

— А что ж, Михаил... Бабенка она слабая, — сказала Катя.

— А я с весны прямо дом себе буду ставить. Деньжонки у меня найдутся. А как поставлю — сразу и женюсь.

— Ох! Да ведь, Миша... еще и невесту надо высмотреть.

— Ну, это мы постараемся, — улыбнулся Михаил.

Окончание следует.

Б. СМЕРНОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ДОЛГ ПЕРЕД МУЗЫКОЙ

Большой класс музыкальной школы. Доска, испещренная нотными знаками. Солнечные зайчики на крутых изгибах труб — и музыка, разноголосая, пока еще нестройная музыка, почти осязаемо висающая в воздухе. Она и в лицах исполнителей, слившихся с инструментами, в их сосредоточенных позах. Забываешь, что исполнителям всего-то по десять — пятнадцать лет. Обычно у тех, кто играет на духовых инструментах, выражение глаз не разберешь, но когда преподаватель резким стуком дирижерской палочки прерывает мелодию, ребята поднимают головы, и я вижу в их глазах каную-то особую отрешенность от нашего обычного мира...

Потом мы сидим в опустевшем классе. Преподаватель Александр Никитович Щербаков все говорит и говорит о своих ребятах, какие они все разные и непохожие, как по-своему чувствуют мелодию и как он, музыкант почти с пятидесятилетним стажем, увлечен каждым занятием.

— Ребята, наверное, устают от музыки?..

— Что вы! Они сами просят, чтобы я лишнее время с ними побыл, порепетировал. Ведь скоро конкурс. Наш оркестр, знаете ли, держит первое место среди ленинградских школ, это обязывает.

— Вы всю жизнь преподаватель...

— Нет, я всю жизнь музыкант. А учить можно только тогда, если точно знаешь, что именно ты хочешь передать человеку.

— У вас тоже были хорошие учителя?

— Разные. Главное, меня научили любить музыку. Я того же хочу от своих учеников.

— Но вы-то начинали, наверное, иначе...

— О, никакого сравнения! Это же были двадцатые годы. Мои родители жили в селе под Моршанском...

Он был единственным мальчиком в многодетной крестьянской семье. Когда переехали в Моршанск, отец определил его в самодеятельность при сахарном заводе, куда устроился на работу. Спасибо отцу: разглядел едва уловимые склонности сына.

Отец вскоре умер, и тогда дядя, человек военный, взял подростка к себе в полк, в духовой оркестр. В том оркестре Саша был не единственным «сыном полка».

Имени первого своего учителя музыки Щербаков не помнит — помнит его фамилию: Борисов. Разучивали «Кирпичики», марш «ХХ век», марш «Октябрьский». В 1935 году полк перебазировался в Москву, и Саша стал столичным жителем. Он всегда был трубачом, а в 1938 году, когда подошел срок действительной службы в Красной Армии, стал играть на тромбоне. Музыка целиком заполнила его жизнь. Он успел еще полтора года поучиться в училище при консерватории, но тут началась война.

Снова, в третий раз в своей биографии, он надел форму. Военный факультет консерватории направил его на Западный фронт дирижером полка. Потом стал дирижером дивизии. Но воевал он не только музыкой, потому что людей не хватало и оркестранты не раз вставали в строй. Орденом Красной Звезды Александр Никитович Щербаков гордится не меньше, чем званием полковника, в котором закончил свою военную службу.

— А после демобилизации оказался в Ленинграде. И решил, наконец, исполнить давнишнюю мечту — работать с детьми. Заставила память собственного детства. Это был мой долг перед музыкой...

Вот такой он, преподаватель обычной ленинградской музыкальной школы № 21. Он еще раз удивил меня, когда я попросил назвать лучших учеников.

— Зачем? Это же дети. Так и обидеть ненароком можно, если ко-

го-то выделить. Потом — они оркестр. А в оркестре все равны. Все — коллектив. Слушать не себя в музыке, а музыку в себе — вот чему надо учиться. Бывает, конечно, кому-то покажется, что он превзошел всех. Вот тут я безжалостен...

— А если ребенок действительно более одарен?

— Это всегда прекрасно. Но, я повторяю, они дети. Характеры, нравы, привычки — все только формируется. А мы должны растить не вундеркиндов, а граждан, духовно красивых людей! Время придет — дарование расцветет. У нас, знаете ли, в консерваторию многие потом уходят. А если и нет, — музыка в человеке все равно остается...

1933 год. Отныне Саша Щербаков [в центре снимка] будет неразлучен с трубой.

Александр Никитович Щербаков ведет занятия.

«С

неба полуденного жара — не подступи, Конная Буденного раскинулась в степи». Кто из советских людей старшего поколения в свои пионерские годы с восторгом не пел этой песни! Но и сейчас легендарная слава Первой Конной армии не меркнет в памяти народной.

...Осень 1919 года — тяжелое время для молодой Советской республики. Войска ставленника Антанты генерала Деникина движутся к Москве. Для борьбы с ними по указанию В. И. Ленина 19 ноября 1919 года по решению Реввоенсовета республики командованием Южного фронта было создано крупное соединение кавалерии, способное решать оперативно-стратегические задачи, — Первая Конная армия. Командующим ее стал талантливый военачальник, любимец народа С. М. Буденный, членами Реввоенсовета — К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко.

Армия была создана на базе конного корпуса С. М. Буденного. В армию первоначально входили 4, 6 и 11-я кавалерийские дивизии, стрелковая бригада. В дальнейшем ее состав менялся. Одно оставалось неизменным: она почти целиком состояла из добровольцев-рабочих, крестьян, беднейшего казачества. Каждый боец и командир твердо помнил, что он защищает родную землю, своих близких, социалистическую революцию. Это делало Конную армию непобедимой.

В январе 1920 года Первая Конная овладела Таганрогом, потом Ростовом-на-Дону и вышла к Азовскому морю. Деникинский фронт был поставлен на грань катастрофы. В этом же месяце победоносная армия вошла в состав Кавказского фронта и сыграла большую роль в окончательном разгроме Деникина.

Буденновцы не знали поражений, хотя большей частью вели бои с численно превосходящим и хорошо вооруженным противником. Так, например, в Егорлыкском сражении у белых было вдвое больше кавалерии, и тем не менее они потерпели поражение. Упорнейший бой длился двое суток. Егорлыкское сражение стало завершающей операцией по ликвидации деникинщины.

Панская Польша начала военные действия против Советской Украины. Белополяки захватили Киев. По указанию В. И. Ленина Первая Конная была направлена на Польский фронт. Ее полки совершили марш в тысячу километров с Северного Кавказа в район Умани. К тому времени в состав армии входили 4 кавалерийские дивизии и бригада особого назначения. В армии насчитывалось 18 тысяч бойцов, 302 пулемета, 48 артиллерийских орудий, 4 бронепоезда, 4 бронепоезда и 3 авиаотряда с 18 самолетами.

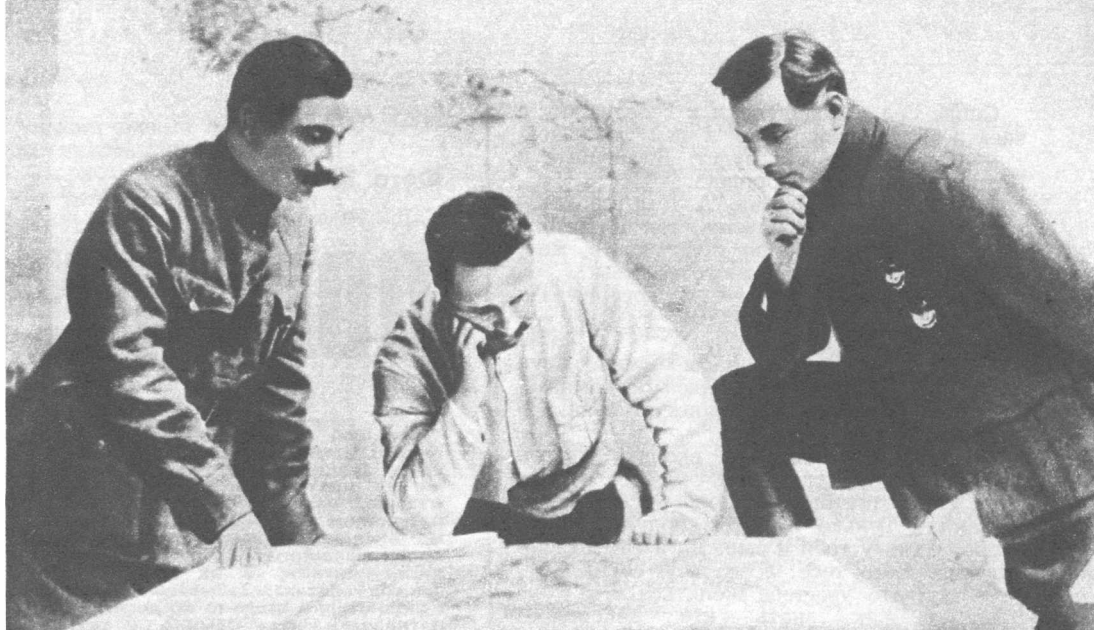
В июне двадцатого года буденновцы совершили знаменитый Житомирский прорыв, а затем разгромили киевскую группировку белополяков. Три месяца непрерывных боев! Новоград-Волынский, Ровно, Дубно, Кременец, Броды, Луцк, Львов — этапы героического пути Первой Конной...

Осенью 1920 года для Красной Армии да и всего советского народа главной задачей стал разгром Врангеля. Опять-таки по настоянию В. И. Ленина Первая Конная совершает семисоткилометровый марш и с Каховского плацдарма устремляется по тылам врангелевских войск. Быстрота действий, высокое искусство маневра, умение находить правильное решение в каждом конкретном сражении обеспечили буденновцам победу.

Конармейцы вместе с прославленными общевойсковыми армиями и дивизиями штурмовали Перекопско-Чонгарские укрепления Врангеля, а потом стремительно преследовали врага до его полного разгрома в Крыму.

Безграничная преданность делу партии, отвага, революционное мужество всегда были присущи буденновцам. В кровопролитных сражениях с врагами Октябрьской революции Первая Конная армия вписала блестящие страницы в историю гражданской войны и Красной Армии.

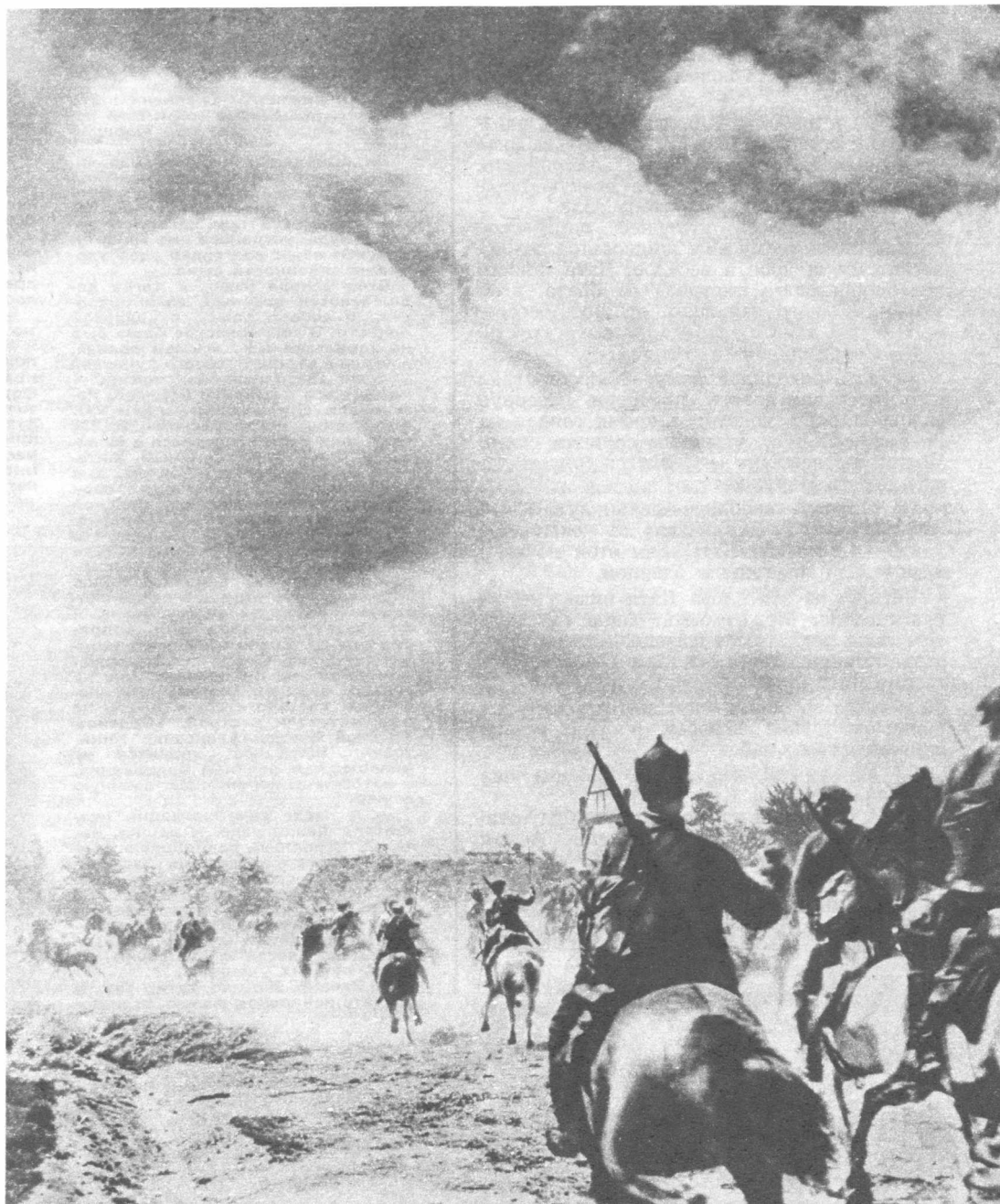
А. ГОЛИКОВ

М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный.

НЕМЕРКНУЩАЯ СЛАВА

Вперед — город...

М. И. Калинин на параде Первой Конной при вручении армии боевого Красного Знамени. С п р а в а — С. М. Буденный.

Траурный митинг на похоронах героев-конармейцев.

Парад в Ростове-на-Дону. Март 1920 года.

М. И. Калинин, С. М. Буденный, С. И. Гусев среди крестьян накануне боев с Врангелем.

в агитпункте.

Анатолий СОФРОНОВ

С 27 июня по 1 июля в столице Анголы, городе Луанде, состоялась VI Конференция писателей стран Азии и Африки. В Конференции приняли участие делегаты и гости более чем из 60 стран Азии, Африки, Европы, Латинской и Северной Америки. Это был чрезвычайно важный рубеж в жизни Ассоциации писателей стран Азии и Африки, начавшей свою жизнь в октябре 1958 года в Ташкенте, где состоялась I Конференция. Много сложностей было да и осталось в жизни и работе Ассоциации. Перед началом VI Конференции были попытки сорвать ее, принизить ее значение, замолчать, сделать вид, что ничего не произошло. Но все оказалось напрасным. Ни империалистическая, ни сионистская агентуры, действовавшие перед Конференцией в разных странах, успеха не имели. Конференция с каждым часом работы набирала силы, все более объединяя и тех, кто работает в Ассоциации более двух десятилетий, и тех, кто сейчас, особенно молодые силы афро-азиатских литератур, активно вошел в это движение. Мне как делегату всех шести Конференций афро-азиатских писателей и состоявшейся

с Яшеном Абдуллаев предложил поехать на места, где работают советские специалисты, передающие ангольцам опыт по выращиванию хлопка. Поездка в сельский район была заманчивой. Сама мысль о поездке родилась как бы незаметно, в тот момент, когда мы смотрели на танк, воздвигнутый на постамент. Абдуллаев спросил нас:

— А не будет ли вам тяжело проехать километров шестьдесят — семьдесят в хлопковый госхоз, начинающий активную производственную жизнь?

— Как, поедем? — спросил меня Яшен.

— Конечно!

Мы не могли не заметить радости в глазах Абдуллаева. Тут же он включил зажигание.

Отъехав не очень далеко от танка, он указал направо:

— Это рынок... Совсем недавно проникшие в город диверсанты устроили в нем большой взрыв... Враги свободной Анголы все время пытаются запугать, держать в напряжении народ... Впрочем, они не оставляют надежд на возвращение Анголы под колониальное иго.

— Португальцы?

— Почему португальцы? Ангола — лакомый кусочек по своим природным запасам для любых империалистов, начиная с американских...

Машина неторопливо бежала среди зеленых долин и озер. На дорожных заставах военные узнавали Абдуллаева.

Широченные баобабы шатрами стояли с обеих сторон дороги. На самой дороге машин почти не было. Возле небольших поселков мы встречали небольшие группы жизнерадостных босых анголок,

ИЗ АФРИКАНСКОГО
ДНЕВНИКА

В АНГОЛЕ

в 1956 году в столице Индии Дели I Конференции азиатских писателей было радостно видеть укрепление единства писателей двух континентов.

Советскую делегацию в Луанде возглавлял ветеран нашего движения — узбекский писатель Камиль Яшен.

...О самой Конференции в печати было уже немало сказано.

Во время пребывания в Анголе и в Мозамбике у нас состоялись интереснейшие встречи. О некоторых из них мне хочется рассказать читателям.

ХЛОПОК «ТАШКЕНТ-1»

В прошлом году вместе с Камилем Яшеном мы уже побывали в Анголе. Эта поездка оказалась очень насыщенной. Ангольские писатели дали нам возможность познакомиться не только с Луандой, но и показали город Лубангу.

Там же мы побывали в цветочно-плодово-ягодном хозяйстве, только-только начинающем свою жизнь.

Именно тогда родились эти строчки:

Лубанга, Лубанга, как будто рождение
Сегодня ты празднуешь повсеместно;
И прошлого нет, оно — наваждение.
И кажется, земли поют, как невесты.

Теперь эти дали закрыты расистам,
Что жили здесь, будто под райскими кущами...
А девушки-девочки травой росистой
Бегут по дорогам, что счастьем отпущены.

На этот раз все сложилось по-иному. В Анголе работает группа советских специалистов по сельскому хозяйству, возглавляемая работавшим до этого заместителем министра сельского хозяйства Узбекистана Махмуджаном Абдуллаевичем Абдуллаевым. Накануне открытия Конференции у нас выдался свободный день. Большая группа делегатов отправилась на самолете в одну из дальних провинций Анголы, а нам

несущих на головах то ли корзины, то ли какую другую поклажу. Раз два мы попросили их остановиться, чтобы сфотографировать. Они весело исполняли наши просьбы. Потом дорога стала извилистой. Вскоре проселок резко нырнул вниз, и мы остановились возле небольшой, подернутой зеленью речки, над которой склонился баобаб. Противоположного берега не было видно. Над тиной возвышался густо-зеленый камыш. К машине подошли двое: пожилой, седоватый анголец и молодой, плотно сбитый человек в комбинезоне.

— Это директор госхоза Сезозо Пешкуале, — сказал Абдуллаев, протягивая ему руку. — А это мой земляк, агроном Камиль Абдулов.

— Из Хорезмской области, — добавил, улыбаясь, Абдулов.

— Вы думаете, почему Абдулов здесь? Попутно охотится на крокодилов и питонов.

— И сейчас здесь есть крокодилы?

— Обязательно.

— А где?

— Присмотритесь... Среди камыша темно-зеленая с рыжим оттенком коряга лежит. Видите?

— Да.

— Это и есть крокодил.

— А сюда он не может перебраться?

— Может.

— А почему он этого не делает?

— Опасается за свою жизнь.

— Абдулов — страстный охотник... Его не только крокодилы боятся, но и питоны.

— Неужели здесь и питоны имеются?

— Конечно, — все так же полушутя, полусерьезно ответил Абдулов.

Абдуллаев обратился к нам:

— Теперь от экзотики поедем туда, из-за чего, собственно, я вас сю-

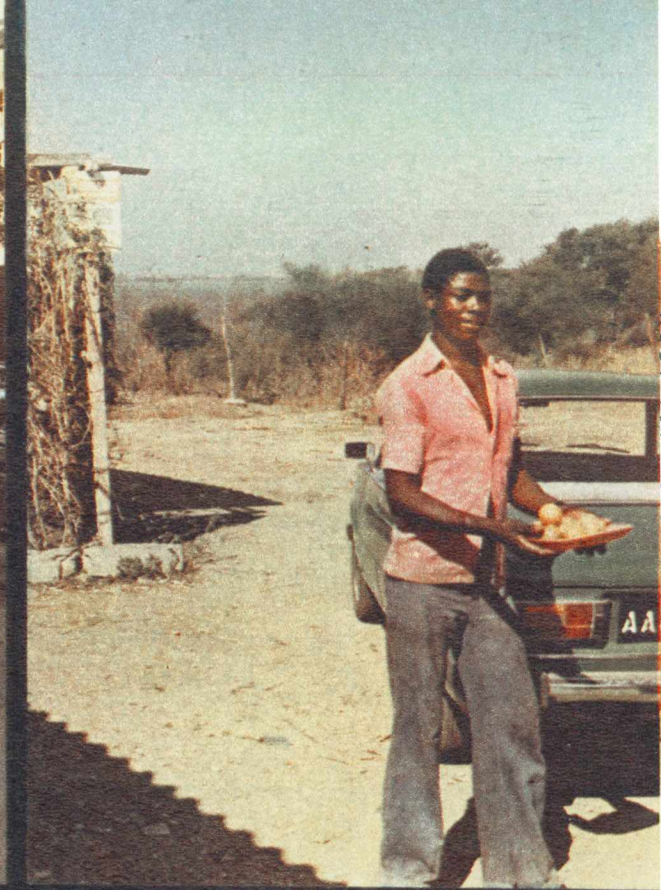
Устье Кванзы * Они охраняют мост.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На дорогах Анголы * Хлопок «Ташкент-1» * Эти изделия можно купить у дороги.

да вез. Всего вам доброго.—Абдуллаев пожал руку Сезозо. Пешкуале.— А с Абдуловым вечером мы еще увидимся в Луанде.

«Жигули» начали взбираться в гору.

Светило солнце. В разрывах белых облаков виднелось синее-синее небо. Вдруг машина сделала резкий поворот и остановилась возле широкого белоснежного поля.

Мы вышли из машины.

— Это и есть «Ташкент-1»... Урожай его здесь в этом году более 41 центнера на гектар. Здесь благоприятная температура, от 27 до 32 градусов тепла... Для нас теперь название этого места—Онга-Зонга—является как бы символом высокого урожая хлопка. Агостиньо Нето однажды был в Узбекистане, увидел наш хлопок и сказал: «Моя мечта — увидеть такой хлопок в Анголе». Это он говорил товарищу Рашидову... «Постараемся помочь специалистами и семенами», — ответил товарищ Рашидов. И, как видите, помогли.

Как и положено человеку, влюбленному в свое дело, Абдуллаев осторожно пошел по хлопковому полю, приглашая и нас с Яшеном за ним. Он показывал нам уже почти созревшие коробочки.

— Представляете, сколько было волнений, когда мы выбрали этот участок... Ведь в среднем здесь больше восьми центнеров на гектар не собирали... Жизнь трудная. Диверсии... Как вы знаете, они не прекращаются и сейчас... В этом госхозе сейчас 65 рабочих, а будет много больше. Сюда приехал министр сельского хозяйства Анголы. Остался очень доволен. И Агостиньо Нето сказал: «Советские специалисты сделали большое доброе дело...»

Абдуллаев говорил, сам поглядывая на часы:

— Как ни грустно, но пора возвращаться. Здесь быстро темнеет... Кроме того, дома нас ожидает плов...

По дороге в Луанду Абдуллаев показал поля, на которых будут посеяны пшеница, хлопок и другие культуры...

— Но это все еще впереди.

К 6 часам вечера мы были в Луанде. Нас встретил Камиль Абдулов, оказавшийся соседом Абдуллаева.

Плов был готов.

К УСТЬЮ КВАНЗЫ

Если первая поездка показала нам, как дружно трудятся наши специалисты, помогая ангольцам, то вторая поездка оказалась очень полезной для представления о том, в каких сложных условиях живут сейчас Ангола и ее народ. Абдуллаев снова предложил:

— Поедемте к устью Кванзы? Главная река Анголы, к ней ведет глухая дорога, хотя и асфальтовая, но ездят по ней сейчас мало. На то есть разные причины.

И вот уже вдоль берега Атлантического океана, на тех же «Жигулях», мы едем, то приближаясь к океану, то несколько отступая. Слева — саванна, пустыня, где все так же, но реже возвышаются баобабы, пальмы и еще какие-то странные деревья с голыми, срезанными сверху ветвями.

— Эти деревья — тоже пальмы... Но здесь их зовут пьяными пальмами. Все верхушки срезаны. Из них берут сок и делают довольно крепкий напиток.

Мы проехали двадцать с лишним километров. Абдуллаев, не останавливая машину, чуть полуобернувшись к Камиллю Яшену, наклонился и из полотенца, лежавшего справа у его ног, вытащил автомат и положил его теперь уже на полотенец.

— Это так... На всякий случай... Места здесь дикие.

Кое-где вдоль дороги лежали сброшенные под откос машины. Перед нами вдруг оказалась грузовая машина с десятком людей, сидевших в кузове. Абдуллаев замедлил ход. Присмотрелся... Затем прибавил скорости.

— Свои, — сказал он, когда мы обгоняли машину.

Так мы ехали больше часа. Спидометр показывал, что позади осталось более семидесяти километров... И вдруг прямо перед нами оказался не то полуразбитый, не то недостроенный мост, зеленые, густые деревья над широкой темной рекой и сама река Кванза!

— Проедем сначала к солдатам, — сказал Абдуллаев. Мы медленно поехали через мост на другую сторону реки. Там стояли две палатки. На земле сидели и кормили грудью детей молодые анголочки. В нашу сторону были устремлены пытливые взгляды молодых солдат с автоматами. Абдуллаев поздоровался со всеми, представил нас. Лица у солдат стали сразу дружелюбными. — Теперь сколько угодно можно снимать Кванзу... Видите, какие красивые здесь берега.

Прощавшись, мы вернулись на середину моста. Кванза невидимо несла свое течение. От воды трудно было оторвать взгляд.

— Крокодил! — услышали мы вдруг восклицание Абдуллаева, стоящего у порога машины.

— Опять крокодил?

— Вон... Вон он.

И в самом деле, чуть прикрытый водой, похожий на темное бревно, к мосту медленно плыл крокодил.

— Купаться здесь опасно.

— А здесь и не купаются.

— Неужели устье Кванзы мы так и не повидаем?

— Попробуем, — не очень решительно ответил Абдуллаев.

Машина тронулась. Вскоре она остановилась у нескольких хижин, расположенных недалеко от дороги. У одной из хижин стоял высокий анголец, пристально всматриваясь в нас.

— Скажите, как ближе проехать к устью? — спросил Абдуллаев.

Незнакомец ответил не сразу. Вначале рукой он показал направление, как надо ехать к устью, а затем сказал:

— Там живут люди, которых мы не знаем. Думаю, что ехать вам туда не стоит.

Абдуллаев поблагодарил ангольца, а нам сказал:

— Возвращаемся в Луанду.

Мы снова выбрались на асфальтовую дорогу. Теперь Атлантический океан был слева, а в глубину саванны уходили пальмы с отрезанными верхушками ветвей.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С АГОСТИНЬО НЕТО

Первого июля, около пяти часов вечера, открылось последнее заседание VI Конференции писателей стран Азии и Африки. Все делегаты сердечно приветствовали главу государства Анголы Агостиньо Нето. Избранный генеральным секретарем Ассоциации южноафриканский писатель, хорошо известный нашим читателям, Алекс ла Гума предоставил слово Нето. Сам выдающийся поэт, Агостиньо Нето отлично чувствовал и объединял политику и поэзию. Он, в частности, сказал:

«В наше время еще не исчезли нации и, следовательно, продолжает существовать национальный дух. Каждая национальная общность имеет свою историю, и ее надо рассматривать в плане сохранения суверенных прав и национальной целостности, в плане развития культуры и ценностей, которые ей служат.

Однако величие мыслителя всегда будет состоять в том, чтобы суметь выступить не только на уровне своей страны, но и на международном уровне. Речи, произнесенные на нашей Конференции, хорошо подтверждают эту мысль.

Естественно, когда мы говорим о лингвистических проблемах или о распространении идей, мы в первую очередь думаем о национальном, чтобы затем перейти к интернациональному. И по-другому быть не может».

...Вечером состоялся прием, во время которого наша делегация была принята Агостиньо Нето. Мы хорошо знали Нето еще до победы ангольской революции. Не один раз встречались в Советском комитете солидарности народов Азии и Африки, чтобы выполнить его просьбы по обеспечению сражающегося народа Анголы учебниками, тетрадями, карандашами. Помнится, как он, внимательно заглядывая в записную книжку, называл нам все, что нужно было сражающейся Анголе... Это все помнится.

На этот раз мы, может, как никогда близко увидели его. Он был вместе с женой Марией-Эуженией. Приветливо улыбаясь, он сказал:

— Мы очень рады, что писатели Азии и Африки встретились у нас в Анголе. Это будет незабываемым событием.

Вместе с Николаем Федоренко мы вручили Агостиньо Нето журналы «Иностранная литература» и «Огонек», где были опубликованы последние переводы его стихов.

Нето предложил нам присесть.

— А не можем ли мы ждать от вас новых стихов?

— Я сейчас почти не пишу.

— Почти...

— Ну, одно-два в году. Вы же знаете, а теперь и сами увидели, как нам нелегко... чем мы заняты. Довольны ли вы Конференцией?

...Беседа была очень дружеской, длилась уже более получаса. Мы видели усталое лицо Агостиньо Нето.

Он предложил сфотографироваться на память.

Защелкали фотоаппараты, застрекотали кинокамеры.

Провожая нас, Нето негромко сказал:

— Счастливого пути!

...Лубанга, Лубанга, как будто рождение
Сегодня ты празднуешь повсеместно,
И прошлого нет — оно наваждение,
И кажется — земли поют, как невесты.

Нет, прошлое есть! Не надо обмана,
Еще нависают, как плети, проклятья,
Еще недописаны главы романа,
В которых влюбленным кидаться в объятья.

И к прошлому нет и не будет возврата,
Уже не дано, что прошло, возвратиться;
Недаром в бинтах, как в заплатах, ребята
В Лубанге пока еще стонут в больнице.

Но солнце над Африкой — солнце победы!
И пусть к ней дорога лежит непрямая.
...Все это в глазах я увидел у Геды,
В прощании скором руки сжимаю.

Главный агроном М. А. Абдуллаев и писатель Камиль Яшен * Одна из центральных улиц Луанды * Дорога * Мастера * Делегаты VI Конференции писателей Азии и Африки * В пути * Саванна * Агроном К. Абдулов.

Луанда — Москва.

ТАЛСЫ ПРЕДЛАГАЮТ МОДЕЛЬ

См. II стр. обл.

ренности объединило тут десятки молодых и опытных специалистов, руководителей самых разных в районе учреждений и предприятий в мощном целенаправленном поиске новой формы управления производством. Под новой формой управления в связи с поиском талсинцев имеется в виду создание в этом латвийском городке РАПО — районного аграрно-промышленного объединения. Словом, здесь сообща стали выбираться из межведомственного лабиринта десятки соподчинений.

Первый секретарь Талсинского райкома партии Карл Рутенберг сразу же предупредил возможные с моей стороны вопросы:

— Большинство приезжих интересуется прежде всего ростом показателей. Им вынь да положь скачок или рекорд... Но мы всего-навсего начинающие. Хорошо скоро не бывает, не так ли?..

Так вот, в Талсах выявлены, разработаны и каждодневно отлаживаются новые производственные связи. Под знаком интеграла осуществляется четкое взаимодействие многочисленных составных сложнейшего процесса развития районной экономики. Что их подвигло на шаг как бы очередной реорганизации управления? Я думаю, гражданская зрелость и тот политико-экономический потенциал, который накоплен за последние полтора десятка лет. И та самая неудовлетворенность темпами развития экономики, улучшения жизни в районе, о которых шла речь выше. Жизнь потребовала концентрации производства. Бурно развивается внутрирайонная и внутрихозяйственная специализация. А система управления, связи соподчинения оставались старыми и, как убеждались талсинцы, негодными.

2

ОСЕНЬ в Латвии меньше всего вяжется с устойчивым представлением о поре «бабьего лета»; нет ни золотого бездождья, ни паутинок в полете, ни волнующей сини высокого неба. Каждый день, как слоеный яблочный пирог: над красными островершинами крышами быстро пролетают тучи, взрыленные балтийским ветром, под ними пластается мокрая ботва, и вдруг над мрачными лесами прорываются почти горизонтальные лучи позднего солнца. И тогда вспыхивают тихие свечи осин и тополей, оживают ковры приусадебных цветников, отчаянно ярких в канун холодов. По асфальтам катят самосвалы с яблоками. На картофельных плантациях выбирают и ссыпают в контейнеры картофель, а скот пасется в травах такой свежести, будто и не было лета. Воздух пахнет старыми водорослями, но сильнее запахи садов с обломным урожаем яблок. Что ни дерево — своя модель вселенной...

Леса, леса, и поля среди лесов, и озера среди лесов, расцеленных асфальтовыми дорогами. А за лесами лежит прекрасное курортное лукоморье!..

В Талсинском районе люди заняты обычным для сельской местности трудом, и с некоторыми пор все они захвачены идеей серьезного эксперимента. В подобных районах нет у жителей интереса превыше общего — получать устойчивые, достаточно высокие урожаи, надо, привези, настриги и т. п. В таком районе, даже если ты скрипач, ты все равно душой болееешь за родичей, соседей, отдающих годы труда поля или ферме, или тракторной мастерской, или консервному, молочному заводу.

В головах талсинцев постепенно сложилось, что район — не только и не просто территория, пятно на административной карте, а единый народнохозяйственный организм. Это давно понимали и Карл Рутенберг, первый секретарь райкома партии, и председатели колхозов Мария Кузьминична Штейнберге из «Дзмитене», Иммант Брауэрс из колхоза имени Ленина, директор опытной станции Мартин Белицкис и управляющий местным отделением Госкомсельхозтехники Валдмир Озолиньш, создатель музея хуторского уклада... Их много в Талсах, единомышленников. Они и задались вопросами: как бы так заново перестроить, чтобы получше сыграть? Чтобы звучал наконец-то в полную силу отныне сводный оркестр районного хозяйства?

В Талсах, кажется, ответили на очень непростые вопросы. Опирались талсинцы на известное постановление ЦК КПСС о дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. К перестройке вела от памятного мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС аграрная политика партии. Сказалось живое стремление неуклонно следовать курсом ленинского плана кооперирования.

3

В НАШЕЙ стране испытаны и проходят проверку жизнью многие формы кооперирования. Посыл один — повышение качества продукции и эффективности экономики. Причем в максимально короткие сроки. Посыл один, а результаты различные. Поскольку различны районные схемы управления сельским хозяйством. Многие из них сдерживают процесс концентрации сельскохозяйственного производства на базе самых разных форм межхозяйственного кооперирования и создания агропромышленных комплексов.

Новое находит тот, кто ищет, ищет неустанно и последовательно. Кто опирается на статью В. И. Ленина «О кооперации»: «...Кооперация получает у нас, благодаря особенностям нашего государственного строя, совершенно исключительное значение».

И тут же, несколькими строками ниже: «...Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает с социализмом».

Когда талсинцы создали единое аграрно-промышленное объединение, в него вошли все хозрасчетные хозяйства и предприятия района. Начинание особенно символичное в свете той грамотной перестройки на местах, которую проводил Владимир Ильич: «Образцовая постановка дела, в указанном отношении, хотя бы для одной волости, имеет более крупное общегосударственное значение, чем «образцовое» улучшение центрального аппарата того или иного наркомата... Помощь... для более радикального улучшения, для нового притока свежих сил, для успешной борьбы с бюрократизмом, для преодоления вредной косности должна идти с мест, с низов, с образцовой постановки небольшого «целого», но именно «целого», т. е. не одного хозяйства, не одной отрасли хозяйства, не одного предприятия, а суммы всех хозяйственных отношений, суммы всего хозяйственного оборота, хотя бы небольшой местности».

...Хочется цитировать и цитировать ленинскую работу дальше. Поразительно точны слова Ильича из далекого апреля 1921 года именно по отношению к тому, что произошло в Талсах. Здесь осознанно, так и просится сказать — мужественно отступили от традиции «поднимать» то или иное хозяйство, которому «естественно» шли лучшая техника, лучшие семена, удобрения — и часто вне очереди. Нет, в Талсах последние годы посвящены образцовой постановке не одного субъективно избранного хозяйства, не одной отрасли (выгодных свиноводства или льноводства), не одного предприятия, а именно суммы всех хозяйственных отношений в районе. Вот для чего создана модель РАПО. Таким образом, талсинцы (а за ними нынче еще четыре района Латвийской ССР) поднялись на принципиально новую ступень в кооперировании. В нашем случае кооперирования куда более широкого, подлинно межхозяйственного, что обычно прантнуется робко и узко...

Во главе эксперимента в Талсах стоят люди отнюдь не молодые и трезво мыслящие, влюбленные в экономику как таковую: членкорреспондент Академии наук Латвийской ССР Арнис Калныньш, первый секретарь Талсинского райкома партии Карл Рутенберг и Вилнис Клейнбергс, председатель Талсинского РАПО. Вот они-то, каждый со своей точки зрения, и объяснили мне суть перестройки.

— Только не перестройки, не совсем так, — мягко запротестовал ученый. — Наша модель управления сельскохозяйственным производством предполагает следующий этап кооперирования и совершенствования самой системы управления. Мы за интенсификацию руководства...

Интенсификация руководства!.. Память только одного моего поколения хранит вывески: МТС, райзо, заготконтора, райсельхозотдел, сельхозотдел райкома, наконец, районное производственно-территориальное управление и партком при нем, потом снова райсельхозуправление... Менялись не только вывески, но и связи соподчинения. Одно было неизменным: специалисты районного звена в лучшем случае оставались добросовестными советчиками. Уполномоченные, агрономы и зоотехники из «района» приезжали и уезжали. Они наездами инспектировали, административали каждый в меру своего таланта или своей добросовестности.

Вилнис Клейнбергс так сказал:

— Искусство «ставить вопросы» обрело массовый характер, достигло вершин совершенства! Но все большее число специалистов утрачивало способность работать, а именно решать вопросы, проблемы, наконец, судьбу конкретного хозяйства или отрасли.

— Самая большая, я бы сказал, непоправимая опасность, — Арнис Калныньш делает долгую паузу, — самая большая опасность — создать новый тип объединения, принять нашу схему управления, а работать... по-старому. То есть действовать по-прежнему рычагами администрирования...

— А нужно?

— А нужно привести в действие рычаги сугубо экономические. Рычаги хозрасчета и взаимовыгоды. Знаете, наша модель опасна своей простотой, очевидностью!..

Я невольно задержался на этой парадоксальной мысли ученого, и он тут же уловил мое невольное недоумение:

— Да, Талсы предлагают модель чрезвычайно простую. Именно это разочаровывает любителей реорганизаций, ломок. Но законы экономики — объективная реальность. Остается познать их, использовать выгоду народному хозяйству. Многие годы самые разные районные учреждения административным путем влияли на экономическую жизнь села, тесно связанную с данным небом, данной природой и состоянием здоровья почвы, с аномалиями погоды, каждый год разный. Почва могла даже улучшаться, а погода могла, например, ухудшаться; но планы имели одну тенденцию — расти. А рост урожая, производства мяса, молока, яиц, шерсти зависит от сотен тысяч факторов. И не только от природно-климатических. Тут решающую роль играют именно законы экономики. В силу вступают и социальные категории, а также моральная и материальная заинтересованность исполнителей, то есть тех самых людей, которые непосредственно заняты производством, стабильным повышением плодородия, ростом прибылей и всех прочих земных благ.

Я понял ученого так: главной задачей при создании новой модели управления оставалось давно знакомое условие — увязать личный интерес труженика поля или фермы с интересом государственным. А интерес хозяйства увязать с интересом района и республики. Что же для этого сделали в Талсах?

4

СОЗДАНИЮ модели помог исследовательский энтузиазм Арниса Калныньша. Родом он из противоположного угла Латвии — из Валмиерского района, из села Наукушны, что на границе с Эстонией. А точнее — рядом со знаменитым ныне своими похожими новшествами эстонским городком Вильянди. «Похожими» не случайно, а потому, что идеи одержимого Арниса Калныньша не знают границ — ни районных, ни республиканских. Этого человека, я в том убедился, любят и в колхозах самых отдаленных, и в научных кругах Риги, и в университетском Тарту. И, конечно, у него на родине, где Арнис, будучи школьником, начинал карьеру счетоводом небогатого колхоза. Долгими вечерами он просиживал над гротесками, нарядными и старенькими счетами. Теперь он возглавляет отделение аграрных проблем в Институте экономики республиканской Академии наук.

Не сразу Арнис Калныньш пришел к мысли: район — одно хозяйство. Связка, схема элемен-

тарна: производство — конечный продукт — реализация. Для внедрения в жизнь столь упрощенной схемы разработаны три программы поэтапного развития: программа-минимум, оптимальная программа и программа-максимум, рассчитанная до 1990 года. Внедрять в жизнь все три будут не только постепенно, но и строго последовательно. Забегать вперед никому не дано. Нельзя без анализа действительности, не имея на то научного обоснования, вырабатывать или иную отрасль (семеноводство, откорм скота или пчеловодство) и на ней специализировать первое подвернувшееся хозяйство. Кое-где так поспешили сделать и потеряли весьма весомую долю продукции, ликвидировали десятки мелких ферм и полей, а главное — дискредитировали саму идею внутрирайонной специализации.

Талсинский район до принятия новой модели чуть ли не первым в республике осторожно внедрял бухгалтерскую механизацию, потом — диспетчерскую службу, первым составил почвенную картограмму района, введя балльную систему; здесь давно уже для начала все строительные организации района объединили в одну, создав мощный хозрасчетный стройтрест. Кстати, трест построил в Талсах по индивидуальному проекту такую гостиницу и с такими удобствами, такими барами и холлами, что был удостоен республиканской премии. В общем, не спеша в Талсах подвели к главному — созданию единого районного аграрно-промышленного объединения. Отмеряли не семь, а семизды семь раз. И не отрезали, а напротив! Даже ничего не ломали, а, наоборот, собрали все колхозы и совхозы, все в районе предприятия и учреждения, в том числе опытно-селекционную станцию, райотделение Госкомсельхозтехники, а также единый блок агрохимслужбы, автотранспортное предприятие — всех, всех под одну крышу РАПО. Создан хозяйственный «оркестр», в котором каждое хозрасчетное предприятие ведет свою, написанную для него учеными «партию».

«Оркестр» РАПО играет уже два года (1978 год из эксперимента выпал из-за стихийного в тех местах бедствия — суровое первое испытание выдержано). Оркестр играет и явно сыгрывается. У дирижерского пюльта — новые руководящие органы. Высший из них — Совет РАПО. В Совет вошли самые уважаемые в районе руководители хозяйств, мастера своего дела, отнюдь не дилетанты в экономике. Совет избрал, в свою очередь, правление РАПО. Во главе его — энтузиаст Вилнис Клейнбергс, единомышленник Арниса Калныньша, его соавтор по талсинской модели.

Ошибается тот, кто подумает, что в Талсах просто переименовали обычное сельхозуправление. Нет, дело в том, что управление РАПО — орган не административный, но экономический. Это и мозговой центр и, главное, средоточие крупных материальных фондов. В общем, самостоятельная хозрасчетная организация со своим банковским счетом.

Средства правления РАПО составляют солидные отчисления из касс всех членов-пайщиков, по сути, единого районного кооператива. Таким образом, правление распределяет, исходя из экономической целесообразности, исходя из одной из программ (минимальной, оптимальной или — с дальним прицелом на 1990 хозгод — максимальной). Фондов несколько: есть фонд укрепления и расширения экономики, есть фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, есть и важный фонд материального поощрения за внедрение прогрессивных методов ведения хозяйства. Есть и резервный фонд...

— Так у вас теперь один большой колхоз? — догадываются недогадливые приезжие. И такой вывод — еще одна возможная ошибка. Нет, Талсинское РАПО не колхоз, но именно кооперативное объединение, развивающееся по единому научно обоснованному социально-экономическому плану. Главная особенность: хозяйственная и финансовая самостоятельность остается за колхозами и совхозами, за службами авто-, агро-, зоо-, вет-, химсервиса и за предприятиями перерабатывающей промышленности. Все они — равноправные члены-пайщики объединения. И повязаны теперь еще интересами района, единым стремлением к производству эффективному, прибыльному. Не просто и не только показатели заботят отныне пайщиков, но их стимулирует желание повысить уровень жизни, благосостояния всех живущих в районе.

Талсинцы считают, что надо как минимум (для начала) выравнять условия воспроизводства. Речь идет, разумеется, об учете именно экономических условий — они никогда не бывают равными для всех. Одно дело с помощью кадастра учесть природно-почвенные факторы, а другое дело ввести систему баллов экономической оценки деятельности совершенно разных, ни в чем не схожих хозяйств: колхоз, опытно-селекционная станция или откормплощадка...

5

АРНИС Калныньш помог ввести в дело взаимных расчетов еще и такой инструмент оценки, как РАСЧЕТНЫЕ ЦЕНЫ.

— Так ваше РАПО и денежные знаки свои заимело? — Во мне заговорил нумизмат.

— Нет, нет, расчетные цены действуют только в рамках РАПО, это всего-навсего обязательные, строго выверенные коэффициенты

Вилнис Клейнбергс — энтузиаст модели РАПО, председатель его правления.

для определения действительного уровня экономического развития. И еще для устранения различия между «выгодно» и «надо». Нужно ли пояснять, что заниматься производством семян трав хлопотно и все же куда выгоднее, чем выращивать тот же овес; или — мед приносит заметное больше прибыли, чем картофель. Тут многое зависит и от погодных условий, и от конъюнктуры цен, и от спроса на рынке. Опытно-селекционная станция вырабатывает и реализует элитные семена, а соседний колхоз едва сводит концы с концами, потому что его поля все еще мелкие, разбросаны, а колхозники еще гнездятся по хуторам, да и семена получше не всегда достанешь, купить их не на что... Расчетные цены, разработанные учеными и принятые Советом РАПО, покончили с такими понятиями, как «выгодно» и «невыгодно». Для района в целом выгодно, чтобы специалисты, а не дилетанты занимались селекцией и разномножением суперэлиты и элиты, производством семян дефицитных ныне клеверов, тимopheевки и прочих трав, а также улучшением полей, выращиванием скакунов для союзных аукционов и кактусов на вывоз, откормом бычков и разведением пчел...

Так и ведут теперь свои дела талсинцы, борники внутрирайонной специализации.

Примеры? Колхоз имени Ленина готовит семена зерновых для каждого в отдельности хозяйства: пшеницу, овес, ячмень... В колхозе давно умеют это делать, и он теперь готовит семена для всех. Здесь на средства из фондов РАПО с согласия всех членов объединения построены семенные склады, пункт для протравливания семян, пункт доводки семенного материала до высших кондиций. Полная механизация, частичная автоматизация, даже электронное оборудование — вот что характеризует мощный семеноводческий центр РАПО в колхозе имени Ленина. Приходит пора сева. И тогда специалисты колхоза имени Ленина доставляют семена на каждое поле, к каждому агрегату — персонально. Дорого? Так сначала казалось. Но подскочившие урожаи и явная экономия, выгода в сроках, поскольку все сделали «дяди» из колхоза имени Ленина, обернулись прямой выгодой. Теперь специалисты-семеноводы в колхозе имени Ленина, высвобожденные от посторонних забот, достали даже дорогостоящую лазерную установку — для стимулирования всхожести! Так что новой весной на поля района семена пойдут повышенного качества...

Принцип взаимных расчетов прост и стар, как мир, — это купля-продажа. А если в каком-нибудь хозяйстве пока еще не на что купить, некому освоить, некому ухаживать за новейшей техникой, скотом или посевами, то поможет правление РАПО. А у него есть соответствующие фонды. И есть друзья-соперники, сочлены по районной кооперации теперь есть. Взаимопомощь теперь осуществляется в принципиально иных формах: разработкой передовой технологии, материальной заинтересованностью, денежные поощрения за прогрессивную мысль, приносящую прибыль и честь району. Так вскоре образовался в новеньких складах РАПО запас дефицитнейших семян трав на полтора года — для всех! Так совхоз «Окте» рассчитался впервые за всех, за весь район семенами. А там сидит на этом деле один агроном! Сколько бывало руководителей: этаж на этаже... Теперь схема упростилась до смешного — один к одному, то есть главный специалист в правлении руководит семеноводом, например, в «Окте». Уж два-то человека скорее поймут друг друга, лучше сработаются, чем при любом другом варианте соподчиненности. Сколько говорили — годами — о пунктах подготовки семян зерновых, но кто мог их построить? Да еще каждый для себя? И вот теперь районные строители за шесть месяцев создали могучую индустрию семеноводства в одном хозяйстве, — но для всех!

Колхоз «Драудзиба». Здесь выращивают семенную картофель, а хранят его в специальных, очень емких, капитальных хранилищах. Колхоз сам рассчитывается с государством — за район. Смех — бывало, такой пустяк, как зеленый горошек, выращивали семь хозяйств! И ни разу район так и не выполнил плана. Растение капризное, требует особого внимания и особого умения собирать... Теперь одно хозяйство «Дзимтене» перевыполняет районный план по зеленому горошку — за всех. Вот еще пример удачной специализации. Пчеловод в совхозе «Валдгале» держит две тысячи семей. Рентабельность дела поднялась до ста восьмидесяти процентов. Мед — река; пчелы больше не болеют, и все клеверница района — для них. Зацвел клевер, и об этом сразу узнает диспетчер РАПО, он перебрасывает в лакомые места сотни ульев — на то готов спецтранспорт! А в цехах пчеловода «Валдгале» готовят и пчелиный яд, и прополис, и вошину, мед фасуют и улы ладят для любителей...

Выгодно тем, кто дело умеет делать, выгодно и району. А главное, никому не обидно: расчетная цена выравнивает экономические возможности партнеров по РАПО.

А вот план по молоку все хозяйства имеют. И все они молоко дают, а надои растут. Тут это любят — молочное дело, и скот держат только высокоудойный. Но все-таки совхоз «Вирби» в скором будущем от молочных обязанностей освободят: там намечено устроить мощный индустриальный мясной откорм. Учли ошибку, например, со свиномкомплексом в колхозе «Дундага», где денег девать было некуда; вот там и пустили их на модный комплекс, а до мясокомбината — будто начальство раньше не знало — сорок пять километров. Да через леса, да в объезд болот. А кормов здесь своих нет — свинья страшно прожорлива. И земель вокруг «Дундаги» нет для своего зернофуража, хотя в то же время на богатых полях... овцы держали. То есть все делалось наоборот, как бы помимом экономическая целесообразности, исходя из «выгод» — мнимых выгод — одного денежного хозяйства. Совет РАПО поправил дело в колхозе «Дундага», поставил его экономику с головы на ноги. Так прочнее. И свиномкомплекс перебазировали...

В Талсах я почувствовал в людях особый хозяйственный запал, они увлеклись ведением конкретных дел, увлеклись экономикой, которая не на бумаге, а в поле, садах, на фермах. И на поточной линии в мастерских отделения Госкомсельхозтехники и на опытной станции. А какие выходы дает эта экономика, видно хотя бы на примере того же колхоза имени Ленина, который в развитие прямых торговых связей уже не первый год отправляет квашеную капусту и черносмородиновый джем постоянным адресатам в ФРГ и далекой Японии. Качество рассола и бочкотары отвечает, стало быть, требованиям мирового стандарта...

Модель РАПО, безусловно, перспективна — это признают все, кто побывал в Талсах. Однако ее воплощение в жизнь требует не только сочувствия новому, но и очевидных перестроек, как говорится, наверху, за пределами районных границ. Конечно, для начала естественны моменты непонимания и сопротивления со стороны тех республиканских и союзных ведомств, чьи интересы затронуло новшество в районе. Случается, что существующие инструкции сковывают инициативную природу РАПО. Например, до сих пор некоторые равноправные члены объединения по-прежнему живут в условиях двойного подчинения — это относится к отделению Госкомсельхозтехники, к опытной станции и к консервному заводу, а такая юридическая «недосказанность» способствует рецидивам межведомственных взаимных неуступок, что мешает развернуться и деятельному Валдмиру Озолиньшу, и принципиальному Мартыну Белицкому, и давно фактически «сдавшемуся» на милость победившему РАПО Илгварсу Кудису, директору консервного завода. Все они патриоты района, хотя до сих пор в подчинении далеких контор и главков. И еще. Не решены до конца вопросы оплаты труда служащим и специалистам правления РАПО — к ним волево применили порядок оплаты и премирования, установленный для... трестов совхозов. Но РАПО принципиально негоже отождествлять ни с трестами, ни с главками, ни с дирекциями. А вот еще препоны. До сих пор в район спускают десятка полтора планов по молоку каждому хозяйству и индивидуальному сектору отдельно, но в районе одно хозяйство — РАПО. Когда строительство требует от членов РАПО складчины, объединения средств, то колхозы охотно идут на это, а возможности совхозов строго лимитированы, что лишает их инициативы в роли равноправных членов районного объединения. Так что трудности есть, и это естественно, когда нарождается и мукает новое.

В Талсах живут и работают настоящие коллективисты, продолжающие черпать и черпать из глубин такого источника, как статья В. И. Ленина «О кооперации», а также из решений XXIV и XXV съездов КПСС, июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС. Совет РАПО не только уяснил действительные возможности каждого хозяйства, но и помог каждому обрести второе дыхание. Люди верно оценили свои возможности и свои склонности к производству той или иной продукции. По селам люди-то живут самые разные. Разные и по способностям и по возможностям. Теперь все они получили шанс проявить себя в интересах собственной реабилитации именно в качестве добрых смысленных хозяйственников, специалистов, обнаружили мастера по каждому конкретному делу. Тут, кроме безотказно действующей материальной заинтересованности, сказались еще и такие чувства, как гордость, достоинство, рабочая честь. Так говорит председатель РАПО Вилнис Клейнбергс: «У нас все карты раскрыты. Программа развития района заранее обнародована. Все знают, что для ее разработки были привлечены серьезные научные силы».

И еще я слышал в Талсах: «Золотой жилы не нашли. Зато есть программа жизни до 1990 года».

Мысленно иду в 1990 год вместе с талсинцами. И радуюсь, что узнаю по дороге полюбившиеся места, где люди инициативные и храбрые дружно преодолевали антиэкономку, где живут вот уже несколько лет одной семьей маленький тихий город, и новое село, и дальний хутор... Когда-нибудь я наверняка вспомню нынешнюю осень в Талсах и самое начало пути, когда Арнис Калныньш и Вилнис Клейнбергс были еще завидно молоды.

У Л Е Т Е В П Т И

Борис ГУСЕВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

У

же почти все сверстники Феде были женаты. Из большой институтской компании холостым, кажется, оставался один он. Но пока что это не смущало его: хотя он и занимал перспективную должность, но все еще ходил в молодых. Любая компания встречала его приветливо, с радостью, особенно женская половина; он считался одним из лучших женихов научно-производственного комбината: пил в меру, всегда прилично вел себя, был остроумным и все понимающим. Хороший рост и пленительная улыбка дополняли его в целом положительный облик.

Федя не был ни монахом, ни тем более робким; но он боялся так называемых историй с оглаской или таких ситуаций, когда деловой человек, если он не хочет испортить себе карьеру, должен жениться. И он не собирался оставаться холостяком; напротив, он все чаще и чаще подумывал о будущей семье, детях... Но считал, что слишком торопиться тоже не следует. Он видел, как женились его ровесники. Большею частью несчастливо. Одни — потому, что считали, что время пришло, и женились на тех, кто, по их мнению, подходит в жены, то есть на некрасивых порядочных девушках из семей; других женили на себе бойкие, оборотистые особы, тотчас бравшие под каблук своих мужей; третьи хоть и женились будто бы по любви, но быстро опускались, переставали бывать в обществе, ходили озабоченные, стреляли на сигареты. Федя не имел перед глазами ни одного идеального, по его понятиям, брака. Чего ж спешить? Что-то, а это всегда успеется, рассуждал он.

Были у него романы. Выбирал он главным образом из числа тех, кто явно не мог торпедировать его заявлением в общественные инстанции. Гарантией тому были ее солидный возраст или семейное положение, чтобы и она не была заинтересована в огласке.

Но однажды возник роман с молодой девушкой. Он не мог дать себе отчета, любовь

то или увлечение. Люба была умна, хороша, воспитанна и, кажется, действительно влюблена в Феде, словом, серьезная кандидатура. И он решился в свой отпуск рискнуть — повезти ее на юг. Для ее родителей дело было обставлено так, что едет большая компания.

И Федя с Любой поехали на юг. Там было прекрасно. Он снял комнату. Ездили на Ай-Петри, встречали там восход солнца; были и шашлыки, и тосты, и т. п. На Любу заглядывались мужчины. Федя уже было махнул рукой: эх, черт возьми, ладно, как будет — так будет, можно и жениться в крайнем случае. Даже что-то в этом смысле намекнул ей, но формального предложения не сделал, отложил до возвращения. Отпуск прошел, как сон. Так что, вернувшись домой, он не вдруг вошел в служебную колею. А как вошел в привычный круг, то задумался...

Разумеется, Люба — отличная девушка. Но вот ведь взяла и поехала с ним на юг. Поступок смелый и даже отчасти благородный, но... Но! В этом «но» все и было. Кроме того, явились и такие соображения: удалось увернуться, и — слава богу! Люба — пройденный этап, чувства новизны уже не будет. Она же, будто чувствуя его настроения, молчала и не звонила ему. Вначале он был доволен, что не звонит: не звонит, значит, не слишком переживает, все поняла правильно. Тем лучше! Зачем делать обратный ход?

Но дни шли, и молчание становилось зловещим... Федя прикидывал возможные варианты, которые могли б угрожать ему. Но в конце концов она взрослый человек и сама отвечает за свои действия. На всякий случай он готовил контраргументы и вел мысленный диалог с ней. Она сама рассказывала ему, что у нее до него был роман... Дело не в этом, конечно! Он не ханжа. Все-таки он не выдержал, позвонил, будто ничего не случилось и он был просто занят. И почувствовал, как кровь прилила к лицу, когда он услышал голос.

— Привет, Лю, надо бы встретиться, — бодро сказал он.

Пауза. Потом:

— Да? Ты уверен в этом?

Голос грустный, неуверенный, и он сразу засомневался: в самом деле, нужно ли встречаться? Наверное, не нужно.

Он повесил трубку и долго сидел задумавшись. Ему хотелось увидеть ее, быть с ней, но он понимал, что теперь уже надо будет решать. В какой-то миг у него мелькнула мысль: сейчас ехать к ней и сделать предложение. И если б она ему позвонила и сказала твердо: «Федя, приезжай», — он приехал бы, и дело бы решилось. Но она не позвонила, и Федя успокоил себя тем, что она-то уж от него никуда не уйдет.

II

Не все ему везло, случались и неприятности.

Если б возмездие пришло за Любу, было б не так обидно — по крайней мере знал бы, за что страдает. Но однажды Федя получил удар совершенно несправедливый — от той, которая не имела оснований уличать его. То

ШИЕ ЦЫ

есть, возможно, какие-то основания имелись, но в нарушение всех правил игры — запрещенный прием. И последовало заявление в местком, совершенно неприличное. Хорошо, что в месткоме был близкий друг Федя, еще с институтских времен. Ему-то и отдал письмо председатель, заметив: «Разбирайся сам со своим приятелем и его дамочкой, только чтоб она больше не писала».

Встретились втроем на нейтральной территории. Эта особа буквально провоцировала скандал. Она говорила Феде такие колкости, что тот дергался и краснел, и даже был момент, когда пострадавший Федя, возмущенный коварством бывшей пассии, несмотря на свою обычную сдержанность, хотел броситься на нее с кулаками, но, разумеется, был удержан другом. При этом особа, еще больше разжигая страсти, кричала: «Да отпусти ты его!.. Он же нарочно, он и на это не способен!» В этом возгласе проскальзывала претензия на знание всех изгибов Фединой души. В конце концов особа заявила, что она удовлетворена: ей просто хотелось, чтоб Федя подергался. Хотелось, и все.

Федя даже приболел после этого случая, он очень сильно переживал. Вскоре, однако, он был компенсирован за переживания счастливой встречей с Н., ставшей на длительный период его ангелом-хранителем. Собственно, она-то и подняла его силу духа и вернула ему веру в человечество. То была милая, грациозная молодая женщина, да еще и умная. И все-таки она не нашла той меры заботы и внимания, что необходима для сохранения параллелограмма сил в равновесии. Не будучи женой, она у же отбивала парной беф и звонила Феде на службу, чтоб он сигнализировал, когда именно выедет, а она, рассчитав все, за пять минут до его прихода бросит беф на раскаленную сковородку. Но, представьте, у Феде идет совещание, и он не знает, когда выберется; совещание заканчивается, но заходит приятель поговорить о делах или не о делах, неважно... А Федя любил поговорить, послушать анекдот или сам рассказать что-нибудь в кавказском стиле, то была его слабость; мог подолгу разговаривать по телефону. И вот следовал диалог: «Федя, ну когда же?». «Ну, не знаю, я сам обалдел, но люди идут, я ж не могу все бросить». «Да ты болтаешь по телефону, у тебя все занято».

Вот ситуация, когда и он и она правы и оба недовольны, она — невниманием к ее старанию угодить ему, он — докучливостью, — ну хорошо, в конце концов пусть беф будет слегка подсохший, но зато он наговорится в свое удовольствие. Тоже можно понять. Ну, не хочет человек сейчас вскочить и бежать, чтоб этот беф не остыл! Такова уж натура...

Он мог прийти к ней и злой и усталый, она всегда была равна. Просто идеал, если б не портила себе преждевременной заботливостью. И обижено опущенные уголки губ ее милого личика... Ну, какой мужчина не возмнит о себе, если такая миленькая женщина расстается перед ним? Это тотчас меняет его психологию: «Это мое, это при мне и куда не уйдет». А ценится то, что может ускользнуть...

Тем не менее Федя психологически готовил себя к браку с Н. Взвешивал, анализировал, сравнивал. Она жила в кооперативе отдельно от родителей. Федя все это понимал и отмечал для себя. Человек умный, аналитический, Федя шел дальше: он чувствовал, отчего Н. так держится за него: он нормальный человек; с капризами, с недостатками, но, несомненно, нормальный, не хам, не пьяница, и видный к тому же. Предшественник Феде (нет ничего удивительного, что у двадцатисемилетней женщины кто-то был), как можно было догадаться по ее отдельным фразам, недомолвкам, был весьма хамоватый и нагловатый; приехал в большой город, чтобы укрепиться в нем посредством женитьбы. С этой точки зрения Н. была отличный объект, просто гениальный. Авантюрист, следуя модным веяниям, выдал себя за потомка гуцульского князя и одновременно сына знаменитого генерала. И, что удивительно, сумел завоевать симпатии Н., хотя проявлял к ней равнодушие (а может, именно этим), пил запоем; но именно от пьянства Н. и взялась его отучать, ей импонировало спасать кого-то. И спасала, пока не нашла в квартире оброненное княжеским потомком письмо от родителей его. Озабоченные судьбой сына, родители советовали ему потропиться с браком и тотчас же прописаться. «А больше тебе от нее ничего не надо. И еще прознай у юристов, когда по закону можно развод начинать, чтобы площадь за тобой осталась». Как видно, сын делился с родителями своими сомнениями. Легко ли это пережить интересной женщине! От нее ничего не надо, кроме прописки...

И вот, представьте, что после этого Н. встречает милого, обаятельного человека, которого тоже нужно было спасать от разочарования в человечестве вообще и в женщинах в частности. Спасая Федею, она спасала себя. Уже Федя сам начинал заговаривать о браке; уже делались планы обмена квартир, чтоб съехаться; уже Федя говорил своим друзьям: «А вот возьму и женюсь! Была же была!» И вот Федя получил приглашение на воскресный обед к будущему тестю. Это приглашение все и напортило. Федя усмотрел в нем ультиматум. Одно дело, что отец Н., человек значительный, знает или предполагает, что у его взрослой дочери роман с каким-то Федей Атариновым; другое дело, если этот Федя является на обед. Это уже легализация. «Без меня меня женили...» Похоже? Или не похоже? Вот Федя сидел и размышлял и даже был рассеян на работе. С ужасом ожидал он конца недели, который с железной неумолимостью поставит вопрос: идти или не идти на обед? И не находил ответа в душе своей.

И он пошел на компромисс: сказался больным. Это выглядело прилично, но Н. все поняла. Конец этого романа обозначен бездействием Феде. Он молчит, молчит и вдруг неожиданно уезжает в отпуск.

III

Как стремительно летит время! Еще вчера Федины ровесники возили своих малышей в колясочках, а нынче дети бегают на своих ножках, и иные в школу уже пошли. Теоретически ведь и у него, Феде, мог быть уже пацан-первоклассник. Вполне мог! Да что первоклассник — и постарше мог быть, если бы он женился в двадцать два — двадцать три года... Прежде он интересовался семейной жизнью своих друзей. И хотя при известии о разводе кого-либо из знакомых он не мог радоваться, но в то же время испытывал некое чувство успокоения. Развод, суд, трепка нервов, пересуды. Вот она, семейная жизнь, со всеми ее прелестями. Теперь же он иногда задумывался: а что, если б он женился лет десять назад? Ну, пусть бы даже неудачно. Пусть бы разошелся, черт побери! Так были б сын или дочь. Было б о ком заботиться!..

Да!.. Хватит валять дурака, надо жениться, непременно жениться... И вообще нужна нормальная семейная жизнь, как у всех. Что ж он, хуже других? Над ним уже подшучивают. Но ничего. Он устроит пышную свадьбу, человек на сто... А что? Снять зал, а то и откупить небольшую ресторан на вечер — это не проблема... И ему представилось, как генеральный директор поздравляет его: «Очень

рад, Федя, что наконец-то... Комплименты избраннице: «Долго выбирал, но зато...» И картины одна пленительней другой прошли в его воображении. Но как человек трезвый, он поднял палец и сказал себе: теперь главное не сглупить, не поторопиться, разумно подойти к выбору.

Ему всего лишь за тридцать, и ничего еще не потеряно. Нужно лишь проявить серьезность и познакомиться не для романчика и тайных свиданий, а с намерениями, не избегать знакомства с родителями (чего он прежде всегда боялся). Ввести ее в свой кружок. Теперь дело оставалось за малым — за невестой. Их всегда был большой выбор из числа Фединых въздыхательниц, — только свистни! Но прежде, когда он не помышлял о женитьбе, встречи, знакомства, романы возникали стихийно, как бы сами собой. Шутливая реплика, слово за слово, и вот уже свидание, а дальше все шло своим чередом. Теперь же, когда он решил познакомиться сознательно, имея определенную цель — женитьбу, Федя вдруг, как это ни парадоксально, почувствовал вокруг себя пустоту. Где-то там, за этой пустотой, было море лиц, улыбок, красивых фигур, — не могли же они исчезнуть? Но как преодолеть эту пустоту? Он даже нарочно зашел в проектный отдел, славившийся своими красавицами. Прошел по рядам мимо кулманов, кивая и обворожительно улыбаясь. И с ним здоровались, и ему улыбались, но все это было не то. Либо замужние с детьми, либо не тот уровень в смысле внешности и интеллекта. Как будто все красивые, интересные девушки куда-то исчезли, скрылись, — что за чертовщина! Самая обычная вещь — знакомство с девушкой — стало вдруг для него проблемой! В конце концов он же не требует чего-то необыкновенного, ему нужна девушка с нормальной внешностью, чтоб можно было в обществе показаться, ну и не стесня, естественно... Кажется, не так много! Сам же он не урод... Почему он не может претендовать на красивую в общепринятом смысле женщину? Он не пижон, не деспот: и дома помогал бы и все такое...

Так размышлял Федя Атарин. Иногда вечером к нему в кабинет заходил приятель. И Федя, который вообще любил покровительствовать, начинал поучать семейного приятеля, как надо расходовать деньги, и очень умно поучает, приятель даже расстроится. — Все это так, Федя, ты все делаешь в жизни правильно, но тебе надо одно: жениться. И не откладывая.

Федя слегка хмурится, как от досадной вещи.

— Надо, — соглашается он и устремляет взгляд в окно на тополя, на прохожих.

— Вот если б ты в свое время... — осторожно подходит приятель к большой теме.

— Хорошо. Кого ты конкретно имеешь в виду? — спрашивает Федя. Ему и в самом деле хочется знать, не пропустил ли он что-то серьезное. Нет. Приятель не приводит ни одного примера, где бы Федя зевнул. Везде свои «но».

О прошлом и приятно и грустно вспомнить. И заговаривая часов до десяти.

Идут годы. Меняются оценки или, лучше сказать, осмысляются по-другому. Другим уже сорок.

— Но в конце концов ведь все кончится, а, Игорь? И в чем смысл? Если так, примитивно? Самец, самка... Все!

— Зачем «примитивно»?

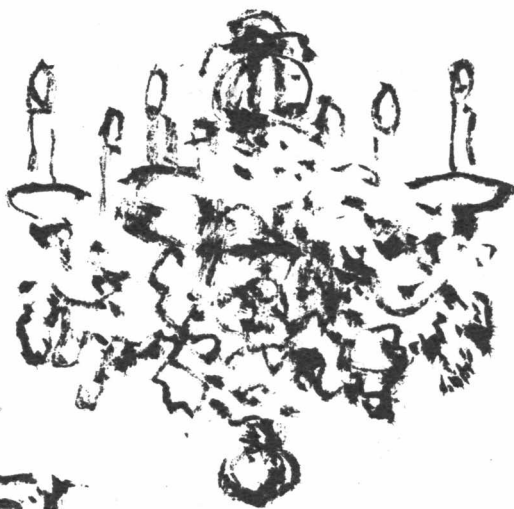
— Я говорю — в конечном счете.

— В конечном счете земля, черви... Или?..

— Что «или»? Чепуха. Ничего нет! Ну, допустим, у меня не сложилась жизнь... пока... Есть дети, нет детей — в данном случае не играет роли. Можно утешать себя, что умираешь с «сознанием выполненного долга» перед обществом в смысле воспроизводства потомства. Допустим, они придут на твою могилу. Придут ли? Но допустим... Тебе-то от этого что?

— Но, видишь ли, если так рассуждать, то вообще...

— А как еще? Ну, пусть ты умрешь там дважды лауреатом, митинг, речи, но тебя-то уже нет! Все. Прах, как этот вот пепел от сигареты, не более.

— Наверное, так... Но все-таки какая-то загадка есть, и если б ее не было, если б было так примитивно просто — было б ужасно. Но возьми самое элементарное — бесконечность. Математически мы можем понять ее, ну, а не математически? Мне неясно...

— Чего там неясно... Так. Бесконечность. Нет никакой загадки. То есть в научном смысле загадок много. Может, мы находимся на какой-то начальной стадии цивилизации или, наоборот, в конце ее. Были ли до нас цивилизации? Сколько?

— Это тоже загадка, но я не ее имею в виду.

— Вообще все относительно...

— Нет, не все относительно.

IV

Федя был на хорошем счету у руководства комбината как знающий работник с чувством ответственности и приятный человек с перспективой на выдвижение. Но Федя понимал, что при всем том положение сорокалетнего холостяка начинает вредить ему и в общественном мнении. И с чего это он, здоровый красивый мужчина — и не женат? И официально даже не был женат. С чего бы, а? В глубине души он все еще был уверен, что если он в самом деле, оставив все дела, возьмется хорошенько, то за месяц, два решит этот наболевший вопрос. Но не мог же он в самом деле, специально брать отпуск, чтоб найти спутницу жизни.

Он шел домой по весенним улицам и нарочно приглядывался к шедшим навстречу девушкам. Попадались красивые лица, новой, уже незнакомой ему складки, с ультрасовременными тенями, — иные измерения, иные порядки!.. Но ведь не остановишь за руку. Раньше это получалось как-то стихийно. Клуб тридцатилетних? Брачное бюро, о которых уже начали поговаривать в журналах и приложениях? Нет, до такой жизни он не дошел. Сегодня же в общей столовой он подсядет к столу, где сидят девушки... И он подсаживался, легко и профессионально начинал беседу, и вдруг оказывалось, что все это было не то. Все были интересны — и никто в частности!

Когда-то, в юности, он построил себе «идеальную» схему, какой должна быть его жена, а именно — красивой, чтоб привлекала всеобщее внимание; верной, с хорошим характером; из известной семьи (желательно), здоровой, конечно; чтоб была сильная взаимная любовь и т. д. Разумеется, он не составлял таких пунктов, но где-то подспудно эти требования он прилагал, как схему, к очередной кандидатуре, и случилось так, что он, избалованный женским вниманием, перебирал. Теперь уже встретится Феде сама Елена Прекрасная, он все равно б кисло улыбнулся и заметил бы: «Не то, не тот уровень». Как тот жадный мальчик, который, оттеснив других детей, перевернул все конфеты в коробке, помял обертки и получил, наконец, по рукам от старших со словами: «Возьмешь в самую последнюю очередь и лишь то, что останется», — так и Феде фортуна сказала: «А теперь жди».

То, над чем он прежде смеялся, тому поклонялся. Прежде же он смеялся над тем, что у Коли жена слишком диктаторша, у Васи слишком капризна, у Саши легкомысленна. Ныне же он не мог не завидовать тем же Коле, Васе и Саше. Чувства его были подобны чувствам игрока на бильярде, который, опасаясь промахнуться, слишком долго нацеливался кием, но рука устала, и он, отличный игрок, во все не попал по шару. И тонко задуманного дуплета не получилось. Сорвалось...

V

В Феде жила хозяйственная жилка. Он взял участок в коллективном саду, чтоб заняться физической работой на свежем воздухе и предотвратить начинающуюся полноту. Он с удовольствием копался в земле, пилил, заколачивал гвозди. Вначале была одышка, потом прошла. У него появились новые заботы с розыском стройматериалов и красок. Записался он в очередь и на «Жигули», хотя не испытывал желания водить машину. Он уже пробовал — не получалось, его прошибал пот и после неудачных попыток махнул рукой.

Федины ровесники, друзья ходили озабоченные — их дети оканчивали школы, предстояли битвы за места в вузах, конкурс детей, конкурс родителей, а Федя добродушно посмеивался: его миновали эти заботы. В глубине души он чувствовал, что как раз этих-то забот ему не хватает, но он гнал от себя эти мысли. «Так сложилось», — философски говорил он. Ему было уже сорок, он занимал солидную должность заместителя главного инженера и, таким образом, входил в первую десятку руководителей комбината. Многие товарищи его по институту находились у него в подчинении. Кроме того, он побывал в зарубежных командировках, и это тоже несколько успокаивало его: хоть он еще и не сделал необходимого важного шага в жизни — не создал семью, но зато попользовался многими благами, о которых другие могли лишь мечтать. Досадно было только то, что он потропился строить кооперативную квартиру: комбинат их вел жилищное строительство, и Федя мог бы теперь легко получить квартиру бесплатно. «Ладно... Чего там жалеть?» — вздыхал он, но полностью не мог отделаться от досады.

Теперь уже никто не смотрел на него как на жениха. Все были уверены, что у него кто-то есть. А он уже начал вносить коррективы в свой идеал — по той закономерности, что человек, отвергший множество неплохих вариантов обмена квартиры, бессознательно соглашается наконец не на лучший.

VII

И вот однажды, работая на своем садовом участке, Федя услышал за спиной веселый, насмешливый голос: «Молодой человек! Вы что мучаетесь с жестью? У меня есть кровельные ножницы. Хотите?» На границе участка стояла соседка, вдова полковника, статная женщина с горделивой осанкой. Федя подошел, поздоровался, воспользовался ножницами, а потом зашел к ней на дачу. Дача была не чета его хибаре — рубленая, с камином из кафеля, который тотчас поразил Федю.

— У вас тут прямо шашлыки можно жарить! — улыбнулся он.

— Это запросто, — ответила она, прямо глядя ему в глаза.

И от этого уверенного взгляда ему стало хорошо. Она как бы подбадривала Федю. Потом вместе пили чай (отличный цейлонский чай) и говорили о жизни. И она покорила его своей смелой откровенностью и сказала даже, что она уже старая, тотчас вызвав протест с его стороны: в самом деле, если женщина действительно старая, она никогда не признается в этом, подумал он. И он с возможной откровенностью поведал ей о своей жизни: как-то вот так, было что-то, и была возможность, хотелось иметь свою семью, но не сложилось. Впрочем, все еще впереди и т. д. Она слушала и вставляла очень дельные практические замечания. Потом совсем девичьим жестом накинула платок, и они пошли к реке и с полчаса гуляли. Он хотел выкупаться, но она сказала, что вода уже холодная и можно схватить радикулит. И он сразу же согласился: уже конец августа, вечера стали прохладными. А затем расстались, она дала ему телефон своей городской квартиры.

Вернувшись в город, он ловил себя на том, что думает о ней, вспоминает ее слова... От всех прежних знакомых ему женщин она отличалась тем, как уверенно вела себя с ним. Суждения ее были определенны, категоричны, но он невольно соглашался с ними. И внешне она произвела на него впечатление. На вид ей можно было дать лет сорок, от силы сорок пять, не больше, и то потому, что она сказала ему, что у нее взрослый сын...

Федя позвонил ей и приехал в назначенный час на городскую квартиру — большую, с арками, холлом и переходами: муж ее был герой войны. Федя никогда не видел его. Он невольно поискал глазами по стенам, но вообще не нашел фотографий, никаких. Она была одна, был накрыт стол, и Федю поразила сервировка.

— Что, молодежь гуляет? — спросил он.

— Кто? Парень-то мой? Он у жены... там и живет. Женился, совсем мальчишка. А, пусть как хотят... Лучше, чем по парадным-то жать-

ся, — она засмеялась, и Федя невольно улыбнулся.

...Если прежде Федя обычно форсировал развитие событий, то теперь, напротив, они развивались нормально, с естественной последовательностью. И пришли к своему логическому завершению. Когда они решили вместе поехать на юг, то она с разумной предусмотрительностью, заранее сказала ему: «Слушай, Феденька, это, конечно, формальность, но надо как-то переступить. Глупо же ехать в хороший санаторий, а жить в разных комнатах... Свадьбы можно не устраивать, мы, дорогой, не в том возрасте», — и Федя согласился, потому что это было разумно.

VII

Теперь каждый вечер у Феди был расписан; он знал, что завтра они идут в театр: во вторник — к Глебовым, в четверг — к Мацулевичам, а в пятницу едут на дачу. И ему нравилась эта ясность. Именно ее-то ему не доставало всегда. Вот в чем состояла тайна загадочной, ищущей Феединой души — та тайна, которую не смогли разгадать ни умненькая Люба, ни Н., ни другие претендентки в жены к этому обаятельному, великодушному покорителю женских сердец... Они-то, наивные, искали высшую мудрость, а ему нужна была ясность — четкая, как строевой шаг.

Все прежние Федины приятельницы, о чем бы ни возникал разговор, идти ли в кино или решить жизненно важный вопрос, спрашивали, как хочет он, Федя; Клавдия Самсонова не спрашивала, потому что заранее знала, как он хочет. В прежний Федин идеал семьи тоже была внесена коррекция. Было объяснено, что в их годы уже нецелесообразно иметь детей. И он говорил в кругу приятелей: «Да вот подумаешь так... жениться на молодой... пойдут пеленки, визг, писк... Это хорошо в двадцать лет...» И приятели соглашались. Потому что между ними тоже произведен отсев — неуправляемые отлучены; а Феде ясно сказано, что дружба с ними ничего хорошего дать не может; зато привлечено в дом несколько полезных престижных людей, как-то: администратор театральной кассы, заведомо универмага, метрдотель, а также один доктор наук и один писатель. Скромная Федина дача переделана в финскую баню, в которую тоже допускались лишь избранные. Прежде Федя смотрел на людей, одетых в дубленые полушубки, и думал: и где они их достают? Но вот на сорокалетие Феди Клавдия Самсонова подарила ему дубленку парижской выделки. И радостное чувство приобщения к элите дубленочников охватило его. Словом, все было отлично. И общественное мнение успокоилось: Федя женился. Какие еще вопросы?

Правда, некоторые Федины сослуживцы, с которыми он десятилетия шел рядом, а теперь производил между ними разделение на группы, — на «деловых» и «неделовых», и так вольно или невольно сталкивал их лбами, что вокруг него завихрились вдруг интриги, — приятели Феди первое время спрашивали: «Федя! Да что с тобой происходит? Ты чего сволочишься?!» — но скоро махнули рукой, убедившись в бесполезности возмущения. Переменился человек, совсем переменялся! Вроде бы тот же Федя, тот же орлиный нос, то же крупное импозантное лицо... Но прежнего Феди нет.

— Обратите внимание, — говорит Федор Аниканович, показывая гостю новую хрустальную люстру или модное бронзовое распятие Христа, выставленное, разумеется, не как символ веры, а как дорогая вещь, и тут же называет цену. Единственно, в чем Федя остался прежним, это то, что он так же робок за рулем «Жигулей» и боится ездить, но зато Клавдия Самсонова имеет права и уверенно водит «мотор». В остальном он изменился. И даже походка — сама сила, солидность, внушительность.

Но иногда и сильные колеблются. Так и к Феде порой тайно закрадываются сомнения, и прежние мечты и надежды, как большие белые птицы, мелькают вдруг в ночной тишине. И тогда выражение лица его меняется, становится прежним и в сердце стучатся лучшие чувства и побуждения невозвратных далеких лет... Но рядом слышится: «Федя, ты не спишь?» — и белые птицы исчезают...

КНИГА ОБ АЛЕКСЕЕ ТОЛСТОМ

Каким был Алексей Николаевич Толстой в ту далекую пору, когда делал первые шаги в литературе? Ведь теперь для читателей, советских и зарубежных, он автор романов «Хождение по мукам», «Петр I», знаменитого «Русского характера», многих других произведений, ставших советской классикой, писатель заслуженной славы.

Современному читателю, человеку разнообразных интересов, хорошо разбирающемуся в литературных проблемах, недостаточно познакомиться только с фактами и событиями биографии литератора, хрестоматийной оценкой его произведений. Он ждет глубокого изучения всей писательской жизни, неотделимой от его творчества, так как самой этой жизнью создается в человеке художник. Вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей» книга литературоведа В. Петелина «Алексей Толстой» и стала таким серьезным исследованием.

В жизни писателя его интересует все — и детские и юношеские годы, и начало литературного пути А. Н. Толстого, и трагический период эмиграции, и вся последующая жизнь, навсегда связанная с судьбой Советской России и ее народа. Читатели знакомятся с родными писателя, его друзьями, многими известными современниками.

Вряд ли многих из нас, любящих А. Н. Толстого, оставят равнодушными страницы книги, где рассказывается о его матери, Александре Леонтьевне Толстой, воспитанная на мыслях и идеалах 60-х годов, сама писавшая повести, стала первым учителем и другом младшего сына. «...Я живу надеждою, что в моем мальчике мое небольшое дарование разовьется в большой талант», — говорила она о десятилетнем сыне.

А с каким интересом читаешь о встречах Толстого со Станиславским, Есениным, Волошиным, Бунинным, о доверительных отношениях с Горьким, их искренней дружбе, связавшей, казалось бы, таких разных людей на долгие годы!

Автор не только создает зримый, живой, запоминающийся образ Толстого, но показывает атмосферу тех сложных и прекрасных первых лет рождения и становления новой литературы. Перед молодым советским искусством стояла задача огромной важности: запечатлеть в художественных образах «одну из величайших эпох в истории человечества». И Алексей Николаевич Толстой, раздумывая о роли искусства в современном мире, писал: «Нам нужен герой нашего времени. Героический роман. Мы не должны бояться широких жестов и больших слов... Русское искусство должно быть ясно и прозрачно, как стихи Пушкина. Оно должно пахнуть плотью и быть более вещественным, чем обыденная жизнь. Оно должно быть честно, деловито и велико духом...»

В каждом своем произведении Алексей Толстой стремился воссоздать лучшие черты русского национального характера, каждое его произведение проникнуто огромной любовью к Родине.

«Среди самых передовых писателей русской литературы советского периода Толстой был индивидуальностью ярчайшей и талантом ослепительным. Он не повторял никого ни в чем и одновременно был тонко осязаемой связью с неумирающим нашим наследием XIX века» — строки эти, написанные Константином Фединым, помогают нам понять ту большую сложную задачу, которую сумел выполнить Виктор Петелин.

Т. МИХАЙЛОВА

Виктор Петелин. Алексей Толстой. М., «Молодая гвардия», 1978, 384 с.

ПРЕДОЛИМПИЙСКИЕ ЗАБОТЫ

Предолимпийский год всегда был временем легкоатлетического бума, когда рушились несокрушимые, как всем казалось, рекорды и свержались с пьедесталов старые кумиры. Не стал исключением и сезон-79.

Какие же тенденции наблюдаются в современной легкой атлетике? И кто они, фавориты Королевы спорта, диктующие моду, претендующие на олимпийские медали чеканки 1980 года?

Игорь ОБРАЗЦОВ

БЕГ: ТРЕБУЮТСЯ УНИВЕРСАЛЫ

Это предмет спора, ведущегося на протяжении десятилетий. Каким должен быть бегун экстра-класса — однолюбом, приверженцем одной-единственной дистанции или мастером широкого диапазона? Однолюбы приводят веские доказательства своей правоты. Однако защитники узкой беговой специализации все чаще терпят поражение.

Настоящий нокаут им нанес в прошлом году самобытный стайер из Кении, преемник знаменитых африканских «романтиков дальних дорог» 26-летний Хенри Роно. Методично, раз за разом сокрушал он мировые рекорды на самых различных дистанциях. Начал он с феноменального достижения в беге на 5000 метров — 13 минут 8,4 секунды. Через месяц Роно решается на шаг, который показался многим авантюризмом: стартует в стипльчезе — на дистанции 3000 метров с препятствиями, требующей иных качеств, другой тактики бега. И что же? Показывает результат еще более фантастический — 8.05,4! Но и тут неутомимый кениец не успокоился. Он завоевал мировой рекорд на дистанции 25 кругов, а затем и рекордом на гладких 3000 метров.

Видимо, несколько утомившись, Роно провел нынешний сезон, находясь в тени, стартуя редко, не стремясь к эффектным победам. И, словно почувствовав это, вышел в лидеры стайер из Эфиопии — 36-летний Мурус Ифтер. Этот бегун универсального типа оказался непобедимым. Его коронные финишные рывки были настолько эффективными, что не оставляли соперникам никаких шансов на успех. В таком стиле Ифтер выиграл и Спартакиаду народов СССР, причем обе стайерские дистанции, а затем и Кубок мира. Он задал всем труднейшую задачу: что противопоставить его высочайшей финишной скорости? Ответ должен быть дан через год в олимпийских Лужниках.

Наших любителей бега очень обрадовал всесоюзный рекорд на одной из самых популярных дистанций — 5000 метров, которая в

свое время, когда на дорожке блистал легендарный Владимир Куц, считалась вотчиной советских стайеров. В начале июня на международном турнире в Сочи 22-летний Валерий Абрамов из Подмоскovie показал один из лучших результатов в мировой легкой атлетике — 13.15,6.

Кто же такой этот Абрамов? Оказывается, по своему амплуа он средневик, бегун на дистанцию 1500 метров. В сезоне 1978 года Валерий чуть было не стал рекордсменом страны, на этой дистанции показал хорошую скорость — 3.37,4. Разрабатывая стратегические планы на спартакиадный сезон, Абрамов и его тренер Л. Беляев записали в дневнике цифры 3.35. Смело? Конечно! И для того, чтобы выполнить столь дерзко задуманное, было решено в качестве тренировочных, подсобных средств использовать старты в стайерском беге.

Не все удалось Абрамову. Если спрашивать по большому, олимпийскому счету, то и он и его товарищи по сборной — призеры европейского чемпионата 1978 года — Александр Федоткин и Александр Антипов не вышли еще на уровень мировых стандартов. В общем, ровно пройдя всю дистанцию сезона, они тем не менее не смогли заметно приблизиться к ведущим зарубежным мастерам, хотя и не раз бывали среди призеров крупных турниров.

Итак, универсализм бегунов нынче в цене. Среди звезд первой величины есть и спринтеры широкого диапазона. Так, не менее фантастических, чем Роно, достижений добилась в последнее время 22-летняя студентка из Ростка (ГДР) Марита Кох. В прошлом году она стала одной из героинь пражского чемпионата Европы: не просто выиграла бег на 400 метров, но установила мировой рекорд на совершенно нереальной отметке — 48,94 секунды. Наступил сезон-79, и Марита продолжала наступление, но теперь в беге на полкруга. Она впервые в истории пробежала 200 метров быстрее 22 секунд — за 21,71. Свое же достижение она побилла сразу на 0,32 секунды — громадный шаг вперед, поскольку прогресс на коротких дистанциях, где атлеты подошли вплотную к расчетным потолкам человеческих возможностей, измеряется

микроскопическими величинами в сотые доли секунды. Причем Марита Кох внесла очередную поправку и в своем коронном виде бега — на один круг: 48,60 — чудо, в которое с трудом верится. А чтобы окончательно убедиться в универсальности таланта спортсменки из ГДР, достаточно назвать ее личный рекорд в беге на 100 метров — 11,12. Это уровень экстра-класса даже для специалистов короткого спринта (рекорд принадлежит другой бегунье из ГДР, М. Гер, и равен 10,88 секунды).

Примеров подобного «совместительства» хоть отбавляй. Летом поразил всех молодой англичанин Себастьян Коэ, завоевавший мировыми достижениями на дистанциях в диапазоне от 800 метров до мили. Он с легкостью расправился с прежними рекордами, которые принадлежали двукратному олимпийскому чемпиону Альберто Хуанторене (Куба) и Филберту Бейли (Танзания).

Немало мастеров бега широкого профиля было и среди наших атлетов. Валерий Борзов — один из немногих, кому на одной Олимпиаде посчастливилось стать победителем на двух дистанциях — 100 и 200 метров. Новая звезда среди советских бегуний — Людмила Кондратьева год назад стала чемпионкой Европы в беге на полкруга, а летом нынешнего года замахнулась на высшие рубежи и на первой дистанции спринта. Теперь рекорды СССР заметно приблизились к мировым и равны: на 100 метров — 11,15 и на 200 метров — 22,33. Очень важно то, что Кондратьева, которой 21 год, обладает бойцовским характером, и ее не смущают громкие титулы самых именитых соперниц, которых она не раз побеждала этим летом. Это очень ценное качество в преддверии Олимпиады-80.

К сожалению, говоря о бегунах нашей страны, приходится в основном придерживаться минорной тональности. Слишком мало у нас теперь таких спринтсменов, которые способны на равных спорить с лучшими мастерами мира. Вот не смог оправдаться после травмы и смеренной операции ахиллова сухожилия Валерий Борзов, и за его спиной сразу же образовался вакуум: молодые, подававшие надежды Владимир Игнатенко, Николай Колесников и другие пока не смогли подхватить протяннутую им эстафетную палочку. Столь тревожного положения дел в спринте у нас не было уже много лет.

У женщин на коротких дистанциях Людмила Кондратьева, по существу, осталась в одиночестве. Ее подруг по эстафетной команде весь сезон преследовали трав-

мы, и надежной замены им не нашлось. Не случайно наши юниорки потерпели неудачу и в матче команд СССР — ГДР и на первенстве Европы.

Средние дистанции для наших мужчин давно являются слабым местом. Но чем это можно объяснить? Ведь именно у женщин здесь растет список международных побед. В чем же дело? Ведь методика подготовки, которой прекрасно овладели советские спортсменки, вполне доступна и бегунам. Почему же в таком случае они, как правило, плетутся в хвосте на большинстве крупных турниров?

Сейчас наши бегуны не владеют ни одним из мировых рекордов. Это ли не тревожный факт?

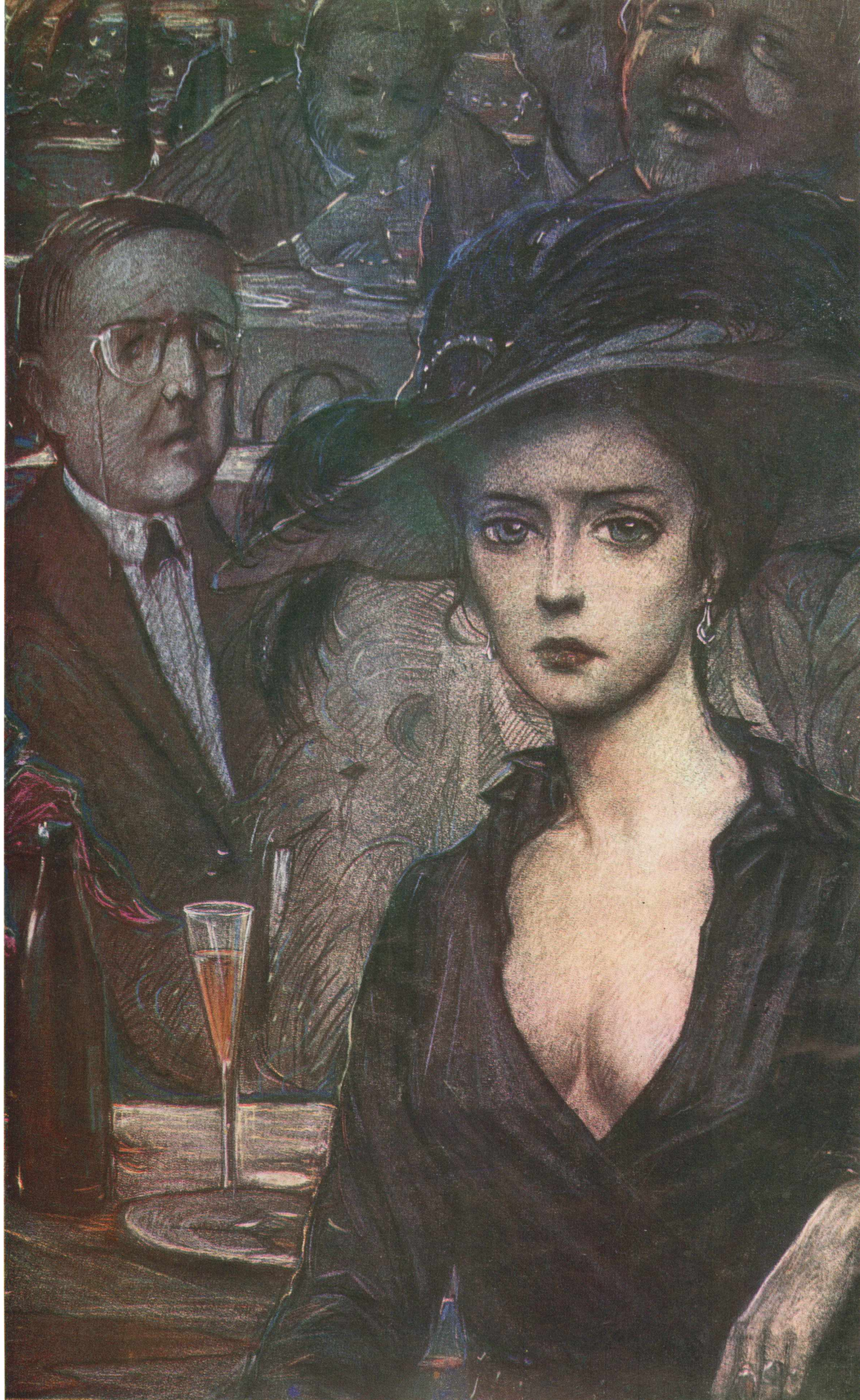
Бегун разнообразного амплуа — это стиль нашего стремительного века, это мотор, с помощью которого так быстро вертится колесо легкоатлетической истории. 13 золотых медалей по бегу — у мужчин, 10 — у женщин, как говорится, на улице не валяются. Особенно на олимпийской улице. Но сейчас на эти медали, особенно в мужской легкой атлетике, мы рассчитывать не можем. На прошлогоднем чемпионате Европы в Праге наша мужская сборная из 13 возможных побед по бегу добила лишь одной — в марафоне, а в двух крупнейших соревнованиях нынешнего сезона, на Кубке Европы и Кубке мира, из 24 возможных (марафон на Кубке не разыгрывается) не получила ни одной золотой медали. Мужская сборная на Кубке мира заняла в итоге общее четвертое место, а после первого дня делила шестое и седьмое места с командой Океании. И в этой неудаче — главная вина на плечах бегунов.

Надо смотреть истине в глаза, не обманывая себя. За последние годы в олимпийском спорте № 1 — как называли легкую атлетику — у нас появились серьезные пробелы, и их быстро и легко не заполнишь. Тем важнее не закрывать на них глаза.

ПРЫЖОК В XXI ВЕК. КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Спору нет, бег — это фундамент легкой атлетики, без сильных бегунов не может быть сильной команды. Но немалый вклад в общую победу вносят и прыгуны.

Помните прыжок в длину американца Боба Бимона на 8 метров 90 сантиметров, который он совершил одиннадцать лет назад на Олимпиаде в Мехико? Он был назван «прыжком в XXI век». Данные математического анализа высших спортивных достижений, опубликованные в печати, говорят о том, что граница возможного в прыж-

И. Глазунов.
НЕЗНАКОМКА.

И. Глазунов.
ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ.

ках в длину лежит где-то на отметке 9 метров 15 сантиметров. Но это прогноз долгосрочный, и даже оптимисты сомневаются в том, смогут ли атлеты побить рекорд Бимона в текущем столетии. И вдруг на розыгрыше Кубка мира в конце августа в Монреале молодой соотечественник Бимона Ларри Миринс совершил второй по дальности полет за всю историю легкой атлетики — на 8 метров 52 сантиметра. А ведь он стартовал на равнинном стадионе, в отличие от Боба Бимона, которому прыгнуть в XXI век помогла высота Мехико. Значит, не столь уж бесполезное это дело — вести осаду фантастических рекордов.

Жаль только, что пока не участвуют в этой осаде атлеты нашей страны. Сезон-79 поставил перед тренерами сборной немало проблем. Кому будет доверено выступить на Олимпийских играх в Москве? Будет ли это экс-чемпион Европы Валерий Подлужный, а может быть, сумеет восстановить боевую форму после серьезной травмы Владимир Цепелев, победитель зимнего первенства Европы 1979 года?

В другом секторе — для тройного прыжка — не менее трудную задачу перед всеми поставил «резинный бразилец» Жоао-Карлос де Оливейра. В 1975 году он прыгнул на 17 метров 89 сантиметров, улучшив мировой рекорд трехкратного олимпийского чемпиона Виктора Санеева сразу на 45 сантиметров.

Какими же данными должен обладать олимпиец-80? Вот какова точка зрения старшего тренера сборной СССР, известного в прошлом прыгуна тройным Витольда Креера:

— По нашим расчетам, при правильной подготовке атлет должен прибавлять летом к своему зимнему результату до 30 сантиметров. Молодой Геннадий Валюкевич из Белоруссии отобрал мировое достижение для залов у самого Санеева, записав в актив 17 метров 29 сантиметров. Геннадий только двадцать лет. Значит, у него все еще впереди. Остается перенести этот эскиз на дорожку...

Но перенести результаты, показанные под крышей, на открытый стадион нелегко. Больше того, выйдя из манежа на стадион, наши мастера тройного заметно снизили результаты. Они проиграли два крупнейших соревнования — на Кубках Европы и мира, причем в последнем случае Валюкевич уступил победу именно Оливейре. Так что и в этом виде прыжков у наших спортсменов немало забот, и одна из главных — воспитание бойцовского характера, умения побеждать в сложных условиях ответственных стартов.

Ныне два самых популярных имени в мире прыгунов — Вильма Бардаускене и Владимир Яценко. Вильма прыгнула в длину за семь метров. На европейском первенстве-78 в Праге она стала победительницей, водрузив флажок мирового рекорда на отметке 7 метров 9 сантиметров, а Владимир покорил высоту 2 метра 35 сантиметров.

Прыжки в высоту у нас всегда пользовались особым почитанием, и в этом виде программы советские атлеты не раз становились олимпийскими чемпионами: Роберт Шавлакадзе — в Риме, Валерий Брумел — в Токио, Юрий

Тармак — в Мюнхене. Будет ли продолжена эта традиция? Не станем лукавить: все надежды мы связываем с Владимиром Яценко. В сезоне 1978 года он не проиграл ни одного старта, хотя, как известно, в этом секторе конкуренция особенно остра: среди тех, кто преодолел 2 метра 25 сантиметров и выше в сезоне прошлого года, 16 прыгунов из шести стран. И предоллимпийский год Яценко начал удачно, защитив свое звание чемпиона Европы в закрытых помещениях, но затем у него все сильнее стало болеть поврежденное еще три года назад колено, и в конце лета положение обострилось настолько, что мировому рекордсмену пришлось лечь на операцию. Ее блестяще провела профессор Центрального института травматологии и ортопедии заслуженный мастер спорта Зоя Сергеевна Миронова, которая уверена, что Яценко вернется в сектор и будет прыгать еще выше. Но сейчас уместно подумать о том, смогут ли его нынешние дублеры — экс-рекордсмен Европы Александр Григорьев, Геннадий Белков, Станислав Молотиллов и другие — так же высоко держать марку? Вопрос этот пока остается открытым: нашим высотникам прошедшим летом редко удавалось побеждать, а опытный Рольф Байльшмидт из ГДР, молодой Дитмар Мёгенбург из ФРГ, американцы Фрэнклин Джекобс и Бенджамин Филдз и еще целая группа атлетов разных стран все ближе и ближе подбирались к рекорду Яценко. Особенно усердствовал в этом Мёгенбург, который не раз, правда, пока что безуспешно, пытался брать 2 метра 35 сантиметров.

С не меньшим интересом ожидают любители спорта и выступления прыгуний в длину. Вильма Бардаускене сильно подогревала интерес к этому виду легкой атлетики. Вильму не зря называют «мисс Прыжки». Она придала прыжкам изящную завершенность и какую-то особую грацию. Стройная, обаятельная Бардаускене вернулась в сектор после рождения ребенка. Мало кто верил тогда, что Вильма сумеет не только восстановить былую форму, но и превзойти свои прежние результаты. Она сумела!

Предоллимпийский сезон Вильма и ее тренер Ян Гадович решили использовать для накопления физических и нервных резервов. Вот почему Вильма редко появлялась на людях, предпочитая готовиться вдалеке от турнирного шума. Ее цель предельно ясна: продемонстрировать свой самый дальний прыжок в день олимпийского финала.

В отсутствие рекордсменки мира роль лидера наших прыгуний взяла на себя рижанка Анита Стукане, одержавшая несколько важных побед — на Спартакиаде, на Кубке мира, наконец, на всемирной Универсиаде в Мехико, где ей удался отличный прыжок — на 6 метров 80 сантиметров. Так что мы вправе рассчитывать на успех наших спортсменок в Москве, хотя очевидно, что их соперницы во главе с прыгуньями ГДР и США не останутся сторонними наблюдателями.

В сезоне-79 все мировые рекорды по прыжкам устояли. Это ли не свидетельство их высокой «цены». Но по всему видно, что жизнь большинства рекордов не обещает быть долгой.

Это касается и прыжков в высоту у женщин, где в 1978 году усилиями итальянки Сары Симеони и Розмари Аккерман из ГДР потолок рекорда поднят на 2 метра 1 сантиметр. Будем надеяться, что в этих секторах не последнее слово скажут хозяева Олимпиады. Наши прыгуньи в высоту добились в завершившемся сезоне немало прогресса, подняв рекордную для СССР планку сразу на 5 сантиметров — ныне высшее достижение принадлежит чемпионке Спартакиады Елене Голобородько и равно 1 метру 95 сантиметрам.

Этот прогноз верен и для прыгунов с шестом — синтетические катапульты возносят этих акробатов легкой атлетики все выше. Математический анализ показывает: шестовики готовы к тому, чтобы взлететь на шестиметровую высоту, на 30 сантиметров превышающую нынешний рекорд американца Майка Талли. А пока 19-летний иркутский шестовик Константин Волков — совершенно новое имя в легкой атлетике — записал на свой боевой счет победы почти над всеми сильнейшими прыгуньями мира, улучшив за один сезон свой личный рекорд сразу на 20 сантиметров. Волков завладел мировым достижением для юниоров, великолепно выступил на Кубке Европы — 5 метров 60 сантиметров. И он не одинок: его дружно поддерживает целая группа атлетов во главе с чемпионом Европы 1978 года Владимиром Трофименко.

БОГАТЫРИ НА ЗЕЛЕНОМ ПОЛЕ

Когда на Олимпийских играх в Монреале звучал наш гимн в честь блестящей победы советского метателя молота, то рядом с Юрием Седых стоял на третьей ступеньке пьедестала еще один советский спортсмен — Анатолий Бондарчук, победитель Олимпиады-72, тренер нового олимпийского чемпиона. А после Олимпиады они оба — Бондарчук и Седых — сели за расчеты полета «пушечного ядра» за 80-метровую черту. Еще несколько лет назад их бы назвали фантазерами. Но не теперь. Потому что нынче даже самые смелые проекты быстро стареют. Первым приземлил молот за отметкой 80 метров другой советский метатель — Борис Зайчук, да и он недолго ходил в рекордсменах. Уже вскоре Карл-Ханс Рим из ФРГ послал снаряд еще дальше — на 80 метров 32 сантиметра. И вот все трое встретились на арене чемпионата Европы, и олимпийский чемпион доказал своей победой, что рекорд еще не гарантирует успеха в напряженной турнирной борьбе. Здесь иные измерения: не просто сила, а сила воли, не техника исполнения в чистом виде, а вдохновение и азарт, помноженные на эту технику.

Отечественная школа метания молота богата победными традициями — оттого и не иссякает источник резервов, питающий спорную. В нынешнем сезоне в первые ряды вышел 20-летний ростовчанин Сергей Литвинов. Его не смутили авторитеты, и, раз за разом посылая снаряды на все дальше, он сумел обыграть почти всех лучших мастеров мира, причем проявил мужской характер: уступив на Кубке Европы мировому рекордсмену Риму,

на Кубке мира он взял у него реванш.

Школа, традиции... Они определяют лицо того или иного вида спорта. Метание молота да и другие виды метаний — это отдельный вид спорта, а не просто одна из дисциплин легкой атлетики. Ведь и поиск талантов, и их подготовка, и даже сектора, где действуют эти богатыри среди легкоатлетов, — все сильно отличается от тех условий, в которых выступают бегуны и прыгуны.

Тренер сборной по толканию ядра Иван Краснов, размышляя о том, какие нам нужны атлеты, чтобы настичь ушедших далеко вперед зарубежных метателей, заметил однажды:

— Жаль, что знаменитый наш тренер Виктор Ильич Алексеев не успел передать свои педагогические секреты, свой огромный опыт. Вот ушла из большого спорта последняя ученица Алексеева — Надежда Чижова, и за ее спиной не оказалось никого. Да, пошатнулось здание школы, которое в течение десятилетий строил Алексеев. И теперь приходится создавать все заново.

А пока тон задают метательницы из ГДР, и не только толкатели ядра — и мужчины и женщины, — но и дискоболы и копьеметатели. Прошедшим летом метатели доставили нам гораздо больше огорчений, чем радости. Десять лет тому назад олимпийский чемпион в метании копья Янис Лусис говорил: «Я вижу, как мое копье летит к стометровой отметке!» Но он не нашел той формулы, которая бы дала ему возможность осуществить эту мечту. Пока еще никто не нашел такой победной формулы. Но Лусис добился иной цели — стал в свое время лучшим из копьеметателей мира, а его достижение — 93 метра 80 сантиметров, датированное 1972 годом, до сих пор не улучшено никем из советских метателей. С его уходом исчезли и наши победы в этом увлекательном виде легкой атлетики. А жаль! Когда рвется нить преемственности, навёрстывать упущенное во сто крат труднее. Это же случилось и в метании копья у женщин. Были у нас и олимпийские победы и мировые рекорды. Увы, эстафета не была принята. Пристрелка к рубежу 70 метров велась без нашего участия, и вот мировой рекорд Рут Фукс из ГДР равен 69 метрам 52 сантиметрам, а наши метательницы копья не только не идут в ногу со временем, но сделали заметный шаг назад.

...В начале лета главный тренер сборной команды Советского Союза по легкой атлетике Николай Политико назвал сезон-79 «сезоном четырех вершин». Он имел в виду четыре главных турнира года — матч команд СССР и ГДР, финал летней Спартакиады народов СССР, розыгрыши Кубков Европы и мира.

И что же? Матч СССР — ГДР в Лейпциге принес успех хозяевам, а не гостям. На Спартакиаде многие зарубежные спортсмены потеснили наших легкоатлетов с пьедестала. И хотя обе сборные — мужская и женская — завоевали в Турине, на Кубке Европы, путевки на розыгрыш Кубка мира, но в Монреале выступили, как мы знаем, далеко не лучшим образом.

Да, у наших спортсменов за год до олимпийских стартов забот, как говорится, полон рот.

СПОЛОХИ ДУШИ

О, как мне отца не хватает,
его рассуждений крутых!
Отец мой давно не летает,
давно его нету в живых.

Я так беззащитно порою
гляжу на подросших сынов,
как будто внезапно открою
несказанность батиних слов.

И темень зрачков на портрете
светлеет спокойным огнем.
Мои повзрослевшие дети
стоят, отраженные в нем.

И чем-то, забыто хорошим,
глазки блестят у парней,
и я вспоминаю о прошлом,
чтоб вырастить двух сыновей.

МАЛЬЧИК ДЕТДОВСКИЙ

Добренькие родители
выбрали, привели.
В новой семейной обители
рос он на их рубли.

Да не пришлось ему вырасти —
то ли устали от дел,
то ли тоска от сытости,
то ли сынок надоед.

Парень опять детдомовский,
только уже не тот.
Ласковый, новый дом искать
он теперь не пойдёт.

Что ж, и без них он выживает
наперекор всему,
маленький мальчик рыженький,
в честном большом доме.

Жизнь впереди просторная,
он только детство постиг.
Вот она, вся история.
Выводов — никаких.

Юность осталась весенним подарком,
словно почудилась мне

в сонной аллее апрельского парка,
в хрупкой, как сталь, тишине.

Лишь иногда, иногда мне приснится,
как я иду, окрылен,
и на дрожащей газетной странице —
в летнюю школу прием...

И все-таки любовь, наверное, жива,
коль мы ей говорим похвальные слова,
коль сами мы весной, почувствовав весну,
душой на целый миг уходим в тишину
от холода звонков, от планов и бюро,
и светится, как сон, жар-птицыно перо.
Любовь еще жива внезапностью своей,
как остановки знак на перекрестке дней.
И счастлив тот, кто вдруг безволен пред
собой,

когда над нею свет весенний, озорной...
Вчера ль она была, иль это все старо?
Мерцает на столе жар-птицыно перо.
Еще любовь придет, поверь и подожди,
и раньше, чем грядет, себя не подожги.
Еще наступит день, разбуженный с утра,
ее шальная тень шепнет тебе: пора.
Внезапно ты поймешь, увидишь, побежишь,
впервые — ну и что ж! — себя не победишь.
Гони иль приручай — твоя теперь она,
пусть даже и печаль — до дна, браток,
до дна.

Засыпает снегом улочки, проулки —
так распорядилась матушка-зима,
словно бы решила, выйдя на прогулку,
все свое богатство бросить задарма.

Только ей невмочь избавиться от снега,
чтоб в последний раз простор запорошить,
чтоб ее потом — и не было и нету,
только память снега в травах будет жить.

Как бы я хотел от слов освободиться,
чтобы завтра мне — дыши и не тужи —
жаром золотым отбросить на страницы
душу иль хотя бы сполохи души.

Раз и навсегда законченная мука
без нависших дум, невысказанных слов,
новая стезя, счастливая разлука,
отблески героизма, небо и любовь.

Прощай же, молодость, прощайте,
в альбоме женщина, друзья,
в неправоте не уличайте —
среди неправых прав был я.

Был прав, когда горел и верил,
смотрел, участвовал, будил
и в неприветливые двери
с улыбкой дружеской входил.

Во мне горел фонарик тайный
необъяснимой доброты,
и что-то смутное, как тайна,
звучало в струнах высоты

и предвещало бессердечно,
еще предчувственно, без слов
и зыбкость жизни быстротечной
и прочность праведных основ.

В зале съезда, на той фотографии,
где товарищ Буденный живой,
в делегатской строке биографии
комсомолец, стою, молодой.

С прежним чувством и поздней улыбкою
вижу ныне мученья свои —
и тщеславие юное, пылкое
и счастливых сомнений бой.

По шоссе, где бессмертно бой отгремели,
мимо снежных поселков и воинских дат,
на лафете, покрытом шинелью метели,
приближался к Москве Неизвестный
солдат.

И у красной стены, у морозной,
кремлевской,
в память павших на фронте, которых
не счесть,
встали юные роты,
и сам Рокоссовский —
всепобедная слава —
отдал ему честь...

Вбивались молнии, как гвозди,
в косых крестов мерцавший строй,
что на заброшенном погосте
чернели в светлости ночной.

Они, кренясь, бугор покрыли
и уходили в глубину,
как силуэты эскадрилий,
упавших с неба в ту войну.

ОТРЕЗ НА ПЛАТЬЕ

На полке в шкафу он лежал предо мною,
панбархатный черный отрез,
он залежи простыней резал каймою,
принес его как-то отец.

Я дверцу открою — он мемориально
щемящей чертою пройдет.
Отец его, помню, купил с премиальных
за безаварийный налет.

Но так и не сшила нарядного платья
себе моя бедная мать,
больная, сидела она на кровати,
а после пришлось и продать.

Но память одета не в черную раму!
Колышется вальс, невесом,
в панбархатном платье красивая мама
с красивым проходит отцом.

На празднике в парке улыбчивым летом
они, молодые, цветут
и вовсе не знают, что быть мне поэтом,
хранителем этих минут.

Мне выдало время высокое право
гордиться нелегкой судьбой,
она подороже, чем взрослая слава,
чем громкий в себя грудобой.

И станет ли в зависть мне каждое имя,
что просится на пьедестал?
Да я ни судьбой, ни стихами своими
ни с кем бы меняться не стал!

Минуло пять лет с той поры, когда в нашей стране было создано Всесоюзное добровольное общество любителей книги, насчитывающее ныне более 10 миллионов человек. На днях в Москве прошел Второй съезд общества любителей книги СССР.

Корреспондент «Огонька» беседует с известным советским писателем, лауреатом Государственных премий Петром Лукичем ПРОСКУРИНЫМ.

ВЕРНЫЕ СПУТНИКИ ЖИЗНИ

* * *

Мы рассуждали о книге — этой конечной цели писательского труда, его светлой мечте, его радости. Мы говорили о вещах, быть может, уже известных и отчасти даже банальных: о том, что нельзя стать писателем, если не знаешь той жизни, которая становится жизнью героев твоих произведений, что именно жизненный опыт дает художнику не только фактический материал, но и — это, пожалуй, главное — помогает найти героя; что, если писатель хотя бы раз в жизни не перечувствует того, о чем он хочет писать, он не сможет создать художественно правдивого романа, повести, рассказа; мы спорили о пользе начитанности, образованности литератора, потому что нельзя все время быть «на содержании» собственной юности и питаться только соками ее памяти, которая, конечно же, абсолютно необходима в творчестве, и вдруг мой собеседник почти безапелляционно заявил:

— И все-таки я твердо убежден: литературу делает литература!

— Это значит — книги, написанные до тебя? Но, позвольте, Петр Лукич, по вашим книгам этого не скажешь. Все ваши произведения, от ранних рассказов до романа «Имя твое», опровергают это утверждение, ибо имеют собственную судьбу, в чем-то, быть может, и похожую на судьбы произведений других писателей вашего поколения, но все-таки неповторимую, единственную, самобытную. Другое дело, я мог бы назвать имена уже известных писателей, которые действительно (и это они считают сами), что называется, вышли из книг, из эрудиции, из огромного чужого мира.

— Я считаю, что героя будущего произведения писатель должен искать в жизни, но проникнуть в его душу, понять свое «чадо», помочь ему созреть — во всем этом писателю помогают широта его кругозора, знание современного литературного процесса, образованность. Когда я чувствую, что подталкиваю героя, что ему чего-то не хватает, когда даже я сам его перестаю понимать, вот тогда, по-моему, и начинается литературщина, отличающаяся простым умением от подлинного мастерства. Дал герою не то слово, не ту мысль, подчинил его каким-то сиюминутным требованиям, смотришь — получилась схема, чувствуешь: идешь по проторенному следу. Приходится все начинать сначала.

Может быть, это высокие слова, но во многом мне помогают Вильям Шекспир — я его очень люблю, — М. Шолохов, Л. Леонов, — хочешь или не хочешь, но находишься в сфере их воздействия, они помогают осмысливать крупные характеры нашей эпохи. Могу сказать больше:

произведения классиков вдохновляют меня на работу, на замыслы, — такова уж их притягательная сила. Только позже осознаешь близость героев, сравниваешь их, анализируешь. И снова учишься.

Я уверен, что без культурного наследия прошлого, без литературы, на которой мы базируемся, формируемся, роман невозможно написать. Почему русская литература славится именно романом? Потому что в нас потенциально заложены какие-то генетические коды большого эпического, гуманистического освещения мира. Русская литература — это народная литература, народная с самых древних своих глубин. С былин, с песен, со сказок. Русская литература выражает стремление к будущему народа. Эти семена — во всей нашей литературе, и поэтому невозможен современный советский роман без опоры на эти могучие корни.

А теперь, возвращаясь к ранее сказанному: но как бы ни был богат наследник своих великих предков, без знания жизни ничего создать невозможно. И знание жизни — это ипостась, на которой держится настоящая русская литература. Потому что в творчестве отражаются душа, опыт, свои физические ощущения. Если ты пишешь о крестьянине, ты должен хоть раз подержаться за плуг, если пишешь о каменщике, надо поднять хотя несколько кирпичей, чтобы почувствовать их тяжесть, их структуру, услышать, как они шлепаются в раствор. Я не понимаю людей, которые пишут о жизни только через чужие книги.

Правда, хочу оговориться: если ты берешься за большой социальный тип, мне думается, что тебе может не хватить одного только знания жизни. Вот тут-то и приходится обращаться к опыту других, к книгам, архивам, свидетельствам очевидцев. То есть ты начинаешь искать других героев, близких твоему герою. Я, например, массу времени провел в архивах Москвы, Смоленска, Сибири, вчитываясь в самые различные свидетельства людей. А сколько прочитано книг писателей-ровесников, классики! И все равно ощущаю: не хватает почему-то материала. Не хватало его, когда писал «Судьбу», «Имя твое»; сейчас заканчиваю новый роман — и опять чувствую «материальный» голод. Но иногда задумаешься на минуту, отложишь перо в сторону, и — честное слово! — одна реплика Гамлета, один монолог у Достоевского приобщают тебя к непреходящим духовным ценностям и такие открывают глубины человеческие, что с этим не сравнятся все докумен-

тальные произведения, вместе взятые.

— В ваших произведениях, Петр Лукич, много страниц посвящено Великой Отечественной войне. Родились вы в двадцать восьмом году, значит, война для вас была как раз тем самым документальным жизненным материалом, который питает и сегодня ваше творчество. Не так ли? А было-то вам тогда всего тринадцать — семнадцать лет. В те годы вы, наверное, прочли первые в своей жизни серьезные книги? Но я думаю, что перевес в получении информации, ощущений был явно на стороне жизни, на стороне собственного опыта.

— Как раз на это трудно ответить однозначно. И вот почему. С одной стороны, я действительно пережил оккупацию фашистами моего родного Севска, моей родной Брянщины. Внимательный читатель наверняка обратит внимание на «дотошные» описания смерти моих героев. Я тщательно смог их выписать только потому, что сам умирал не однажды. Смерть невозможно описать, если ты не умирал сам. Так вот помню, как в сорок третьем году меня накрыло при бомбежке Севска, центральная улица которого была передовой. Я вышел из убежища раньше времени и вдруг ощутил какое-то странное состояние: над головой висело несколько десятков немецких бомбардировщиков, сыпались бомбы. Но — удивительно! — я ничего не слышал. Меня поразила тишина. В тот миг я, наверное, оглох или меня швырнуло волной, но точно помню — ощущение небытия. И таких ощущений в войну было несколько. Однажды, когда пришлось отступать от немцев, я тащил санки с маленьким братишкой. Устал до изнеможения, захотел пить. Дело было в марте, и ночью лужи замерзали, а утром оттаивали по краям. Наткнулся я на такую оттаявшую лужу и стал жадно хлебать ледяную воду. И вдруг смотрю — прямо перед глазами оторванная человеческая рука. Было раннее утро, еще луна не спряталась, и ее отблеск пал на эту лужу. Мне стало до тошноты страшно. И я ощутил в тот миг холодок смерти.

Только такие пережитые реалии, трансформируясь в художественное произведение, воздействуют на сердце читателя, на его душу. Но не на мозг. Когда писатель достигает воздействия на душу человека, и начинается литература.

С другой стороны, именно в годы войны я прикоснулся к первым прекрасным книгам своей жизни. Точнее, впервые повзрослел, я ощутил, как нужна человеку хорошая книга. Начала моего серьезного литературного образования заложена севская районная библиотека, в которой я перечитал почти все. Даже бро-

сил занятия в школе — вот насколько поглотила меня неудержимая страсть к чтению, к книге. Родителям пришлось пойти в школу и заявить, чтобы мне не давали на дом книг. Я затосковал, застрадал, мне казалось, что жизнь оборвалась. В эту трудную минуту поддержала любимая учительница, которая давала мне книги. Однажды, прогуливаясь после уроков, она протянула завернутую в газету книгу — это был «Тиль Уленшпигель». «Не читал?» «Нет», — сказал я, забыв обо всем на свете и жадно разглядывая темно-зеленую обложку. Простившись с Александрой Митрофановной, я полез за монастырскую ограду, забрался там за высокую старую грушу и, раскрыв книгу, провалился в мир ее героев. Опомился от наступления темноты. Книгу домой не понес, спрятал в бурьяне. Впечатление от «Тили» было непередаваемо: я смеялся и плакал одновременно — у меня был явный жар. Тиль и его друзья вошли в меня навсегда, и когда через несколько лет, в сорок первом году, я увидел выброшенные под обрывом книги из школьной библиотеки, я жадно схватил первую попавшуюся — ею оказалась именно книга де Костера, — спрятал за пазуху, а придя в себя (в здании школы располагался немецкий госпиталь и меня могли пристрелить), перетаскал домой и рассовал по углам несколько мешков книг. Все годы оккупации я читал и перечитывал спасенные мной книги. Очевидно, это спасло, в свою очередь, и мою душу.

В связи с книгой запомнился еще один эпизод. Однажды на улицах Севска я увидел трех повешенных партизан. Среди них был мальчик лет десяти. У всех были прикреплены дощечки: «Бандит-партизан». Я был потрясен увиденным. И тут повстречал Александру Митрофановну. От ее голоса, родного и близкого, я заплакал. «Вот это не надо, — сказала она. — Я, конечно, все понимаю, но не надо слез, скоро все переменится. Возьми это от меня и помни, что быть человеком всегда трудно». Она сунула мне сверток и пошла своей дорогой. Дома я судорожно его развернул. У меня в руках было «Слово о полку Игореве», с тех пор я знаю его наизусть. Вместе с этой удивительной книгой лежала другая — «Тарас Бульба» Гоголя. Гоголь! Это что-то из ряда вон выходящее, он стоит особняком во всей нашей словесности. По языку, по мысли, по волшебству слова. И вообще по отношению к самому слову, к самой литературе. Как он был точен в оценках, как резок!

Поскольку мы размышляем о чтении, скажу, что люблю читать

и перечитывать стихи. Прикоснешься к хорошей книге, к хорошим стихам, и душа свежее. По-прежнему, как в юности, влюблен в Есенина. Очень люблю Ахматову. В последнее время заново открыл Тютчева — звезду первой величины. Идешь к нему трудно, но когда достигаешь, он озаряет тебя ярким светом. Вы слышали что-нибудь о «литературе предчувствия»?

— Да, я помню, как несколько лет назад вы, Петр Лунич, на каком-то высоком форуме выступили с докладом на эту тему.

— Я считаю, что начиная со «Слова...», а может быть, и еще раньше — с былин, сказаний, песен — предчувствие художника явилось тем живым огнем, той таинственной силой, которая выражала боль, тревогу, надежду народа, говорила о его стремлениях и чаяниях, ограждала от многих исторических невзгод. Самовыражение русской народной души чувствуется в Пушкине и Гоголе, в Толстом и Достоевском. В «Войне и мире», к примеру, в самой дисгармонии изображения народа и правящих сил заложено предчувствие неизбежных перемен. С еще большей силой это же предчувствие прозвучало в гениальных романах Достоевского. Тут невыносим океан боли, человеческой и социальной дисгармонии.

— Только что закончил свою работу 2-й Всесоюзный съезд общества любителей книги. Вам, по-видимому, приходится выступать от имени ВОКа перед читателями. Как вы относитесь к его деятельности?

— К самому обществу книголюбов — положительно, к бездумному собирательству книг — резко отрицательно. Считаю, что ставить книгу, как мертвый груз, на книжную полку обывателя-мещанина — значит изымать из общества частицу его духовного потенциала. И с этим обществом книголюбов надо бороться. Вообще работы у него должно быть много: воспитывать культуру чтения, помогать формировать библиотеки крупнейших народных строок и отдаленных сельских районов, чаще организовывать встречи с писателями, заняться, быть может, изучением проблем «почему издаются плохие книги». А что — это очень важно: вскрыть причины этого явления. Я внимательно слежу за литературным процессом и знаю, как порой трудно выбиться талантливому автору. С удовольствием недавно прочитал романы белгородского писателя Олега Кириллова. А ведь он мало кому известен. А проза дальневосточного поэта Павла Халова? Считаю ее явлением в литературе наших дней. А была ли на нее критика? Нет. Или почти нет. Почему? Потому что наши критики иногда любят толочь воду в ступе, перемалывая одни и те же имена. К счастью, читатель у нас понимающий, тонко чувствующий, «что такое хорошо и что такое плохо» в литературе. Это только кажется, что он читает все книги подряд. Нет, плохие книги не читаются. И сколько бы подчас мы ни рекомендовали ему плохую книгу, он читать ее не будет. Нет на это времени. И наоборот, с радостью принимает читатель каждое заметное произведение нашей литературы, каждую новую хорошую книгу.

Беседу вел
Феликс МЕДВЕДЕВ.

Генриетта АЛОВА

Фото М. САВИНА

Это было почти 250 лет назад. В ту холодную, сырую осень был издан царский указ об освещении улиц Москвы в зимнее время. Полицейстерской канцелярии предписали поставить по большому улицам в Кремле, Китай-городе, Белом городе, Земляном городе и в Немецкой слободе стеклянные фонари на деревянных столбах, расположив их в десяти саженях один от другого. Не все фонари висели на столбах. Некоторые из них прибывали к стенам домов.

Деньги на устройство освещения отпускались казной. Зажигание же и содержание светильников в исправности возлагалось на самих жителей, которые нанимали фонарщиков и платили им.

Зажигали фонари только по специальному указанию. Тушили в полночь. Считалось, что в мае — августе в искусственном свете вообще нет нужды, другое дело в осенние и зимние месяцы. Фонари загорались, когда город окутывал мрак в вечерние часы с сентября по апрель. Но бывало, что требовалось усилить освещение улиц во время придворных балов, приемов важных персон. Тогда по указанию полицейстерской канцелярии владельцы домов выставляли на окнах зажженные свечи.

Фонари были тогда масляными. «Далее, ради бога, далее от фонаря! — восклицает Н. В. Гоголь, — и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом».

Такое освещение было подлинным бедствием для артистов, особенно для артисток Петровского театра. Ведь его сцена тоже освещалась масляными лампами. И во время представления нередко легкая одежда балерин загоралась. Масляные лампы явились виновниками грандиозного пожара, в результате которого сгорело здание Петровского театра.

Керосиновые фонари стали новым словом техники. В сентябре 1863 года Московская городская дума объявила торги на устройство такого освещения. Договор был заключен на установку 2225 фонарей. В дальнейшем их стало больше.

А через два года Московская городская дума заключила новый договор с английской фирмой Бунье и Гольдсмит на строительство газового завода и установку трех тысяч газовых фонарей. Прошло еще пятнадцать лет, и на улицах Москвы загорелись дуговые свечи Яблочкова. Это были первые электрические фонари в нашей столице, которые в 1980 году справят свой столетний юбилей.

Тогда же откроется выставка, посвященная этому событию. А пока сотрудники небольшого музея светотехники без устали трудятся в музеях и архивах, собирая экспонаты. На выставке будет показано освещение московских улиц в средние века, двести пятьдесят и сто лет назад.

Руководит этой небольшой выставкой старейший сотрудник

электрического хозяйства Москвы, долгое время работавший директором Мосгорсвета, Ю. А. Харкиевич. В музее собираются и старинные экспонаты, и фотографии празднично освещенных домов разного времени, и архивные документы.

Нельзя не залюбоваться красавцами фонарями, возле которых, возможно, стояли Грибоедов, Пушкин, Гоголь... Путешествие можно продолжить по улицам Москвы, где и сегодня сияют такие разные и так украшающие скверы, бульвары, улицы, дома электрические фонари, наследники детища Яблочкова и Ладыгина, замечательных русских ученых-изобретателей.

Я беседу с директором Мосгорсвета Евгением Михайловичем Зинченко.

— Тяжелые испытания выпали на долю Павла Николаевича Яблочкова, но он все превозмог. Однажды в его лаборатории во время опытов прогремел взрыв. Это обстоятельство было известным образом расценено жандармерией. Изобретателю пришлось спасаться бегством. В Париже, где он очутился, ему удалось запатентовать свою дуговую свечу. Ее назвали «Русский свет». «Свет исходит из России», «Россия — родина света!», — писали тогда парижские газеты.

250-летие освещения Москвы и приближающееся столетие электрического освещения — большой наш праздник, — продолжает Евгений Михайлович. — Примечательно, что в праздновании столетия «русского света» примут участие спортсмены всех стран — участники XXII Олимпийских игр, которые будут в это время проходить в нашей столице.

Если сейчас над нашими головами блещут 160 тысяч светильников, то в дни праздника света их станет гораздо больше. Гостроем уже разработан проект освещения каждой улицы Москвы. Особое внимание уделяется Ленинградскому и Ярославскому шоссе, Ленинскому и Мичуринскому проспектам. Последний, как известно, ведет в Олимпийскую деревню. Вся эта дорога будет освещена тысячами газоразрядными лампами.

Побывала я и в светотехнической лаборатории, где проходят испытания яркие и экономные газоразрядные светильники, которые освещают сегодня улицы столицы. До чего они, оказывается, большие! Но это только вблизи. Издали, когда светильники висят на металлических мачтах, чудится, что любой из них можно удержать на ладони. В лаборатории их испытывают в огромном зеленом шаре, похожем на гигантский глобус. Сейчас его полусферы сомкнуты: там горит очередная экзаменуемая четырехсотваттная газоразрядная лампа — «последний крик» электротехники. Узкая щель в шаре ярко светится, словно в нем спрятано солнце. Скоро этот новый светильник, сделанный на заводе в Полтаве, будет украшать нашу столицу.

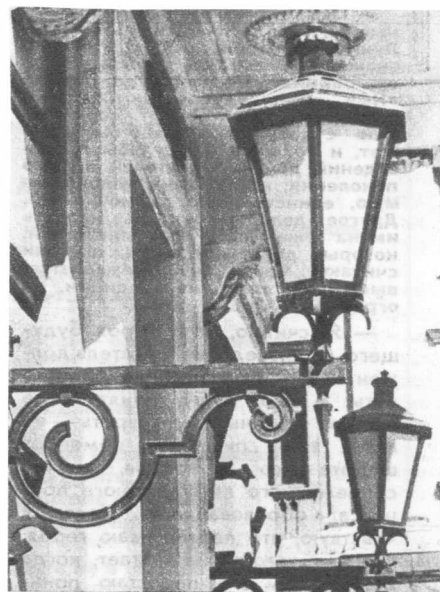
...В толковом словаре В. Даля сказано, что фонарь — это «род коробки со стеклами, для держанья огня, света». По сей день арматура осталась прежней, изменились только источники света.

Фонари, фонари... Сколько в каждом из них выдумки, труда, тепла и света человеческих сердец!

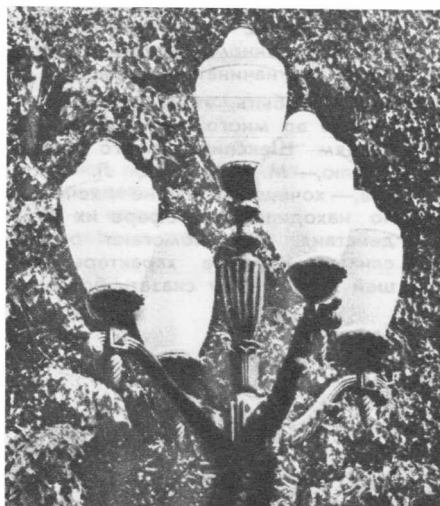
Старейший фонарщик
Иван Тихонович Туманов.

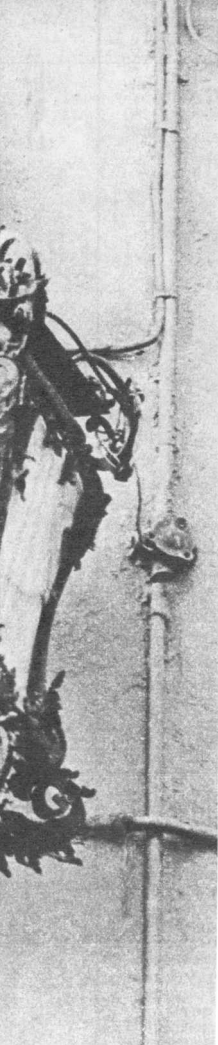
ФОН

У Колонного зала Дома союзов.

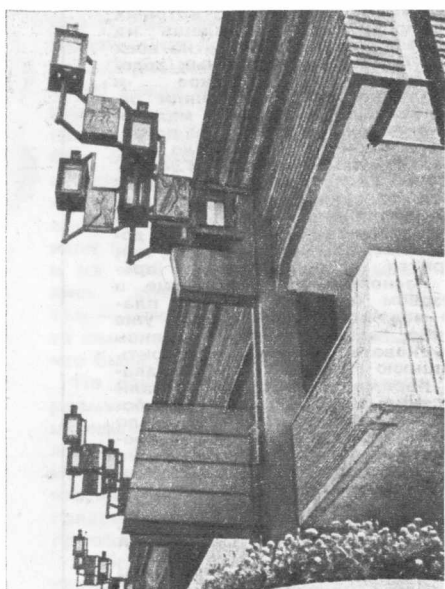
На Тверском бульваре.

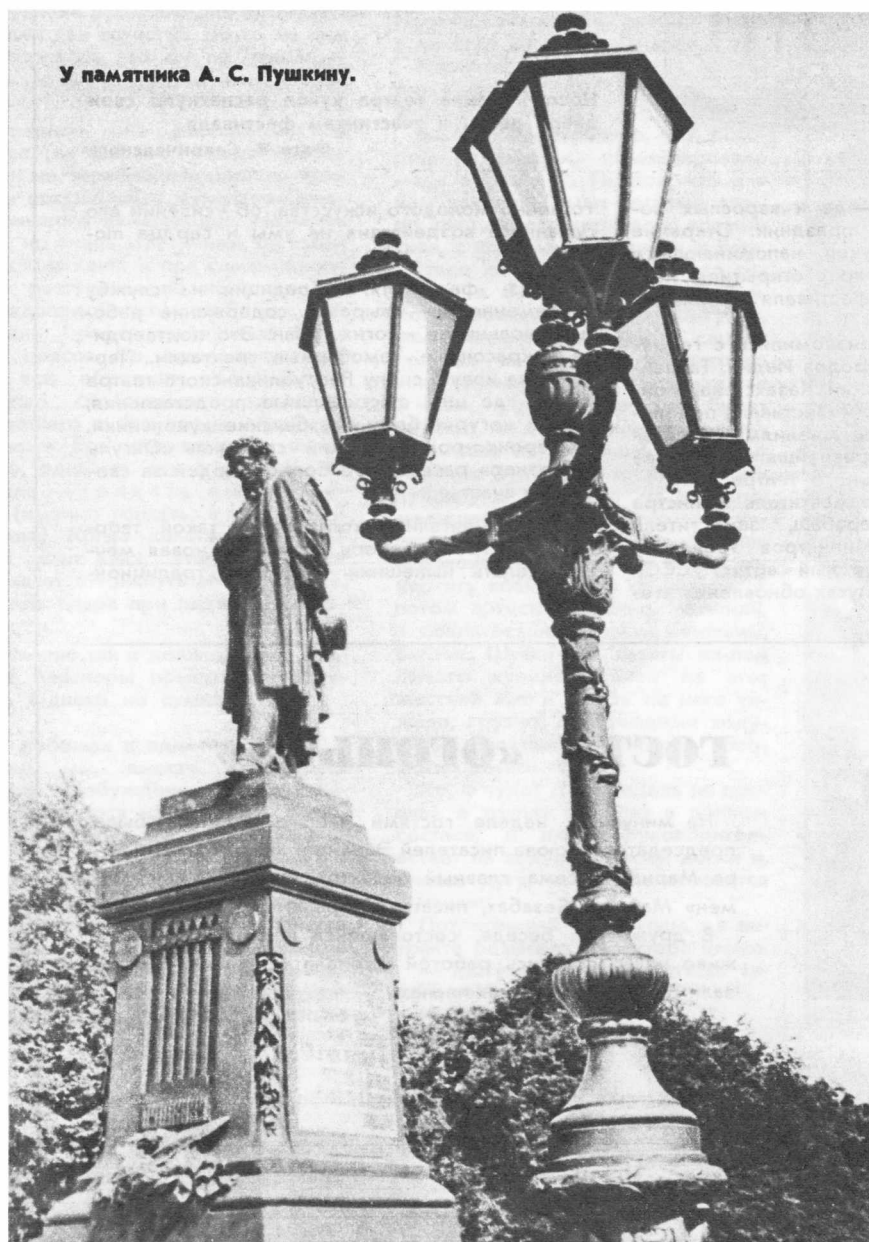
Москва, Кутузовский проспект.

АРИ, ФОНАРИ...

Новое здание МХАТа.

В подъезде Дома дружбы.

У памятника А. С. Пушкину.

На площади
Свердлова.

На улице
Димитрова.

ДОМ ХУДОЖНИКА

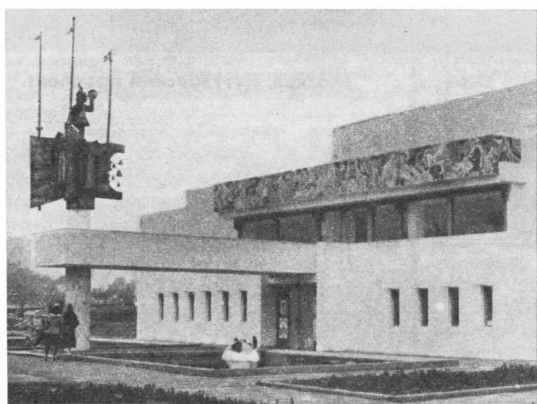
В Москве, на Крымской набережной, 5 ноября 1979 года открылся Центральный Дом художника. Это часть большого комплекса искусств, который возводится в столице. Сейчас в его просторных, уютных залах экспонирована Всесоюзная выставка произведений мастеров народных художественных промыслов — около семи тысяч работ: таджикские ковры и узбекская керамика, хохломская роспись, изделия палешан, дымковская игрушка, чеканка из дагестанского аула Кубачи.

Дом художника — это не только светлые современные выставочные помещения. В этом подлинном дворце искусств зрители

будут встречаться с художниками, здесь будут устраиваться лекции и теоретические семинары, консультации для самодеятельных мастеров, вестись большая работа по пропаганде изобразительного искусства и эстетическому воспитанию.

На снимке: председатель правления Союза художников СССР, народный художник СССР Н. А. Пономарев открывает Центральный Дом художника.

Фото А. Нагальяна
и Л. Шерстенникова

БОЛЬШОЙ МИР МАЛОЙ СЦЕНЫ

Новое здание театра кукол распахнуло свои двери детям и участникам фестиваля.

Фото В. Сваричевского

У ташкентских детей — да и взрослых тоже — состоялся двойной праздник. Открытие нового здания театра кукол, напоминающего сказочный дворец, совпало с открытием первого Международного фестиваля кукольных театров стран Азии.

Маленькие зрители познакомились с героями сказок и преданий народов Индии, Таиланда, Армении, Японии, Турции, Казахстана, Монголии... А участники и гости фестиваля поделились опытом, обменялись мнениями о дальнейших путях развития древнейшего искусства земли — искусства кукольного театра.

На открытии форума заместитель министра культуры СССР Ю. Барабаш, заместитель Председателя Совета Министров Узбекской ССР Р. Абдуллаева, народный артист СССР С. Образцов говорили о путях обновления это-

го вечно молодого искусства, об усилении его гуманного воздействия на умы и сердца людей.

Девиз фестиваля: «Традиции на службу современности» — выразил содержание работы кукольников многих стран. Это подтвердили и красочные, самобытные спектакли. Первыми на новую сцену Республиканского театра кукол, где шли фестивальные представления, вышли когурчакбозы — узбекские кукольники. Их героико-романтический спектакль «Ойгуль и Бахтиер» рассказал о борьбе людей за свободу и счастье...

Давно мечтали кукольники о такой творческой встрече. Теперь появилась новая мечта: сделать нынешний фестиваль традиционным.

ГОСТИ «ОГОНЬКА»

На минувшей неделе гостями нашего журнала были председатель Союза писателей Эфиопии поэт Ассефа Гебре Мариам Тесема, главный редактор газеты «Аддис Земен» Мариету Безабах, писатель Береханц Зерихун.

В дружеской беседе, состоявшейся в редакции, гости живо интересовались работой журнала «Огонек», рассказывали о своих творческих планах.

Фото Б. Кузьмина

ГОРОД НА ИРТЫШЕ

Издавна принято у нас давать рекам ласковые названия. В центральной части России скажут: Волга-матушка. А сибиряки, если заговорит о реках, непременно назовут Иртыш, и не как-нибудь, а Иртыш-батюшка. И правда — что может сравниться по богатству, красоте, величавости и жизненной силе с этой одной из главных сибирских рек, стоящих в ряду самых больших на планете! Только «главная» — спорное слово: есть в Сибири Обь, Лена, Енисей, Колыма, с юго-востока подчеркивает карту Сибири Амур — и каждая из водных артерий в равной мере важна, каждая питает жизнью землю родной страны.

Но вернемся на Иртыш, в его верховья, если позволено назвать так восьмисоткилометровый участок реки в Восточном Казахстане. В старых справочниках можно найти упоминания о пустынных берегах и недоступных камышовых зарослях озера Зайсан, о вонзавшихся в воды Иртыша скалах — быках «Семь Братьев», о которых говорилось: «Если попадешь на первого брата, побываешь на всех семи». Сейчас два огромных водохранилища — Бухтарминское и Усть-Каменогорское — подняли реку, сделав полноводным малодоступное прежде русло от пограничного Черного Иртыша до плотины Усть-Каменогорской ГЭС.

А что на Иртыше могло сравниться по важности с судоходством? Сплавливались главным образом серебро-свинцовые руды, добывавшиеся на Рудном Алтае, как говорится, с незапамятных времен. Раскопки показали: еще в бронзовом веке на Иртыше плавил медь и олово. Выходит, уже далекие наши предки учились здесь новать оружие, мастерить домашнюю утварь, и создавались первые ремесла, вырастали поселения. Конечно, река с ее богатствами всегда суждено было служить крупной торговой дорогой на Восток, но прошли многие века, прежде чем в 1720 году при впадении реки Ульбы на Иртыше была заложена по указу Петра Первого крепость Усть-Каменная. С того указа и числится история Усть-Каменогорска...

С 1939 года бывший уездный городок стал центром Восточно-Казахстанской области Казахской ССР. Крупный речной порт, важный железнодорожный узел, центр цветной металлургии, машиностроения и металлообработки — таков сегодняшний ранг города на Иртыше.

С. БОРИСОВ

Юрий БЛАГОВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

САЛЬТО НА ХОДУЛЯХ

Эту историю поведал мне знакомый инженер. Времени с памятного для него события прошло немало, но волнения своего он не мог или не хотел скрывать...

— Приехал я в Ялту отдыхать в погоду вовсе не курортную. Туман, дождь — и так несколько дней.

Выручил меня в какой-то степени цирк. На набережной я увидел афишу известного иллюзионного аттракциона и вечером уже восседал в плохоньком брезентовом шاپито.

Я обожаю цирк и с наслаждением снова погрузился в его наивный и все же загадочный мир: волшебник уезжал в машине в одну сторону и тут же выходил с другой; он перепиливал очаровательную ассистентку, а противный скрип пилы заглушала реплика коверного клоуна: нельзя ли, мол, перепилить его жену в сорок лет на две по двадцать; волшебник фотографировал зрителей и сразу же вручал им уже окантованные портреты; клоун, поднятый в ящике под купол, по счету «раз, два, три» оказывался на самом краю арены, из крохотной шкатулки вылетала большая стая голубей; молоденькая дрессировщица, войдя в пустую клетку, мгновенно превращалась в свирепого льва.

Но особенно запомнилось мне такое. Стройная девушка вставала на низенький пьедестал в центре манежа, а сверху спускался на тросе большой «футляр» из обручей, оклеенный мягкой бумагой — лигнином. И едва этот самый футляр успевал артистку накрыть, как иллюзионист подносил к нему факел. Огромное пламя заполняло цирк! Когда же неистово трещащий лигнин сгорал, оставались скелетообразные обручи футляра. Они опускались на манеж, а девушки — как не бывало! Затем выкатывали большую вазу, выливали в нее бочек двадцать воды, накрывали вазу скатертью, снимали ее, и из этой самой вазы появлялись сперва — лилипут, а затем — коверный клоун, и, наконец, та самая девушка, которая только что была сожжена...

По дороге в санаторий я долго размышлял о сложной судьбе цирковых подвижников. Тех, что живут в своем доме один месяц из двенадцати возможных; тех, что летают под куполом, кладут головы в пасти львов, танцуют на проволоке.

Добро бы их вдохновлял восторженный гул переполненного зала, но это не всегда так! В иных местах в цирке — холодина, зрители в шубах, в перчатках, да и мало их... Или — ветер в клочья разрывает брезентовую крышу такого же вот шاپито, а на арене — лужи... А они работают весело, задорно, с огоньком, напоминая нам «сегодня и ежедневно», каким красивым, сильным и веселым должен быть человек!

Я решил непременно пойти еще раз в цирк.

Билеты были проданы, но администратор, к которому я обратился, угадал во мне цирколюбца и устроил в директорскую ложу.

В цирке было довольно душно, в ложу время от времени проры-

вался освежающий сквознячок. Крымские дожди в отличие от кавказских непродолжительны, и этот в конце концов иссяк.

Фокусы занимали второе отделение программы, а первое, состоящее из разнородных выступлений, заканчивал слаженный номер акробатов-прыгунов. В финале этого номера руководитель группы появлялся на высоких ходулях, становился на край подкидной доски, а двое его партнеров прыгали с тумбочки на ее противоположный конец. Акробат от этого прыжка взлетал под самый купол и, описав немыслимой красоты дугу, четко впечатывался ходулями в манеж.

Тогда в антракте публика больше всего говорила именно об этом прыжке.

И вот, когда я вторично попал в цирк, руководитель номера встал на доску, прыгнули партнеры, а я машинально взглянул на купол и увидел свесившийся трос, образовавший длинную петлю. Именно на этом тросе спускался футляр в иллюзионном трюке со сжиганием. Я подумал, как бы не задел прыгун этот трос ходулями...

Так это и произошло! Начав описывать круг, он действительно зацепился ходулей, и мне даже показалось, что на какое-то мгновение повис вниз головой. Но это, конечно же, показалось, а на самом деле прыгун, описав не круг, а только полукруг, стал стремительно падать на манеж. Он летел спиной на толстый мат, возле которого для страховки стояли два артиста... Но то ли они растерялись, то ли не успели, — прыгун так и упал на манеж спиной.

Позднее мне рассказали, что когда в Москве гастролировал один из зарубежных цирков, зрители восхищались мужеством американского канатоходца. Немолодой, но очень атлетичный, он взбирался на канат и под самым куполом разгуливал по нему до неправдоподобности свободно, без всяких предохранительных сеток или поясов. Но, возможно, тогда не все обратили внимание на крепко сколоченного человека, стоявшего в это время внизу, на манеже. Его специальность, вероятно, одна из самых редких на земле — толкать падающего (именно толкать, а не подталкивать). Когда канатоходец камнем летит вниз, этот специалист успевает оттолкнуть его в сторону. И сила удара при падении уменьшается.

Именно так и должны были сделать партнеры прыгуна на ходулях. Однако не сумели...

Я побежал к администратору, и затем мы, вместе пробиваясь сквозь возбужденную толпу, выплеснувшуюся из боковых выходов, появились на цирковом дворе.

Артист лежал на шите, на котором намалеванный красноречивый клоун, что и подчеркивало трагизм положения и оттеняло бледность прыгуна. На коленях перед ним стояла молодая женщина, видимо, его жена. Он что-то

беззвучно ей шептал и растерянно поглядывал на окружающих.

Партнеры стояли, понуриив головы. С шумом въехала во двор машина «Скорой помощи», прыгуна на носилках внесли в нее, жена поехала с ним.

— Бог меня избавь выйти затакого... — вздохнула толстая буфетчица во дворе, — каждый вечер переживай за него!..

Зрители были подавлены случившимся, а я даже вздрогнул от звонка, приглашающего к началу второго отделения. Шло оно недружно, шутки коверного клоуна принимались разве что детьми. Взрослые же волей-неволей чувствовали себя соучастниками чего-то тягостного и, как ни отгоняли от себя эту мысль, она не проходила.

Аттракцион уже заканчивался, когда вдруг возбужденный инспектор манежа, извинившись перед иллюзионистом, обратился к публике.

— Уважаемые зрители, — и тут голос его сорвался, — артист (он назвал фамилию) здоров и чувствует себя хорошо!

Следом за этими словами появился прыгун, как я потом выяснил, отпросившийся из приемного пункта «Скорой помощи». Он был очень бледен и вышел не в ярком сценическом костюме, а в довольно будничном пиджаке, никак не рассчитанном на появление в манеже. Публика артиста не сразу и признала. Но когда люди поняли, кто перед ними, весь зал, как один человек, вскочил с мест. Началась такой силы овация, какой я никогда не слышал в цирке...

Курортное время всегда проходит быстрее, чем хочется, и я вернулся в Москву.

Вскоре предприятие, на котором я работал, командировало меня в город К. Первое, что я в нем увидел, — были пестрые афиши того самого циркового коллектива, с которым простился в Ялте.

Надо ли вам объяснять, что вечером я был на представлении. Когда объявили номер прыгунов, меня начало лихорадить, словно прыгать на ходулях предстояло мне самому. Да нет же, утешал я себя, руководитель не будет прыгать, он не мог еще поправиться... Мало ли что было тогда под горячую руку — не хотел огорчать публику и вырвался из объятий медицины. Но, вероятно, на несколько минут. Он тогда приехал успокоить зрителей, не желая им портить впечатление от вечера. А потом артиста, конечно, уложили, и пошли всякие анализы, рентгены, бинты... Шутка ли: лететь из-под самого купола спиной на этот жесткий мат и упасть на него тяжело, грузно, с торчащими ходулями, делавшими человека абсолютно беспомощным.

Но, о чудо! Двух недель не прошло, а труппа выходит в полном составе, и вновь руководитель встает на ходули на край доски и, описав дугу, четко впечатывается в манеж.

Потрясенный увиденным, я в антракте разыскал директора цирка. — Могу я повидать артиста такого-то?

— Конечно.

— Как вы думаете, когда лучше: сейчас или после представления?

— Когда хотите. Он никуда не денется.

— То есть?

— Он живет в цирке, номера в гостинице ему не достали.

Оказывается, если одна программа, закончив выступление, еще не уехала, то вновь приехавшая может сразу и не устроиться. Но работать-то надо!

— Если нет гостиницы, — возмутился я, — вы бы частную квартиру нашли...

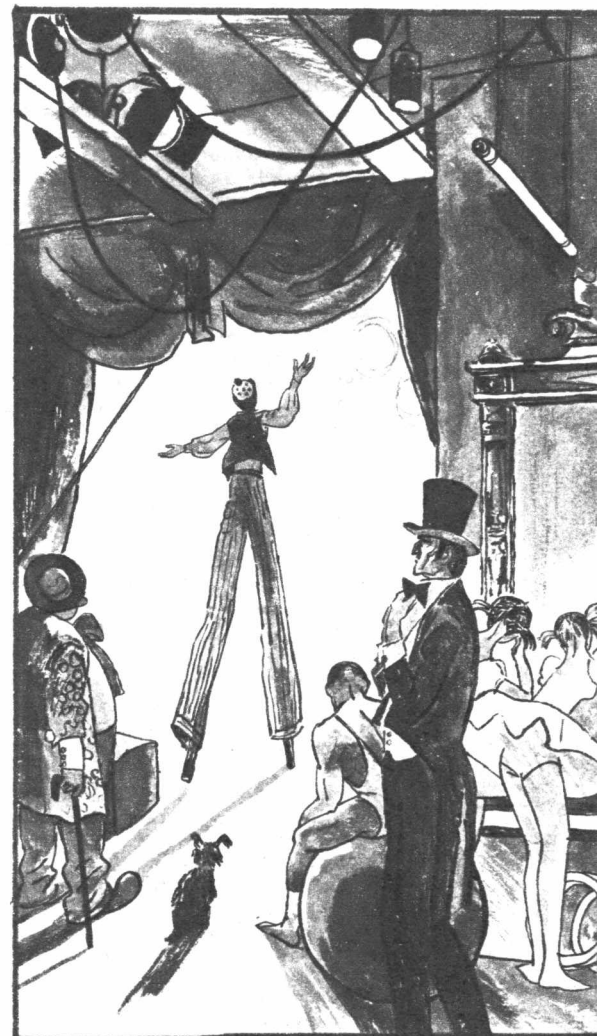
— А кто ж его пустит с двумя детьми?

— Да вы знаете, что с ним в Ялте было?

— Так ведь это когда?.. Да и с кем подобного не бывало!

Я долго крутился на постели в забронированном для меня номере. И уж когда начал было засыпать, вдруг вспомнились слова циркового пролога, которые я слышал дважды и оба раза вполуха:

Цирк мужественным людям
Вручил себя давно;
Была, и есть, и будет
Опасность в цирке, но...
Пусть ныне и до века
Вселяет мастерство
Не страх за человека,
А гордость за него!..

«ПОДОЖДЕМ «ЕЛЕНУ»?»

В «Огоньке» [№ 25 нынешнего года] опубликован репортаж К. Барыкина «Подождем «Елену»?». Затем [№ 37] был напечатан обзор пришедших откликов; в их ряду ответившее далеко не на все вопросы письмо от заместителя министра медицинской промышленности В. А. Дворяковского. Продолжающая поступать читательская почта свидетельствует, что вопросы, поднятые в репортаже и обзоре писем, решаются очень медленно.

«Проблема очков и оправ злободневна и остра», — пишут многие наши читатели. «Прежде всего — не закрывайте, пожалуйста, разговор, начатый публикацией «Подождем «Елену»?», — советует Г. Милевская из Иркутска. — Пусть наша медицинская промышленность разворачивается поскорее!» Авторы многих читательских писем с огорчением отмечают, что выпускаемых оправ не только мало, но и плохи они, некрасивы, неудобны, не дотягивают до уровня лучших образцов.

Письмо, полученное редакцией от министра здравоохранения РСФСР В. В. Трофимова, следует отнести к ряду деловых и конкретных. В ответе сообщается о том, что министерство рассмотрело статью «Подождем «Елену»?» и считает, что статья объективно осветила создавшиеся трудности с обеспечением населения очками. Далее министр детально информирует о том, как в Российской Федерации идет работа, направленная на улучшение обеспечения очками. В республике открыто 146 магазинов «Оптика» и 596 специальных отделов в аптеках. При 93 магазинах организованы кабинеты врачей-офтальмологов, где производится подбор очков и выписка рецептов. В Ленинградском электротехническом техникуме организована подготовка оптиков (уже выпущено 540 специалистов со средним техническим образованием).

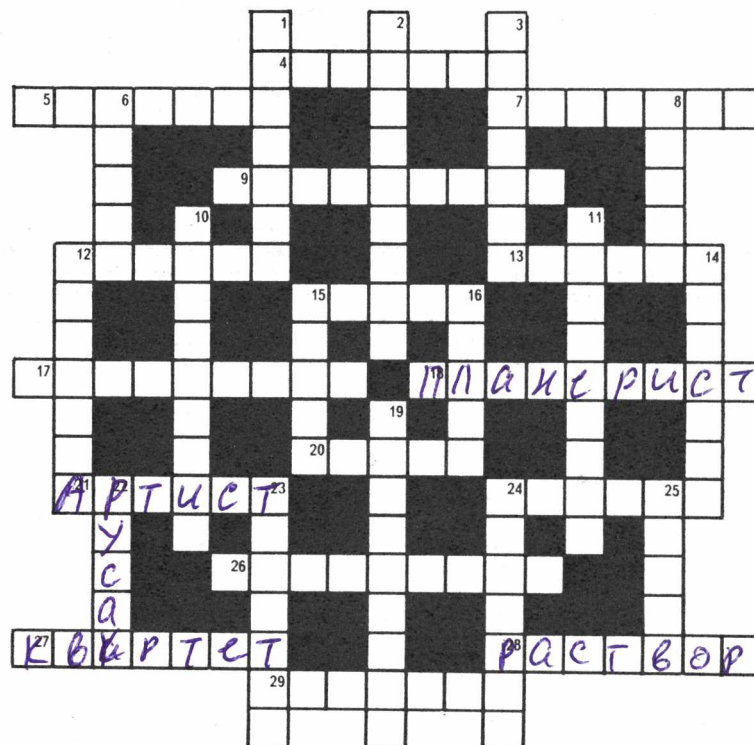
«Однако обеспечение населения очками по-прежнему остается неудовлетворительным», — пишет тов. Трофимов, отмечая, что это является причиной многочисленных жалоб населения. — В 1977 году фонды на оправы были выделены всего на 40, а в 1979-м — на 47 процентов». Из заявленной в текущем году 61 модели оправ только восемь выделены полностью, двадцать пять — в пределах до 50 процентов. Недостаток оправ усугубляется еще и тем, что заводы Министерства медицинской промышленности ежегодно недопоставляют оправы. Только в 1978 году Изюмский оптико-механический завод недогрузил (по уже выделенным фондам) 562 тысячи оправ, а за первые шесть месяцев нынешнего года — 165,8 тысячи оправ.

Очень плохо, отмечает министр, идет поставка оправ для детских очков, что особенно заботит работников здравоохранения. Недостаточно выделяется и запасных частей для ремонта оправ. Магазины и отделы оптики испытывают острый дефицит на астигматические и бифокальные линзы.

(Это все беды, для устранения которых требуется деловая и повседневная помощь Министерства медицинской промышленности, которое пока, как видно из многих примеров, не может взять нужный темп и ритм, предприятия которого поставляют оправы и линзы неритмично, низкого качества и далеко не достаточно по объемам. — Прим. ред.)

Однако, и это подчеркнуто в письме тов. Трофимова, не следует все недостатки перекладывать только на плечи других, это едва ли поможет делу. Еще немало огрехов, зависящих от организации работы. На устранение их и направлены усилия Министерства здравоохранения РСФСР и его Главного аптечного управления, от руководителя которого редакция тоже получила ответ. В нем начальник Главного аптечного управления РСФСР А. Д. Апазов сообщает, что в 1981—1985 годах предусмотрено открыть еще 93 оптических магазина и 159 отделов оптики. Тов. Апазов информирует редакцию и о том, какие меры приняты по письмам читателей «Огонька». Деловитость и конкретная информация, которая содержится в ответе, дают право надеяться, что вопросы обеспечения очками находятся в поле повседневного внимания органов здравоохранения Российской Федерации.

Но, повторимся, от них зависит далеко не все. Главными вопросами все же остаются качество очков — линз и оправ — и их количество. И тут первое слово принадлежит Минмедпрому СССР, а также министерствам и ведомствам, поставляющим оптикам сырье, строящим и реконструирующим предприятия оптической промышленности. От них редакция ждет ответа. Не разговора об очках вообще, а сообщения о том, как выполняются ранее принятые планы и решения.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Роман И. А. Гончарова. 5. Советский космонавт. 7. Река на Северном Кавказе. 9. Древний город на Украине. 12. Птица семейства вороновых. 13. Медный духовой инструмент. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Вертикальный желобок на колонне. 18. Пилот безмоторного летательного аппарата. 20. Река, впадающая в Каспийское море. 21. Исполнитель ролей в театре, кино. 24. Город в Подмосковном угольном бассейне. 26. Станция, сигналы которой используются для определения местонахождения самолета, судна. 27. Ансамбль музыкантов. 28. Вяжущий материал, применяемый в строительстве. 29. Действующее лицо в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

По вертикали: 1. Кабина дирижабля, стратостата. 2. Грузоподъемное устройство из нескольких блоков. 3. Грядки декоративных травянистых растений, клумба. 6. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 8. Опера Л. Делиба. 10. Систематизированное собрание предметов, представляющих научный или художественный интерес. 11. Ученое звание. 12. Кормовой знак. 14. Герой музыкальной драмы Р. Вагнера. 15. Фигура высшего пилотажа. 16. Фарфоровый изолятор для закрепления электропровода. 19. Русский литературный критик и поэт XIX века. 22. Заяц. 23. Научное сочинение. 24. Обжимной прокатный стан. 25. Снежный барс.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 5. Квинта. 6. Оттава. 8. «Снегурочка». 10. Салют. 11. Регби. 12. Очков. 14. «Старик». 15. Анилин. 16. Сапсан. 18. Треста. 20. Трасса. 23. Просо. 24. Исеть. 25. Парфюмерия. 28. Ателье. 29. Цадаса.

По вертикали: 1. Банан. 2. Леток. 3. Вайгач. 4. Золото. 5. Куплет. 7. Арагви. 8. Стереоскоп. 9. Артиллерия. 12. Октакт. 13. Валюта. 17. Акоста. 19. Треска. 21. Рефрен. 22. Скерцо. 26. Аллюр. 27. Индий.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ночные краски Усть-Каменогорска. * Литейщик Николай Васильев работает на титаномagneмном комбинате со дня его пуска в 1964 году. * Вера Цыганок — лаборант усть-каменогорского ВНИИ цветных металлов. * Горят огни Бухтарминской ГЭС.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Два десятка лет ловит рыбу со своей бригадой Борис Никитович Богатырев (см. в номере материал «Город на Иртыше»).

Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 29.10.79. Подписано к печати 13.11.79. А 00748.
Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2559. Заказ № 1438.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Пентагоновский «буксир».

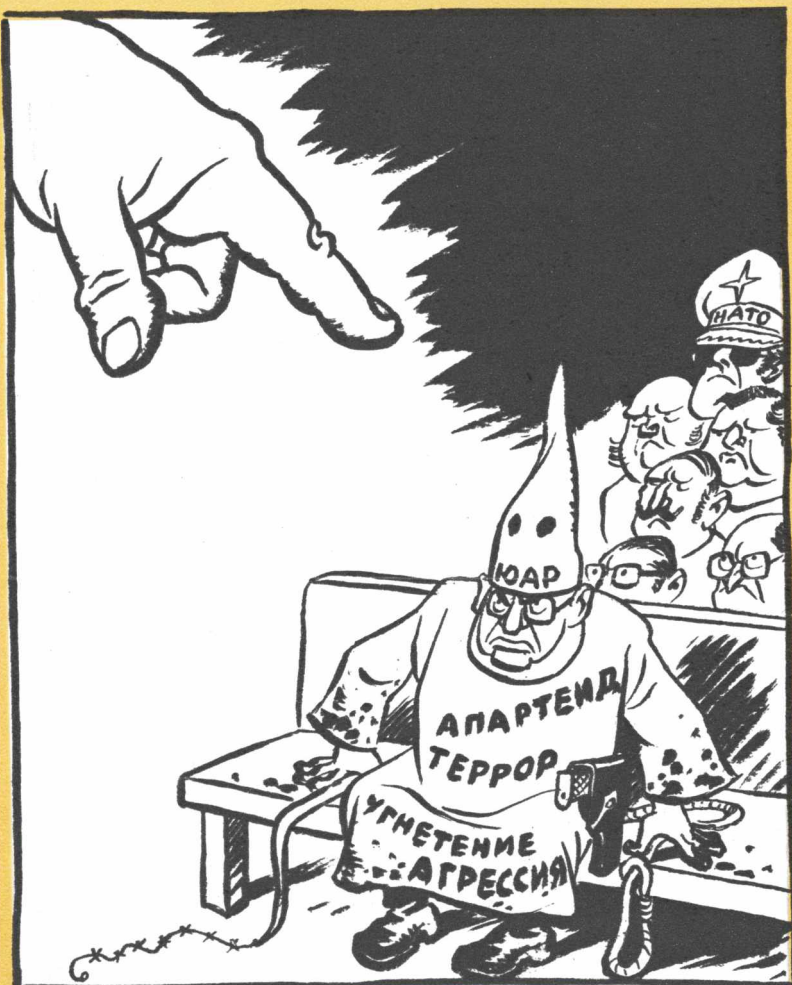

Дядя Сэм недоволен.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного
художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

На скамье подсудимых.

Лондонский план «урегулирования».

